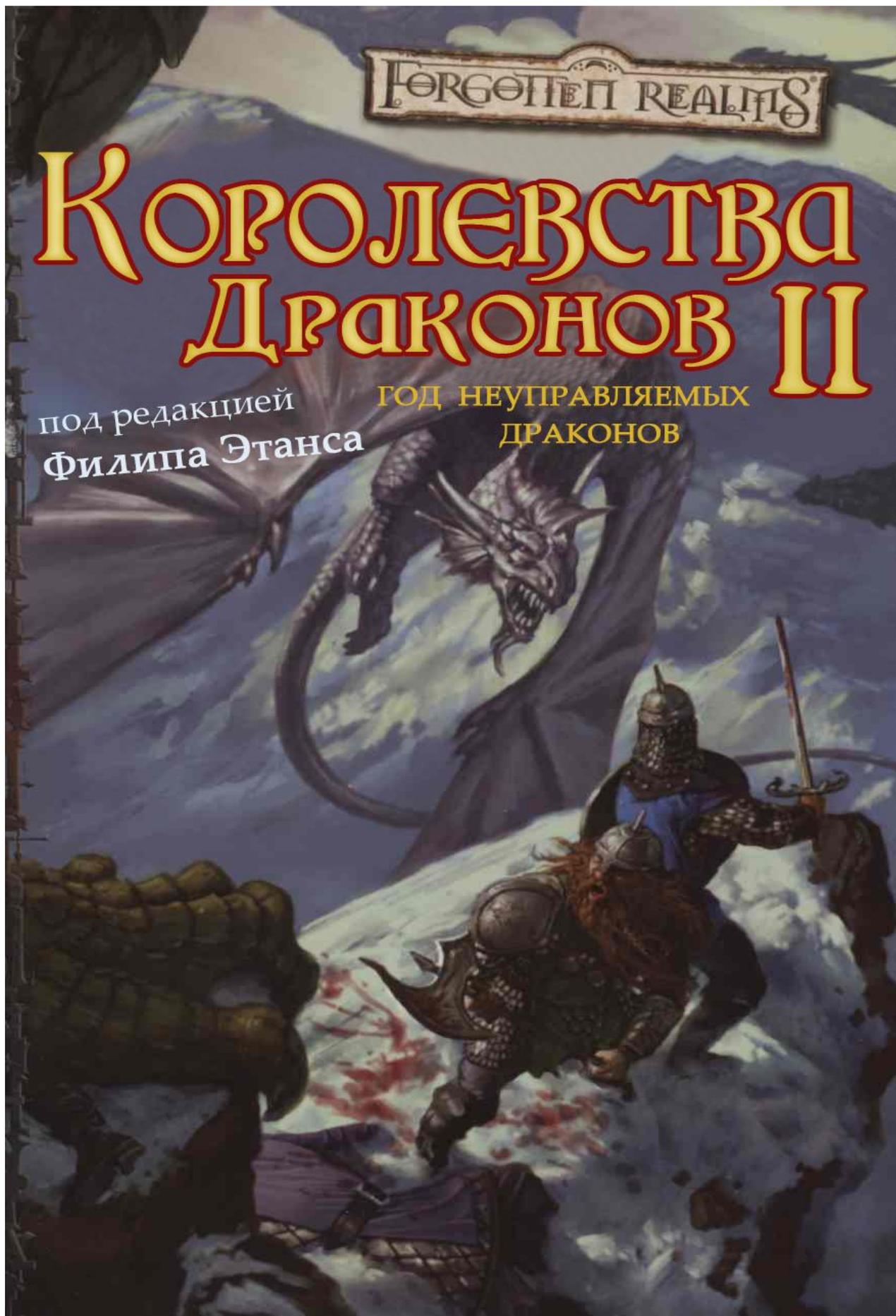

FORGOTTEN REALMS

КОРОЛЕВСТВА ДРАКОНОВ II

под редакцией
Филипа Этанса

ГОД НЕУПРАВЛЯЕМЫХ
ДРАКОНОВ

Королевства возносятся и погибают, человеческие жизни утекают, будто мгновения, а драконы наблюдают с высоты. Но время замирает, когда могучие вирмы теряют рассудок и остаются во власти своих жестоких инстинктов. И когда случается такой момент, ты должен бежать со всех ног. Из дальних уголков Фаэруна, с высоты небес и глубины пещер, из воображения нового поколения повелителей фантазии явились истории о злых и добрых драконах. Этот сборник содержит новые истории о Забытых Царствах от таких новичков как автор "Девы Боли" Кэмерон М. Франклин, Мюррей Дж. Д. Лидер, Эрик Скотт де Би, Джеймс Дэвис и многих других.

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons "Forgotten Realms". Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Переводчик:

1. Гнев волшебного дракона - Эрин Теттенсор - **RoK**
2. Женщина, рисовавшая драконов - Розмари Джонс - **RoK**
3. Игра в охоту - Эрик Скотт де Би - **RoK**
4. Дорога домой - Харли Стро - **RoK**
5. Как Бурлмарр спас незримого защитника - Кэмерон М. Франклин - **RoK**
6. Выдумка - Дж. Л. Коллинз - **RoK**
7. Книжный дракон - Джим Питрат - **RoK**
8. Обещание свободы - Эд Джентри - **RoK**
9. Перевоплощения - Джеймс П. Дэвис - **RoK**
10. Королева горы - Джейли Джонсон - **RoK**
11. Сила шута - Мюррей Дж. Лидер - **RoK**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через нашу группу Вконтакте (https://vk.com/abeir_toril). Если Вам понравился перевод, просто присоединяйтесь к сообществу и скажите «спасибо» - этого будет достаточно. ;-)

Присоединяйтесь к нашему сообществу Вконтакте https://vk.com/abeir_toril и регистрируйтесь на нашем сайте abeir-toril.ru и форуме shadowdale.ru — новые книги вас будут ждать только там.

«КОРОЛЕВСТВА ДРАКОНОВ II»

Под редакцией Филипа Этанса

ГНЕВ ВОЛШЕБНОГО ДРАКОНА

Эрин Теттенсор

...или как Зикс вторжение людей предотвратил

Год Орудийной Башни (1360 ЛД)

Зикс был проворным драконом. Длиной всего в десять сантиметров, его тело не требовало большой подъёмной силы, чтобы оторваться от земли – а это значило, что его аккуратные крылышки могли уделять большую часть своего внимания маневрированию. Что они и делали с неиссякаемой энергией, хлопая с такой скоростью, что они становились практически невидимыми невооружённым глазом. Тем временем хвост, по сравнению с размерами остального туловища, был длинным – почти до безобразия. Действуя точно неплохой руль, разрезающий воздушные потоки, он позволял Зиксу резко менять направление, лавируя из стороны в сторону – с точностью, которой позавидовала бы даже самая юркая колибри.

Всё это пришлось как нельзя кстати, иначе юань-ти раздавил бы его, будто жука.

- Гадость! – прошипела полукровка, тыча в Зикса рукоятью скимитара.

- Ой-ёй, - весело прозвенел волшебный дракончик, легко уходя от ударов. – Слишком медленно!

Чтобы подчеркнуть издёвку, он на мгновение задержался на самом лезвии клинка змееженщины; уголки его пасти слегка изогнула насмешка.

Но триумф продолжался недолго. Юань-ти в очередной раз широко взмахнула, и её оружие глубоко вонзилось в ствол дерева. Зикс едва не задохнулся от отвращения.

- Неуклюжая дурында! – вскрикнул он. Нырнув вниз, он ткнул полукровку в глаз. Не бог весть какая атака, наверно, но нанесённая дереву рана требовала незамедлительного возмездия. – Это желтодреву старше тебя на несколько веков! – шипел он. – Прояви уважение!

- Я тебе сейчас твои внутренности проявлю, насекомыш!

Змеюка попыталась схватить крошечное докучливое существо, но Зикс снова увернулся с издевательской лёгкостью, оставив её пальцам лишь пустой воздух.

- Ну давай, попробуй! – насмехался дракончик.

Юань-ти истово повиновалась, и Зикс сразу сместился назад – но совсем недалеко. Ухмыляясь, он порхал на самой границе досягаемости, затем, повинувшись внезапному наплыву вдохновения, подмигнул – мастерский ход. Взбешённая сверх всякой меры, юань-ти в последний раз бросилась на своего мучителя, продираясь сквозь поросль в убийственном порыве.

У неё так ничего и не получилось. Под весом твари ловушка поддалась, послав ту под покров лесной почвы, в хитроумно прикрытую яму.

Последовал глухой стук. Словно после некоторого раздумья, следом последовали ветки и листья. Потом долгие секунды всё было тихо. Зикс висел над западнёй, вглядываясь в полутьму и пытаясь определить судьбу своей жертвы.

- Надеюсь, не померла, - пробормотал он. С мыслью о том, что даже одна юань-ти избежит очередной порции насмешек, он не мог смириться.

Однако в тот же момент снизу послышалось шевеление, и Зикс выдохнул с облегчением. Женщина-змея оправилась, и теперь плевалась и сыпала проклятиями, тщетно пытаясь выкарабкаться.

- Удачи! – бросил ей дракончик. – Надеюсь, муравьи не слишком беспокоят, всё-таки время года сейчас такое.

Благополучно метнув последнюю колкость, Зикс оставил юань-ти на милость джунглей и всплыл к лесному пологу, выискивая тихое местечко чтобы перевести дух. Доставать злобных змеелюдов, конечно, весело, но это очень изматывало.

Дракончик приземлился на большой лист бананового дерева, устроился в центральной жиле и потянулся, позволяя послеполуденному солнцу прогреть его чешуйки – роскошь, которую он позволял себе при малейшей возможности, ведь тропический лес нечасто предоставлял несколько непрерывных часов солнечного света. Вскоре его веки уже лениво закрывались, размывая волны зелени перед глазами. Поблизости парил сокол, высматривая добычу. Даже для его зорких глаз Зикс показался бы простой ящерицей, нежащейся на солнце – настоящий лакомый кусочек. Но волшебному дракончику нечего было бояться. Его оружия – особого умиротворяющего дыхания – хватало, чтобы уберечь своего владельца даже от самых неистовых хищников, и он применил бы его без всяких сомнений. К тому же, по мнению Зикса, миру не повредила бы чуточка спокойствия.

И всё же стоило держать ухо востро. Маленький дракон заморгал, пытаясь не заснуть и сосредоточить внимание на безмятежно парящем соколе. Его глаза проследили за птицей, когда та повернула на запад, к ущелью – там мерцающая золотая полоса, река Оланг, пробивала свой извилистый путь к далёкому побережью Чулта. Но что-то было не так. Тёмное щупальце зловеще вздыбилось на горизонте, извиваясь точно рассерженная кобра. Нахмурившись, Зикс подобрался и вгляделся вдаль.

- Дым, - пробормотал он.

Непривычное зрелище. В таком влажном климате огонь редко появлялся сам по себе, и Зикс не знал никаких разумных рас, могущих населять данную область. Любое предположение о том, что такими «разумными» расами являлись, собственно, юань-ти, дракончик высмеял бы совершенно чистосердечно – Зикс был не из тех драконов, что позволили бы чему-то такому приземлённому, как «доказательства», развеять его тщательно оберегаемые предрассудки.

Окончательно проснувшись, Зикс покинул свою лежанку. Частью его обязанностей в роли самопровозглашённого хранителя леса было расследование необычных явлений, как раз подобных этому. До сих пор он полностью оправдывал это звание. Далеко ходить не надо – только прошлой зимой он предотвратил вторжение бабочек, сбившихся с пути во время годовой миграции. Если бы Зикс не присматривал за такими вещами, никто бы этого не сделал.

Приблизившись к источнику дыма, он безошибочно определил запах свежей древесины. Дракон с отвращением наморщил нос – что за дикарь будет рубить живое дерево, когда кругом полно поваленных. Наверняка случайно забредший юань-ти, ведь ни одно существо, способное развести огонь, не водилось здесь на сотни километров вокруг.

Или так Зикс думал. Но когда разошлась листва, перед ним открылся вид, заставивший его резко остановиться – воистину ужасающий, тот, которого любое лесное создание страшится больше всего. Дракончик содрогнулся и тяжело плюхнулся на ветку. Не может быть. Только не здесь.

«Нет, - в отчаянии думал Зикс, - это неправильно!».

Это был человек.

До этого дракончик ни разу не встречал ни одного, но догадался сразу, как увидел. По тому, как вторгшийся вышагивал по расчищенному месту, будто владеет им – вытаптывая при этом редкие травы и хрупкий лишайник. По тому, как он набросился на гнилое бревно, дом миллионов крошечных существ, содрав его как корку с раны – с глубокой раны во мху под ним. Зикс в глубокой печали отвернул взгляд. Сколько это мгновение принесло смертей? Сколько поколений тяжёлой работы пошло прахом?

Человек на секунду приостановил разрушение и, прищурившись, оглядел окрестности – взглядом, грубо разделяющим всё, на что попадает, на две категории – «полезное» и «мешается». Зикс знал этот взгляд – и это точно не был взгляд просто проходящего мимо путника.

Самые мрачные его подозрения подтвердились спустя миг, когда нарушитель позвал кого-то, и появились ещё двое представителей его смертоносного вида, с топорами на плечах.

- Как продвигается? – поинтересовался самый первый.

- Медленно, - ответил один из сообщников. – Похоже, уйдёт дней десять на то, чтобы расширить проход настолько, чтобы повозки прошли.

- Да не, - фыркнул другой. – Может, четыре. Когда Ивор и остальные доберутся сюда, дело пойдёт быстрее.

Первый мужчина всхрюкнул, с прищуром посмотрев на небо, и сказал:

- Тогда продолжаем. Скоро стемнеет.

Подобрав молоток и колышек, он оценивающе оглядел землю. Зикс с ужасом понял, что человек собирается ставить палатку.

Дракончик почувствовал вкус крови, и только сейчас понял, что кусает собственный язык. Кончик хвоста нервно дёргался, заставляя ветку под ним трястись в унисон.

Так не пойдёт. Совсем не пойдёт.

Что-то нужно делать.

К счастью, план возник достаточно быстро – мозг Зикса являлся необычайно плодородной почвой для всяческих задумок и схем.

- Не расслабляйтесь тут, - прорычал он вполголоса, буравя непрошенных гостей горящими глазами. – Вы здесь ненадолго.

- Цирро.

Никакого ответа не последовало.

- Цирро!

Любой, кто когда-либо пытался разбудить туманного дракона, скажет вам, что это непростое задание. Сон для этих существ – священный ритуал, место с нерушимыми границами, наряду с медитацией, философскими дилеммами и другими проявлениями глубоких размышлений. Будьте туманного дракона на свой страх и риск – ибо кто знает, каким чудесным, полусознательным открытиям вы помешаете осуществиться?

К счастью, Зикса подобная ерунда не волновала. К тому же, на сколько ему было известно, Цирротамалан итак уже испытал больше прозрений, чем рекомендовалось бы небожественному существу.

- Цирро, - обратился он, - я пришёл сообщить тебе, что покидаю лес.

Появилась светящаяся жёлтая щель, и вертикальный зрачок с воодушевлением расширился. Зикс вздохнул. Он боялся, что его уловка сработает – хотя признавать это было и больно, у него создалось неизгладимое впечатление, что Цирротамалан не всегда был благодарен его компании.

- Покидаешь? – прогрохотал туманный дракон, подняв свою тяжёлую голову. – Какая трагедия. Как жаль, что ты уходишь.

- О, ты так добр, - отозвался невосприимчивый к сарказму Зикс. – Но, возможно, я слегка преувеличил. Я имел в виду, что покидаю только эту часть леса – временно – потому что появились дела в другом месте.

Веки Цирро вновь наполовину опустились.

- Потрясающе, - пробурчал он тоном, далёким от чего-либо, хотя бы отдалённо напоминающего потрясение. – Я искренне благодарен за то, что ты потревожил мой сон ради совета.

- Да пустяки, в конце концов, мы же друзья. Но вообще-то мне нужна твоя помощь, - мордочка дракончика приняла серьёзное выражение, и он добавил: - Вернее, лесу нужна твоя помощь.

Цирро зевнул совершенно неподобающим для того, кого только что позвал долг, образом, и отмахнулся:

- Зикс, скройся.

- Но ты даже ещё не выслушал, что я собирался сказать, - заметил волшебный дракон. – Тебе не любопытно?

- Мне когда-нибудь было любопытно, Зикс? Мне было любопытно, когда ты прилетел жаловаться на заблудившихся бабочек? Думаешь, мне интересно выслушивать твои излияния по поводу политических дрызг обезьян-ревунов? Мне

нужно думать о вещах поважнее – в мире ещё столько великих загадок, которые нужно решить. Например, почему волшебные драконы не могут оставить никого в покое!

С этими словами Цирро опустил голову и свернулся, показывая, что беседа окончена.

Но Зикс был не из тех, кто понимает такие туманные намёки.

- На этот раз заинтересуешься, Цирро, - промолвил он. – В лес пришли люди.

Дракончик очень бы хотел, чтобы его заявление сопровождалось раскатами грома. Было бы так, возможно, Цирро отнёсся бы к нему более серьёзно. Но туманный дракон лишь вяло потянулся и проворчал:

- Это был всего лишь вопрос времени.

- Чепуха! – твякнул Зикс и начал нервно семенить по ветке. – Они уже разбили лагерь, и я слышал, что они собирались пригнать повозки! Ручаюсь, что они явились за деревьями – делать потом всякие штуки из древесины, насколько мне известно. Омерзительно, - добавил он с содроганием.

- Ммм... - ответил Цирро; его голос уже приобрёл хрипотцу, характерную для почти заснувшего.

- И, – продолжал Зикс, нарочито подчёркивая каждое слово, - они едва ли в пяти километрах от твоего грота.

Цирро вскочил так быстро, что возникший порыв ветра сбил Зикса с насеста. Маленькому дракону пришлось яростно бить крыльями, чтобы не свалиться в реку.

- Моего грота? – взревел Цирро.

Как и у большинства его сородичей, у Цирротамалана имелось любимое место для размышлений, уединённое убежище, где он мог обдумать невероятные таинства жизни. Сама мутная вода мало его интересовала, но вот окружающие пещеры были для него священны. Благодаря закрывающей вход завесе рокочущего водопада, грот был практически недоступен для существ поменьше – для таких, например, как волшебный дракончик. Это место служило Цирро ревниво оберегаемым храмом. Немногие лесные звери отваживались приближаться к тамошним берегам.

- Когда люди найдут его, - протянул Зикс, - то объявят своим. Будут забирать оттуда воду, будут стирать там одежду. И мыться.

Последнее предположение вызвало одинаковую волну отвращения у обоих драконов. Цирро сорвался с места, глубоко погружая огромные когти в прибрежную грязь и заставляя лягушек и стрекоз рассыпаться в разные стороны.

- Ладно, волшебный дракон, - громыкнул он, - что ты предлагаешь?

- Мы должны избавиться от них, - ответил Зикс. – Сейчас же.

- Соглашусь. Нападу на них ночью, под покровом темноты. Когда придут остальные, они найдут лишь маленькие кусочки п...

- Эм... а... Цирро, - прервал Зикс, поморщившись. – Я не это имел в виду.

- А что же? – нахмурился его сообщник.

- Не нужно никого убивать, это не обсуждается.

Цирро нахмурился ещё сильнее, пробормотав что-то не очень лестное о волшебных драконах, но Зикс оставался непоколебим.

- Нам нужно лишь напугать их, - настаивал он. Кончик его змеиного хвоста начал возбуждённо подёргиваться. – Ну, знаешь, заставить их думать, что в лесу небезопасно.

- В лесу небезопасно, - повторил Цирро. – У тебя есть какая-то идея, маленький дракон, или ты говоришь всё это только ради того, чтобы услышать собственный голос?

Зикс уставился на товарища с видом оскорблённого достоинства.

- Разумеется у меня есть идея, - фыркнул он. – Хорошая, между прочим. Смотри.

И тут целая армия юань-ти с поднятыми скимитарами и капающей изо рта слюной высыпала из-за деревьев. Их было несколько сотен, один страшнее другого. Их жуткое хихиканье наполнило расщелину жутким эхом, заставив в ужасе упорхнуть всех птиц на близлежащих деревьях. Хищно ухмыляясь, твари приближались к драконам; голодные глаза их предводителя остановились на Цирротамалане, затем он насмешливо провёл когтем по горлу.

Туманный дракон вздохнул и отвернулся от неминуемой гибели.

- Юань-ти не хихикают, - отметил он.

Зикс наклонил голову, критически осмотрев змеелюдов, прежде чем согласиться:

- Хмм... Наверное, нет.

- И если я серьёзно не ошибаюсь, они обычно не розовые.

- Они не розовые! – обиженно вскинулся Зикс, затем пригляделся: - Может, чуточку персикового цвета, но точно не розовые.

- Смирись, Зикс, - усмехнулся Цирро, наблюдая, как юань-ти растворяются в воздухе. – Ты не силён в иллюзиях. Этой ерундой ты не одурачишь никого, даже людей.

Зикс насупился. Однако ему пришлось признать правоту туманного дракона – в иллюзиях он никогда силён не был.

- Ну не важно, - подытожил дракончик, - это всё равно была не та идея.

- Неужели? – поджал губы Цирро.

- Конечно нет, я просто развлекался. Моя настоящая идея связана с тобой.

При этих словах туманный дракон слегка отвернул голову и прикрыл глаз.

- Что ты имеешь в виду? – уточнил он.

Зикс проигнорировал нотки скептицизма в голосе друга и поделился:

- Ты и сам можешь напугать людей, Цирро, при этом не навредив им. Доверься мне, я предлагаю...

Туман пробрался в лагерь, точно невидимый убийца. Сначала он двигался неторопливо, вяло обвивая забытые инструменты и пропитывая ткань палаток. Плотная пелена накатывалась на тлеющий костёр до тех пор, пока от того не осталось ничего, кроме побеждённых струек дыма, слабо вихрящихся над размокшим пеплом. Со временем туман просачивался в открытые клапаны палаток, где оставался висеть, словно плохой сон, окутывая спящие тела, пока холод не становился невыносимым – тогда люди один за другим открывали глаза.

Они просыпались в белёсом мире. Мгла была такой плотной, что поселенцы не видели даже собственных рук перед лицом. Шатаясь и ничего не понимая, они вываливались из своих промёрзших убежищ, только чтобы неуверенно топтаться во тьме, непроницаемой ни для одного фонаря. Но туман не просто безвредно катился по поляне.

Всё началось медленно, как будто не неся никакой угрозы. Туман колыхнулся, будто тронутый дыханием лёгкого бриза – его щупальца мягко ощупывали стоянку. Хотя люди и не чувствовали ветра, он должен быть присутствовать – что же ещё могло вызвать это странное движение? Вскоре призрачный ветер начал набирать силу, крепчая до тех пор, пока не стал почти настоящей бурей. Клапаны хлопали и хлестали, лошади ржали и натягивали поводья. Странная пелена будто стала осязаемой, подбирая обломки и безрассудно швыряя их во все стороны. Мужчины склонились и прикрыли глаза, защищаясь от пыли и листьев, ураганом несущихся через лагерь.

Они кричали друг другу, но голоса терялись, поглощаемые сгустившейся завесой. До их ушей доносились лишь звуки разрушений – лопнувшей верёвки, рвущейся ткани. И хотя они не могли ничего видеть в этом непроглядном облаке, они знали, что непогода поглощает их лагерь.

Но вот, внезапно и необъяснимо, всё закончилось. Призрачный ветер остановил свою пытку. Туман рассеялся будто пар. Потрясённые мужчины озирались вокруг в полнейшем изумлении, бестолково ощупывая самих себя, словно ожидая нащупать какие-нибудь повреждения.

От стоянки мало что осталось, кроме расчищенного места. Палатки, инструменты – даже кони – исчезло всё. Не осталось даже обломков. Если бы не примятая трава, не было бы ни одного свидетельства того, что здесь когда-то кто-то останавливался.

- Гроза? – выплюнул взбешённый Цирро. – Они называли это «грозой» ?!

Неспособный иначе выразить своё негодование, он выпустил большой клуб водяного пара.

- Понимаю, - с неподдельным сочувствием отозвался Зикс. – Я тоже разочарован. Если тебя это утешит, смотреть было очень весело.

Двухсловный ответ туманного дракона давал понять, насколько сильно его это утешило.

Зикс посмотрел на друга с жалостью родителя, преподающего чаду болезненный урок, и сказал:

- Боюсь, туман просто недостаточно пугает.

Цирро прищурился и сделал вид, что собирается схватить дракончика зубами, возможно, желая удостовериться, что он вполне ещё способен пугать.

- Я знаю, - нервно хихикнул Зикс, дёрнувшись в сторону. – Это была моя идея. Но не переживай, есть ещё одна. Ещё лучше.

- Не интересуется, - проворчал Цирро. – Я разберусь с этим по-своему, дракон. Хватит с меня твоих сомнительных схем.

Он развернул свои внушительные крылья и начал всматриваться в листву, выбирая место, где могло бы пролезть его большое тело.

Сразу же представив себе ужасающую резню, Зикс храбро приземлился на нос огромного дракона.

- Подожди минутку, выслушай, - воззвал он. Цирро скосил глаза, пытаясь сфокусироваться на кончике носа, и дракончик воспользовался его замешательством, чтобы продолжить: - Мы просто неправильно ко всему этому подошли. Мы позволили реальности помешать нашим планам.

Цирротамалана настолько озадачило последнее утверждение, что он скосил глаза ещё сильнее.

- Мне следовало догадаться, - вздохнул Зикс. - Я оставался реалистом.

- Волшебный дракон! О чём ты говоришь?

Зикс терпеливо улыбнулся и разъяснил:

- Скажу так - что самое страшное в этих джунглях?

Туманный дракон мгновение размышлял, затем предположил:

- Дятлы?

Хотя и не будучи единственными птицами, селившимися во всевозможных трещинах его часто неподвижного тела, дятлы, несомненно, причиняли наибольшую боль.

- Ты даже не пытаешься, - укорил Зикс. - Подумай об этом с человеческой точки зрения.

После получения дополнительной подсказки, у Цирро не ушло много времени на поиск правильного ответа, и его глаза расширились от ужаса:

- Улуу Талонг? - прошептал он. Даже столь величественное создание, как туманный дракон, не осмеливалось произносить это имя слишком громко.

- Улуу Талонг! - торжественно возопил волшебный дракончик, ибо страх всегда был прерогативой исключительно рациональных существ.

Цирро непроизвольно содрогнулся. Из всех хищников джунглей, Улуу Талонг внушал наибольший ужас. И хотя никто, даже всезнающий Цирротамалан, не мог сказать, кем он был на самом деле, одно было известно наверняка - это был неоспоримый повелитель всех хищников, и даже самых смутных слухов о его приближении было достаточно, чтобы опустели многие километры тропического леса.

- Зикс, - неуютно шевельнулся Цирро, - мы не можем...

- Расслабься. Настоящий Улуу Талонг нам и не нужен. Реальность только мешает, забыл? Всё что нужно - это чтобы люди поверили, что монстр рядом. Лагерь станет пустей головы ленивца за считанные секунды!

Цирро невольно улыбнулся. Приходилось признать, что план действительно неплох.

- Но как мы это провернём? - задумался туманный дракон. - Ты ведь не ожидаешь, что люди поверят в одну из этих твоих глупых иллюзий? Улуу Талонг не отличается особой розовизной.

Зикс не обратил внимания на шпильку.

- Иллюзии нам и не понадобятся, - уверил он.

- Правда? И как же мы раздобудем этого опасного зверя?

- Перевоплощение, - ответил Зикс так, будто озвучивал самую очевидную вещь на свете.

Морда Цирро помрачнела.

- Должно быть слух подводит меня, маленький дракон. Мне показалось, ты сказал «перевоплощение».

- Так и есть. Мы притворимся Улуу Талонгом. Всё просто.

Малоизвестный факт: выражение «дым из ушей» на самом деле брало истоки от раздражённых туманных драконов. Даже сейчас небольшая струйка поднималась с одной стороны массивной головы.

- Действительно просто! – прорычал Цирро. – Такой же простой план, как ты сам! Ты предлагаешь выдать себя за существо, вселяющееся в деревья и превращающее ветки в челюсти? Должно быть ты стукнулся головой, когда вылуплялся!

- Никакого воображения, - засопел уязвлённый дракончик. – Задумка сработает.

- С чего бы?

Просветлев, Зикс продолжил:

- Я думал ты никогда не спросишь. Скажи мне, Цирро, как ты относишься к грязи?

Странный пронзительный звук прорезал воздух. Он был одновременно пустым и резким, будто кто-то играл на треснувшем деревянном рожке. Мужчины заморгали и закрыли уши руками, отгораживаясь от неприятного шума, и с подозрением оглядывали листву, пытаясь понять, что за птица его издавала.

Но звук исходил не от деревьев. Нет, он летел откуда-то из глубины кустов к северу от стоянки. Люди вглядывались в тёмные джунгли, но плотные заросли оставались непроницаемы. Жуткая «музыка» продолжалась, проскальзывая между ветвями словно изворотливая древесная змея.

- Что это? – прошептал Мэддок. Что-то в этом звуке заставляло его приглушить голос.

- Точно уж не птица, - отозвался Ивор. Он нагнулся поднять топор, и все, кто поопытнее, последовали его примеру – джунгли не то место, где можно довериться случаю. – И оно приближается.

Филар рыкнул и сплюнул на землю.

- Я думаю, стоит сходить проверить.

Вытащив меч из ножен, он повернул оружие, проверяя заточку. Из-за утраты топора ему пришлось использовать меч в повседневной работе, и часы рубки растительности привели лезвие в плачевное состояние. И всё же с настоящей работой при необходимости справится.

- Оставайтесь здесь, - приказал Ивор остальным. – Кричите, если что-то увидите.

Затем он подозвал Филара и Мэддока, и трое мужчин покинули сравнительную безопасность поляны, отправившись навстречу неизведанным опасностям.

- Идут! – радостно прошептал Зикс.

Он невероятно гордился своим жутким визгом, представляя, что он звучит очень похоже на пронизывающий вопль Улуу Талонга. И поскольку ни он, ни Цирро никогда не слышали пронизывающих воплей Улуу Талонга, не было никого, кто мог бы с ним не согласиться.

- Насколько близко? – захотел уточнить Цирро.

Туманный дракон от кончиков рогов до кончиков когтей был покрыт толстым слоем грязи, и, как следствие, практически ничего не видел. Ему пришлось следовать путанным указаниям Зикса, чтобы обнаружить вырубку, и он считал не иначе как чудом тот факт, что добрался невредимым. Что ещё больше впечатляло – большинство веток, которые Зикс прикрепил к его телу, пережили дорогу. Пока всё шло гладко.

- Примерно в двухстах метрах, - прикинул волшебный дракончик. – Достаточно времени, чтобы подготовиться. И запомни – думай, как дерево.

- Как дерево, - повторил Цирро без особого энтузиазма. Он поднялся на дыбы, опёршись на хвост для дополнительного равновесия и чувствуя себя невероятно глупо.

Неодобрительно цокая языком, Зикс не улучшал положения вещей:

- Нет! Нет! Подними передние лапы. Подними! Как будто это ветки, вот так.

Цирро вдруг болезненно отчётливо представил, как он должен был сейчас выглядеть.

- Если ты заикнёшься кому-нибудь об этом, волшебный дракон, я проглочу тебя целиком.

- Ну ты и шутник, дорогой Цирро! Теперь тихо. Они почти здесь. Помнишь, что делать?

Ивор ожидал, что их таинственная цель будет хорошо спрятана, но не догадывался, что настолько. Если бы Филар не вскрикнул, он бы наткнулся прямо на неё – огромное дерево, коряво изуродованное странными, гротескными наростами. Один только вид этого дерева настораживал, но что заставило Филара закричать – а Ивора отпрыгнуть с проклятиями – так это внезапное движение ветви.

Недолгое мгновение Ивор думал, что ему показалось, но нет – ветка совершенно определённо тянулась к нему. Что ещё хуже, это деревянное щупальце заканчивалось набором длинных, острых зубов. Поселенец ошеломлённо попятился.

Всё это и так было весьма странно, но последовали ещё более странные события. Необъятная громада дерева шевельнулась, и раздался оглушительный треск. Все – включая само растение – оглянулись в недоумении. Ещё один треск, и стало понятно, откуда он – это отваливались ветки поменьше. Одна за другой они отлетали от ствола, падая на землю. Филару пришлось отпрыгнуть подальше, чтобы не попасть под усыпанные листьями снаряды.

Оказавшись перед лицом внезапной потери своих отростков, монстр как будто бы растерялся и не знал, что делать. Отступив на несколько метров, он нерешительно

застыл, давая людям возможность получше себя рассмотреть. Избавившись от сходства с деревом, теперь он походил просто на большую колонну из грязи. Но – колонну с глазами, зубами и когтями.

Ивор почувствовал, как кровь отхлынула от его лица, когда он понял, что перед ними.

- Это... – его голос дрогнул.

- Что? – поторопил Мэддок голосом не громче шёпота.

- Это грязевик!

Это утверждение было встречено всеобщим недоверием.

- Но грязевиков не существует! – простонал Филар.

- Да? – Ивор нервно махнул топором в сторону чудища. – А это тогда кто?

Перед лицом неоспоримого доказательства Филар пересмотрел свою точку зрения. Что же до самого «грязевика», то он, казалось, перебирает все свои возможные действия – он отступил ещё дальше и ожесточённо спорил с какой-то корягой. Существо явно совсем обезумело.

- Нам придётся убить его, – негромко предложил Ивор. – Скоро мы доставим сюда свои семьи, и я не потерплю никаких грязевиков там, где живут мои мальчики.

- Абсолютно согласен, – прорычал Мэддок.

Набравшись решимости, мужчины двинулись к отвлѣкшемуся существу. Застать его врасплох – и всё кончится прежде, чем грязевик поймѣт, что с ним случилось.

К тому моменту, как Зикс заметил оружие, было уже слишком поздно. Лезвие вонзилось Цирро в левое бедро, легко пробив слой засохшей грязи. Туманный дракон взвыл и развернулся, едва не снеся хвостом голову человека с топором. Третий поселенец, тоже при топоре, замахнулся, целясь в переднюю лапу.

- Нет! – пискнул Зикс. – Стой!

Ему стало страшно. Не за Цирро, нет – туманный дракон вполне мог сжечь людей до самых костей. Как раз это-то и было проблемой.

- Цирро, пожалуйста! – умолял добросердечный дракончик. – Не убивай их! Так не годится! – он сновал туда-сюда, точно сбитый с толку шмель, заламывая лапки от отчаяния. – Думай, Зикс, думай!

На земле под ним Цирро развернул крыло, сшибив всех трёх нападающих.

- Убери их от меня, Зикс! – прорычал он. – Иначе я сделаю то, что должен.

Подчёркивая угрозу, туманный дракон хлестнул хвостом, оставив в грунте глубокую борозду.

Подобная демонстрация силы обратила бы в паническое бегство любое существо – любое разумное существо, конечно же. Но люди упрямо оставались на месте, обмениваясь с покрытым грязью драконом почти достигающими цели ударами. Один непрерывно рубил лапы Цирро, и его жалкий клинок нет-нет, да и находил уязвимое местечко. Другой же периодически взмахивал топором, ловя дракона в движении, что придавало ещё больше силы его ударам.

Цирро отгонял их по мере сил, выдыхая безобидные облачка пара, чтобы застелить им взор. Но рано или поздно его терпение кончится – и когда это случится, пар станет смертоносным.

Оставалось только одно. Зикс героически возник на пути ближайшего человека, готовясь окутать того своим успокаивающим дыханием. Но отсутствие опыта общения с людьми вышло дракончику боком – неуклюжие создания оказались проворнее, чем можно было от них ожидать. Размытое движение – и всё потемнело. Зикс попался.

- Отпустите меня, грязные животные! – с вызовом завопило крошечное существо трём склонившимся над ним лицам, почти комически храбро выпятив нижнюю челюсть.

- А это ещё что? – протянул Мэддок.

Ещё не успев закончить вопрос, он с подозрением взглянул на грязевика. Чудище отступило в тот же момент, как его союзник оказался пойман, но всё ещё выжидало неподалёку.

- Это летающая ящерица, - заявил Ивор.

Что сразу же вызвало возмущённый писк пленника.

- Ящерица?! – негодовало существо. – Вообще-то я – волшебный дракон, и поймать меня – к большой беде, между прочим.

- Э? – моргнул Ивор. – Волшебный дракон?

Филар громко и обречённо вздохнул.

Когда компаньоны озадаченно уставились на него, он пояснил:

- Я слышал о них предостаточно. Мой собственный брат пересёкся с одним из них прошлой весной. Бесконечный головняк! Они проводят дни, постоянно подшучивая над бедолагами, которым не повезло жить поблизости. Будут доставать, пока не сбрендишь, - он печально покачал головой. – Если останемся здесь, никогда не избавимся от этих паразитов.

- Позвольте! – встрял дракончик. – Неужели необходимо использовать такие слова?

Ивор проигнорировал его, протянул руку с добычей Филару и уточнил:

- Ты правда думаешь, это волшебный дракон?

- Это говорящая крылатая ящерица, что же ещё это может быть? – пожал плечами тот.

- Думаешь, будет доставать?

- Наверняка, это в их природе.

Ивор грязно выругался.

- Вот же повезло, да? Ручаюсь, другого такого нет на ближайшую сотню километров вокруг! – он с отвращением оглядел зверька, затем разжал пальцы и выпустил его. – Катись тогда, - рявкнул поселенец.

Дракон завис на мгновение, будто собираясь что-то сказать, но мудро не стал. Его маленькое тельце шмыгнуло между деревьями и скрылось из глаз.

- Ты просто отпустил его? – вскричал Мэддок; он явно представлял себе более надёжное решение.

Ивор взмахом указал на «грязевика».

- Лес большой, - сказал он, - а это место не может предложить нам ничего особенного.

- Компания не очень, - согласился Филар, - и погода тоже. Если уж и ставить лагерь заново, лучше поискать местечко поприветливей.

Конечно, их абсолютно рациональные доводы не имели никакой связи со внушающим ужас монстром, чья принадлежность оказалась поставлена под сомнение его неожиданной четвероногостью. (Во время последовавших позднее обсуждений у костра, все сошлись на мнении, что это менее известный, но не менее опасный грязедведь).

- Выдвигаемся тогда? – предложил Мэддок.

- Пожалуй, самый логичный вариант, - отозвался Ивор с самым логичным выражением лица.

Достигнув согласия, мужчины покинули общество грязевика, самыми логично быстрыми шагами двинувшись в сторону стоянки.

- Цирро, я пришёл сказать, что покидаю лес.

Туманный дракон даже не удосужился открыть глаза.

- Зикс, уйди, - зарычал он.

После происшествия с людьми прошёл месяц, и от волшебного дракона не было ни слуху, ни духу. Только сейчас большой дракон понял, как сильно он наслаждался этой передышкой.

- На этот раз я серьёзно, - вздохнул Зикс. – И всего лишь хотел сказать, что и правда буду скучать.

Цирро приподнял голову. Ни разу он ещё не слышал столько убедительности в голосе дракончика.

- Так это правда? – спросил он. – Куда ты собрался?

- На ту сторону ущелья.

- А не туда ли направились люди? – прищурившись, уточнил туманный дракон. Зикс был сама невинность.

- Кто-то же должен за ними приглядывать, - отметил он.

Но Цирротамалана было не так просто одурачить.

- Ты просто не можешь противиться! Слишком соблазнительная цель!

Мордочку Зикса осветила хитрая ухмылка.

- Но как же было весело, - пробормотал дракончик; его взгляд затуманился, будто он вновь переживал те сладкие моменты.

- Не думаю, что люди так уж веселились, - предположил Цирро.

Зикс со свойственной ему беспечностью пропустил это наблюдение мимо ушей.

- Меня ждёт отличное приключение – предвкушал он, - но по тебе, дружище, я буду скучать.

Похоже, Зикс и правда не шутил. Цирро поднялся и с должной церемонностью попрощался, используя традиционное для его вида прощание:

- Прощай, Зикс. Пусть тайны жизни раскроются пред тобой.

Когда малыш улетел, Цирро почувствовал необычную тяжесть в животе – как будто он проглотил большой камень. Неужели? Он что, правда будет скучать по маленькому надоеде?

- В один прекрасный день я навещу тебя! – крикнул Зикс, прежде чем скрыться из вида.

Камень в животе рассосался, сменившись на недовольный рык. Мог бы и догадаться – никто не может избавиться от волшебного дракона. Такие же липучие, как репейник, и приставучие, словно внутренний голос; он мог даже перечислить несколько болезней, от которых избавиться легче. И всё-таки какая-то его часть была рада такому постоянству в жизни. И когда Зикс вернётся – в чём не было сомнений – эта часть будет рада и волшебному дракончику тоже.

ЖЕНЩИНА, РИСОВАВШАЯ ДРАКОНОВ Розмари Джонс

Год Шлема (1362 ЛД)

Разумеется, если бы эта художница не появилась ровно в тот момент, когда Гвернер заказал ещё напитки, трактирщик Варни, скорее всего, не загорелся бы этой своей замечательной «драконьей» идеей. Ну, по крайней мере сам Варни так позже объяснял. Миссис Варни просто отвечала на это: «В этом весь Варни – винить кого-то другого за свои беды».

Всё началось, как мистер Варни напоминал миссис Варни, с его посетителей. Эти самые посетители, компания завсегдатаев, снова, как и каждую ночь, вели жаркие споры о привычках драконов и о их собственной отваге во встречах с чешуйчатыми тварями.

- ...Поэтому я просто вот так вот дёрнул за верёвку, и этот чёрный дракон кааак выпрыгнет! Подумал, что всю его пещеру заполнили змеи, взревел и начал улепётывать. Оставив мне все свои сокровища, - бахвалился гном Сильвенестри Сильвер, катая по столу кусок шпагата.

Посреди зимы, в тёмные деньки, знаменовавшие конец одного года и начало следующего, Сильвер проводил большую часть своего времени в своей любимой таверне, «Добитый Дракон», а точнее, «Дракон Добитый», рассказывая истории о своём прошлом искателя сокровищ. Когда грязь на дорогах подсохнет, и погода станет потеплее, он отправится в какой-нибудь крупный город в поисках работы. В городах Сембии профессиональным охотникам за сокровищами грозили кое-какие опасности (например, другие претенденты на добычу, или злобные мерзавцы, скулившие о том, что их обманули при выделении доли), поэтому Сильвер

предпочитал пережить зиму в Полуштыке, маленьком городке со смешанным населением – людьми, гномами и дворфами – где никогда не случалось ничего необычного.

Варни и его жена драили столы, пробираясь между слушателей, сгрудившихся вокруг гнома и его куска верёвки. Мисси Варни хотела, чтобы все уже разошлись по домам, и шепнула мужу, что пора бы уже попросить всех вон. Но трактирщик не соглашался. Зима была настолько мёртвым сезоном для «Добитого Дракона», что его владелец не хотел терять ни единого шанса на дополнительную выручку.

Наблюдавший за группой спорщиков о драконах Варни знал, что следующий заказ придёт не от дворфа, Баджера Бэйтса. Этот будет баюкать единственную кружку всю ночь, если только кто-то другой не заплатит. Если человек, Вирмбейт Никс, не проиграл все свои монеты Сильверу во время многочисленных ставок, то он может купить что-нибудь из еды. Этот здоровяк всегда голоден и не шибко придирается к стряпне миссис Варни. Конечно же, у Его Чести Гранжи Гвернера, судьи на полставки и крысолова на полную, карманы всегда звенели, но он редко оставался в таверне надолго.

- Драконы не боятся змей, - буркнул Баджер Бэйтс, возобновляя извечный спор с Сильвером, спор о том, кто из них больше другого знает о драконах.

- Всё что я хочу сказать, - продолжил он, ткнув грязным пальцем в гнома, сидящего напротив, - это то, что доказательство есть доказательство. И я ни разу не видел ни одного, подтверждающего твои рассказы – кроме этого сального огрызка. Но вот когда я рассказываю о Малаэраготе, люди знают, что доказательства будут. У меня ведь при себе чешуя, не правда ли?

Бэйтс хлопнул по железной коробочке, стоявшей рядом с его тарелкой. Дворф работал на местной кузне, но до этого когда-то разбивал сады и сооружал фонтаны для Увалхура Неустрашимого, волшебника. Когда другие волшебники – его соперники – убили старика в собственном доме, Малаэрагот, сапфировый дракон, иногда служивший Увалхуру ездовым животным, внезапно возник перед убийцами, решившими заодно ограбить особняк, и отомстил за почившего хозяина. Почти сотня лет прошла с того дня, как Малаэрагот разобрал дом по кусочкам, играя в кошки-мышки с грабителями, но неистовость его мести до сих пор оставалась любимой легендой Сембии. Из всех обитателей поместья, оказавшихся тогда дома, только Баджеру Бэйтсу удалось сохранить жизнь. И до сегодняшнего дня никто больше не видел сапфирового зверя.

- Кроме того, последний раз, когда ты рассказывал о чёрном драконе, ты говорил, что создал иллюзию только одной змеи, ползущей по его логову, - обличал Бэйтс. – А вот когда я говорю о Малаэраготе...

- Одной змеи, десяти змей, какая разница? – отмахнулся Сильвер, прервав дворфа на полуслове. – Ты упускаешь главное. Я пытаюсь донести до вас, что – тем более если вы нацелились на чью-то собственность – стоит хорошенько узнать, кого вы собираетесь грабить. Драконы ничем не отличаются от людей. Разузнайте их привычки, где они хранят сбережения и как их обмануть. Тот дракон – а я никогда не говорил, что это типичный дракон – страдал, как это называют маги, фо-бии-ей. Не выносил змей ни в каком виде. И когда увидел, ну или решил, что увидел одну, то тут же смотался.

- Я – последний, кто видел Малаэрагота вживую, и могу предоставить доказательство в любой момент, - не сдавался Бэйтс, одновременно открывая крышку коробки. Мерцающая сапфировая чешуйка засветилась в тусклом свете, словно вечерняя звезда. – Кроме того, Малаэрагот – не какой-то там обычный чёрный дракон, которого может обдурить любой иллюзионист-любитель, да ещё и гном, - фыркнув, закончил он.

- Я отвалил немало золота за информацию об этом чёрном драконе, - ощерился Сильвер, - и ещё больше – за призыв большой змеи. Поэтому справился – а гном побестолковой так бы не смог. Может быть, ты и оказался достаточно сообразителен, чтобы подобрать чешую, выползя из той дыры, в которой ты спрятался, но играть в прятки с Малаэраготом и обмануть дракона в его собственном логове – не одно и то же!

- Пфф, - снова фыркнул Бэйтс. – Доказательство есть доказательство, и я всё ещё не вижу ничего на столе.

- После моих приключений я обзавёлся шрамами, но никто не просит выложить их на стол, когда приходит мой черёд рассказывать, - вклинился Вирмбейт Никс. – Хотя шрамы не шрамы, а я гному верю. А что касается выкладывания чего-либо на стол – Сильвер платит за значительное количество своих напитков – и оно гораздо больше, чем за твоей душой, Баджер, - продолжал Никс, зарабатывавший на жизнь ловлей детёнышей драконов для зверинцев волшебников. Он проводил зимние месяцы в городе, предлагая любым дамам в таверне полюбоваться на его шрамы, включая потрясающий след от укуса голубого дракончика. – И ни один из вас не проводил день за днём, ползая по тёмным промозглым дырам и выслеживая этих паршивцев-вирмов!

- Ага, ну тебя не зря зовут «приманка для вирмов», - заметил Сильвер. – Но я всё же предпочту стащить золотишко и унести ноги целёхоньким, нежели носиться с целой сумкой шипящих и корчащихся драконят, стремящихся откусить мне пальцы. Никудышный способ зарабатывать, Никс, никудышный.

- Укусы детёнышей, – в который раз фыркнул дворф. – Да это ничто в сравнении с яростью Малаэрагота. Он вскрыл крышу дома одним взмахом когтей. Он гонял убийц Увалхура по коридорам словно один из терьеров Гвернера крыс. И я видел это зрелище, худшее из всего, что могли бы увидеть вы в своей жизни – огромный старый дракон, развернувшийся во всю свою мощь!

Внезапно подал голос Гвернер-крысолов.

- Никогда не видел дракона, и никогда не хотел ни одного увидеть. Ловить крыс мне достаточно. Но ваши истории мне слушать нравится, так зимние дни проходят быстрее. И за это с меня выпивка каждому! Варни! Ещё четыре стакана нам, - крикнул он трактирщику.

Варни подмигнул жене. Он оказался прав, а она нет – действительно стоило оставаться открытыми чуточку дольше.

Звон монет Гвернера, пересыпаемых в его сундучок, как раз и вдохновил Варни на замечательную идею, или на «одну из этих его грандиозных идей», как будет рассказывать миссис Варни в кругу друзей или родственников спустя годы. Середина недели в середине зимы – слишком грустное время для сундучка трактирщика в Сембии. Очередная паршивая зима для торговли. Ходили пересуды о странных

событиях в странных местах, призраках в лесах и тому подобном. В маленьком городке, таком как Полуштык, где Варни владел «Добитым Драконом», народ рассчитывал на денежки путников. И когда боги, эльфы, Жентарим и кто знает что ещё начинало мешать торговле, - что ж, тогда каждый житель становился весьма нервным и не расставался с тем золотом, что у него имелось.

Но Год Дев прошёл, начался Год Шлема, и Варни хотел подтолкнуть посетителей меньше копить и больше тратить в его таверне. Объявление о том, что мясные пироги миссис Варни приготовлены из лучших бурундуков, делу не помогло. Напротив, некоторые недобросовестные барды сочинили песню, назвав её «Крысиные пироги миссис Варни».

В тот самый момент, когда мистер Варни нёс четвёрке заказ, в двери таверны, вместе с холодным мокрым ветром, влетела женщина – и предложила обновить вывеску «Добитого Дракона». Варни понял, что её предложение – как раз то, чего не хватало для того, чтобы начать осуществлять замысел по привлечению дополнительного потока денег в его заведение.

Кожа невысокой и светловолосой художницы имела румяно-коричневатый оттенок, присущий страннику, проводящему большую часть времени в пути. Руки украшали пятна краски – отметины её ремесла.

- Я направлялась на восток, - рассказала она, - но дороги сейчас – просто реки из грязи, и я устала поскальзываться и падать через каждые два шага. Поэтому останусь в Полуштыке до тех пор, пока они не подсохнут. Я буду обновлять вывески для пекаря, мясника и на конюшне. Подправлю и вашу тоже, в обмен на еду.

Варни пообещал предоставить столько мясных пирогов, сколько та сможет съесть.

На следующее утро Варни, миссис Варни и художница обсуждали новый дизайн потрёпанной жизнью таблички с названием таверны. Сейчас на ней была изображена группа мужчин, окруживших вставшего на дыбы белого дракона.

- Я заметила вашу вывеску сразу же, как зашла в город, - поделилась женщина, встав под ней и не обращая внимания на дождь, льющийся на голову и стекающий по шее. – Дракон просто ужасен! Шея неправильная, голова слишком маленькая, а крылья! Больше похожи на птички, а не на драконы!

- Дорогая, а не могла бы ты добавить принцессу? – поинтересовалась миссис Варни, сентиментальная душа. – Ну знаешь, одну из тех девушек, что закутаны в шелка, с маленькой короной на кудрях – и чтобы её спасали? Как из сказок моей бабули.

- Ну, - замялась художница. – Я не знаю о принцессах так же много, как о драконах, но нарисовать смогу. Ещё что-нибудь?

- Сможешь нарисовать воинов похожими вон на ту троицу? – спросил Варни, ткнув в сторону Сильвера, Бэйтса и Никса, как раз шедших по улице. Гном, дворф и человек так и спорили о том, кто из них более сведущ в повадках рептилий.

Женщина оглядела их.

- Может, кого-то лучше? Не уверена, что эти привлекут посетителей.

- Хочу, чтобы были они, - настаивал трактирщик. – У меня есть идея.

Как только обновлённая вывеска захлопала на зимнем ветру, Варни повесил рядом с дверью объявление, обещавшее бесплатное пиво в самую долгую ночь недели в обмен на хорошую байку о драконах.

К удивлению горожан, Варни сдержал обещание. Каждый рассказчик получал пиво – пусть маленькую кружку и слегка разбавленное, но бесплатно. Так же трактирщик заставлял каждого слушателя и рассказчика положить в кубок монетку, или пуговицу, или горсть булавок. В конце вечера, этим кубком отмечали лучшую историю, а собственные «драконоборцы», Сильвер, Никс и Бэйтс выступали судьями. Разумеется, еда и дополнительная выпивка шли по обычным расценкам, а победитель частенько проставлялся – всё это означало, что сундучок Варни начал бодро наполняться.

Так что идея сработала, как любил потом говорить Варни друзьям и родственникам. Всё больше народу приходило в «Дракона Добитого», только чтобы послушать чарующую историю, и спустя несколько недель, когда погода улучшилась, а поездки стали легче, обещания бесплатного пива и победного кубка с монетами и пуговицами распространились по дорогам, привлекая приезжих, и даже завсегдатаев других таверн. Какой только странный народ не приходил к Варни, чтобы поделиться своими приключениями!

Сильвер, Никс и Бэйтс, будучи «экспертами по драконам», расхаживали по городу гоголем. Дворф даже обещался подарить сапфировую чешуйку Малаэрагота первому, кто поразит всех трёх судей.

В ночь «несчастливого случая», как выражался потом Варни, «Добитый Дракон» был под завязку забит весёлой, много выпивающей толпой людей, дворфов и гномов. Воин-человек в хорошо промасленной кожаной броне и действительно большим мечом, висевшим на спине, закончил свой рассказ о столкновении лицом к лицу с зелёным драконом, стукнув кулаком в грудь. Слушатели переводили взгляд с него на оценщиков, ожидая услышать, что троица об этом думает.

- Ну, - протянул Никс, ковыряясь в зубах зубочисткой из слоновой кости, - если бы ты чаще нападал и меньше уклонялся, то закончил бы сражение вдвое быстрее. Если ты собираешься охотиться за драконом, то не можешь бояться укуса-другого в руку или ногу. Раны заживают. Взгляни вот на мои шрамы. К тому же, мы слышали что-то похожее от выходца из Триэля на прошлой неделе, да, парни?

- Ага, не думаю, что эта байка стоит хотя бы пуговицы, - согласился Бэйтс, которого в городе знали как дворфа настолько жадного, что он не согласился бы помочь никому за бесплатно. В «Добитом Драконе» до сих пор принимались ставки на то, что никто и никогда не получит от дворфа сапфировую ценность. – Кроме того, хотелось бы увидеть доказательства. Кто угодно может рассказать хорошую байку, но не каждый способен её убедительно подтвердить.

- Думаю, всё это показывает отсутствие сноровки, - вставил Сильвер, сполоснув пальцы в фарфоровой миске. – Немножко хитрости, - продолжил гном, вытирая кончики расшитым платком, - и он мог бы лишиться тварь головы и убраться из леса, даже не вынимая этот свой громадный меч из ножен. Если бы он изучил дракона перед тем, как отправиться за ним, то знал бы, как с ним совладать. Ведь всем известно, что в таком месте ты, скорее всего, найдёшь зелёных драконов, а они косоглазы, и их легко сбить с толку.

- Ты неправ, - подала голос художница, сидевшая в самом близком к камину углу и уничтожавшая один из мясных пирогов миссис Варни. – Зелёного дракона не просто убить, и они никогда не страдают косоглазием.

Множество голов повернулось в сторону женщины. Она слегка улыбнулась трём экспертам и продолжила есть пирог, кусая нарочито спокойно.

- И что же ты знаешь о зелёных, дамочка? – поинтересовался Никс.

- Я нарисовала их сотню или около того, и ни разу не видела ни одного косоглазого, - отозвалась та, произнеся сейчас больше слов, чем за все прошлые недели. Рядом с ней за столом стоял прислонённый к стене рюкзак. Дороги высохли, сама она была одета по-походному, и пришла за последним ужином, прежде чем покинуть город. И раз она покидала Полуштык, ей, разумеется, не было дело до того, кого она там может оскорбить этим вечером. Ну или по крайней мере, так звучало объяснение тех событий со слов миссис Варни.

- Мадам, что значит, «я рисовала зелёных»? – уточнил Сильвер.

- Я рисую драконов, - повторила художница. – Кстати, меня зовут Петра. Сами драконы иногда называют меня Оссалуркариф, но мне больше нравится Петра. Уж точно лучше Петра, чем «дамочка» или «мадам».

- Леди Петра, - исправился Сильвер, вскочив на стол, чтобы все могли его видеть, и подчёркнуто поклонившись, - приношу извинения за один и тот же вопрос, но что ты знаешь о драконах?

- Больше, чем вы, - вздохнула леди, и отодвинула пирог. – Все эти недели я сидела и слушала. Все ваши рассказы милые и складные, но ни один из вас как следует не рассмотрел драконов, с которыми вы, как говорите, встречались. Вы сражались с ними, убивали, крали у них, даже беседовали пару раз. Но никто не замечал ничего больше того, что дракон зелёный, красный или синий.

Она повернулась и вытащила охапку длинных металлических и холщовых цилиндров из рюкзака.

- Я рисую драконов, - повторила она. – Кто-то ведь должен. Мы живём на земле вместе с ними, но что на самом деле о них знаем? Маги талдычат о «Драко Мистери», но чем лучше чтение чужих слов в сравнении с полевыми исследованиями? В книгах не найдёшь, одна или две фаланги в лапах взрослого красного, или какого цвета язык только вылупившегося бронзового. Но я могу вам показать всё это! И доказать, что у зелёных глаза не косят.

Петра открыла один из тубусов и вытащила несколько плотно скрученных листов пергамента. Когда она разложила их на поверхности стола, собравшиеся повставали, пытаясь получше рассмотреть, из-за чего гномы залезли к Сильверу, чтобы видеть поверх голов людей. Дворфы же просто пробились сквозь людскую массу к краю стола. Когда начались ахи и охи, Варни прекратил разливать пиво и вскарабкался на барную стойку, чтобы тоже увидеть картины.

Каждый дюйм ткани заполняли рисунки дюжин и дюжин зелёных драконов. В полёте; вставшие на задние лапы, чтобы видеть поверх деревьев; свернувшиеся вокруг кладки с яйцами, с мордами на скрещенных когтях – будто коты, задремавшие на солнце.

- Вот, смотрите, - показала Петра на голову зелёного дракона с глубоко посаженными глазами под рядом роговых наростов и полостью развёрнутым гребнем. – Абсолютно обычные глаза, ни капли косоглазия.

- Ну, - наконец выдал Сильвер, - видимо, я немного перепутал драконов. Это белые косые.

- Нет, - возразила Петра, доставая ещё один цилиндр и разворачивая содержимое. – У белых красивейшие глаза. Гораздо больше оттенков, чем у других драконов, возможно из-за белой чешуи. Я видела белых с голубыми глазами, с зелёными и с самыми чудесными градациями янтарного. Последний был очень старым, его чешуйки приобрели приятный кремовый цвет, с лёгкой синевой на животе. Он рассказал, что глаза янтарные у всех его братьев, но ни у одной из его сестёр – у тех, в основном, лавандовые или фиолетовые.

- Ты общалась с драконами? – спросил Никс, в чьём голосе одновременно присутствовали и любопытство, и недоверие. – Даже с белыми?

- С теми, кто повежливей, - пожалала Петра плечами. – Если я рисую большой портрет, это может занять часы, и они могут заскучать, позируя. Думаю, поэтому мне больше нравится рисовать наброски, как вот эти с зелёными. Тогда я просто быстро рисую, пока они занимаются своими делами. Кажется, так я меньше мешаю им. Драконы очень чувствительны к таким вещам.

- И сколько же видов драконов ты запечатлела? – с вызовом поинтересовался Никс. – Мне доводилось ловить больше трёх – могу показать укусы на ноге от синего, на руке от зелёного, а ещё от красного в...

- Не перед дамами! – взвизгнула Фроэдегра, дочь кузнеца, прекрасно знавшая, куда детёныш красного дракона укусил добытчика рептилий и желавшая никогда больше не видеть это место.

- Спасибо, но мне не нужно ничего показывать, - покачала головой Петра. – Я могу отличить укус одного дракона от другого. Я рисовала медных драконов в Высоких Топях; красных драконов в пламени вулканов; золотых драконов, читающих свитки в своих лабиринтах; белых, скользящих среди снегов и льдов; бронзовых, верхом на которых волшебники вступали в битву; голубых, что зарываются в горячие пески пустыни; рисовала и чёрных, в их полете над солевыми болотами, где поверхность – не вода и не земля, а всё сразу. Я прошла все Королевства от края до края, только чтобы рисовать драконов.

Перечисляя, Петра доставала из сумки свиток за свитком. Драконы ползли, шли, плыли, летели, зарывались в землю, бежали, потягивались, дрались и спали на десятках рисунков, разложенных по всем столам заведения. Больше драконов и больше цветов, чем кто-либо когда-либо видел. Сильвер и Никс молчали.

Но Баджер Бэйтс был вынужден что-то сказать, зная, что если он выразит своё восхищение, как остальные, ему придётся расстаться с чешуйкой Малаэрагота. А Бэйтс никогда не сдавался без боя.

- Здесь нет сапфирового, - указал он, оглядывая разбросанные изображения. – Я видел то, чего не видела ты – Малаэрагота в ярости! Я видел его тогда, когда он растерзал обидчиков своего мага, и с тех пор никто его не встречал.

- Малаэрагот! Этого дракона рисовать опасно, - нахмурилась Петра, услышав имя.
- Мне это удалось лишь раз, когда он пробирался по своим студёным пещерам, но он увидел моё творение в магическом зеркале, и отправил слугу выкрасть его.

- Легко сказать, тяжело доказать, - возликовал Бэйтс. - Я тебе не верю. Старый дракон пропал сотню лет назад. Многие здесь знают, что я последний, кто видел его живым.

В ответ на насмешки Бэйтса Петра покачала светловолосой головой и начала собирать картины, плотно сворачивая и складывая в защитные футляры.

- Малаэрагот служил Увалхуру из Сембии, много лет назад, - продолжал Бэйтс, - а я копал фонтан в саду, когда воры пробрались внутрь и убили хозяина. И я могу доказать, что был там в тот день – вот его чешуя! - объявил дворф, с грохотом поставив железную коробку на стол и открыв крышку.

- Я никогда не называла тебя лжецом, несмотря на твою бестактность и на обвинение во лжи с твоей стороны, - ответила художница тем же спокойным голосом, которым озвучила Никсу и Сильверу тот факт, что они ничего не знают о глазах зелёных драконов. – Это вполне может быть его чешуя – она принадлежит старому дракону, действительно сапфировому. Цвет и размер говорят об этом. Но если ты столкнулся с его гневом, то должен знать, что сапфировый дракон – это тот дракон, которого лучше не тревожить. Я бы не стала выкрикивать его имя направо и налево, и хвалиться своим знанием так громко. Ведь неспроста он решил называть себя Незримым Драконом.

- Что ж, - вмешался Сильвер, жаждавший восстановить статус эксперта по драконам в глазах толпы. – Баджер не совсем уж дурак. Доказательство есть доказательство, как он любит говорить. Ты могла рисовать драконов, слушая местные истории о них. Ведь ты слушала всю зиму. Откуда нам знать, что ты видела всех этих созданий вживую?

- Потому что я рисую только то, что видела сама, и потому что все мои рисунки достоверны в мельчайших деталях, - ответила Петра, чей голос стал чуточку громче, теперь, когда к допросу дворфа присоединился и гном. – И если бы за вашими глазами крылось хотя бы немного мозгов, вы бы уже отдали мне этот кубок, что сейчас стоит на прилавке. Потому что я показала вам больше драконов, чем историй о них было здесь рассказано за зиму!

Бэйтс втянул воздух и шумно выпустил его обратно.

- Покажи мне Малаэрагота, - потребовал он, - и я отдам тебе его чешую, а заодно удвою количество монет в кубке.

Толпа задержала дыхание. Сапфировая чешуйка, конечно, редкость, но содержимое кошелька Бэйтса появлялось на свет ещё реже.

- По рукам! – воскликнула Петра; как и большинство мастеров своего дела, она не могла устоять перед пари. – Я нарисую Малаэрагота, каким в последний раз видела, старым, но коварным, и жадным до магии, как любой волшебник! Но это большой дракон, и мне понадобится много места.

Она огляделась, затем подошла к северной стене. Миссис Варни только побелила её парой дней ранее. Художница взглянула на трактирщика, всё ещё сидящего на стойке, и спросила:

- Могу нарисовать здесь?

Варни кивнул, подумав, что изображение сапфирового дракона будет привлекать выпивох не хуже рассказов. Это, как потом поговаривала миссис Варни, оказалась очередная глупость в духе Варни.

Петра попросила несколько сырых яиц и немного чистой воды, чтобы развести краски. Варни притащил ингредиенты, заодно подсчитав стоимость и решив добавить их как «дополнительные услуги» к её счёту. Женщина достала из рюкзака ящичек с сухими красками и бесчисленными кистями. Выхватив из камина головешку, она набросала очертания Малаэрагота на стене – дракон застыл на полушаге, всматриваясь в парящее зеркало.

Петра смешала краски на крышке раскрытой коробки, ставшей палитрой с пятью цветами и тремя кисточками. Вначале она рисовала широкой кистью из бычьей шерсти, нанося размашистые мазки глубокого морского цвета.

Затем переключилась на кисть потоньше, из волосков лисы, вырисовывая более тонкие детали – чешую, когти, уши и нос – ультрамарином и бирюзой. Наконец, она выхватила совсем маленькую кисточку из беличьего меха, добавляя мельчайшие лазурные и золотые точки пыли вокруг тела дракона. Малаэрагот замерцал на стене, словно драгоценный камень, и сапфировая чешуйка в сейфе Бэйтса отозвалась тем же голубоватым сиянием. Всматриваясь в нарисованную шею, люди даже могли заметить, что одна из чешуек отлетела, и на её месте выросла новая, более светлая.

Петра рисовала очень быстро – этому она научилась, пытаясь рисовать драконов в полёте – но когда она закончила, восход уже заглядывал в окна таверны. Пока она быстрыми, скупыми движениями очищала инструменты, зрители потягивались и расталкивали отдельных заснувших гномов.

Никс и Сильвер протолкались через толпу, чтобы рассмотреть творение получше, однако Бэйтс остался сидеть на стуле, сжимая свой железный ящик рукой так, что аж костяшки побелели.

Пока собравшиеся наслаждались правдоподобностью сапфирового дракона, Петра развела новые цвета и разместила картинку поменьше в нарисованном зеркале. Но никто, кроме Варни не смотрел на зеркало, висевшее перед драконом. В нём он увидел собственную таверну, себя за стойкой, пересчитывающего монеты в сундучке, и остальных, вытянувших шеи, чтобы рассмотреть женщину, рисующую на стене сапфирового дракона. «Умно», - подумал Варни, оставшись очень довольным новой декорацией на стене «Дракона Добитого». В отличие от скрипевшей на ветру вывески, сейчас ему даже не придётся платить за новое украшение.

- Ну, - поинтересовалась художница у Бэйтса, продолжая работать над картинкой в зеркале, - это ли не Малаэрагот вживую?

Дворф не шевелился, не издавал ни звука, но и не спал. Нет, он сидел на своём месте, наблюдая за женщиной, а его лицо становилось тем краснее, чем она была ближе к завершению рисунка. Видя его злобную гримасу, Никс и Сильвер понимали, что их товарищ проиграл спор, но подмигнули друг другу, будучи уверенными в том, что тот найдёт способ увильнуть от расплаты.

- Не вживую, - сказал дворф после долгой, очень долгой паузы. – Я старый дворф, и я знаю, что я знаю. Меня не проведёт какая-то там женщина.

Толпа неодобрительно зароптала.

- Но это отличная картина, - возразил Никс, - кажется даже, что он дышит!

- Всё же, - добавил Сильвер ради хохмы, - дворф не соврал. Что не так с рисунком, Баджер?

- У дракона были глаза, - указал тот на пустые дыры в голове дракона, туда, куда Петра не нанесла ни единого мазка на белую штукатурку. – Если бы она и правда видела его, то знала бы, какого цвета его буркала.

- Зелёные, точно незрелые сливы – когда он спокоен; сверкающие, как летняя молния – когда рассержен, - ответила Петра.

- Покажи! – требовал дворф.

- Лучше не стоит, - отрезала Петра, собирая краски и кисти, за исключением самой маленькой, с золотистыми волосками. – Лучше, если ты заплатишь, как и обещал, и оставишь Малаэрагот в таком виде. Без глаз. Старый вирм не любит, когда кто-то за ним подглядывает. А я, - добавил она сердитым голосом, - не люблю, когда кто-то пытается соскочить со сделки.

- Если сможешь завершить рисунок правильно, - упрямылся Бэйтс, - я заплачу. Но до того не дам ни пенни, и уж тем более не отдам кубок. Вы согласны, парни?

- Нуу, - протянул Никс, почувствовав покалывание в большом пальце ноги – там, куда его до кости укусил детёныш красного дракона. – Думаю, девица справилась на отлично. Это точно не простой синий. Совершенно точно сапфировый, и кто скажет, что это не Малаэрагот.

- Я! – заорал Бэйтс. – Я – последний живущий из тех, кто видел этого дракона, и только я знаю, какие у него глаза!

Сильвер, будучи любителем различного рода заварух, встал на сторону дворфа:

- Незаконченное полотно – как незавершённый рассказ. Мы никогда не отдавали кубок тем, кто не дарил нам достойного финала. Варни, что скажешь?

В этот момент Варни допустил очередную ошибку, ответив:

- Скажу, что судьи здесь вы. Если скажете, что она не заслуживает кубка, он вместе с монетами остаётся здесь. Ни единой пуговицы для леди. А ты, Петра-художница, должна мне за напитки и яйца с водой для красок.

Петра стала такой же красной, как Бэйтс.

- Будь по-вашему, - процедила она, достаточно громко, чтобы Никс услышал это и впоследствии вспоминал. – Я предупредила. Но это ваша стена. И ваши жизни.

Она схватила крохотную золотистую кисточку и вытащила обмотанную шёлком баночку из бокового кармана сумки. Открутив крышку из слоновой кости, окунула инструмент внутрь. Что-то заблестело на кончике кисти, но никто не мог сказать, какого цвета была краска. Быстрыми, искусными движениями Петра написала драконьи глаза.

И они были прекрасными, переливчатыми как жемчужины, и зеленоватыми точно молодые сливы; они поблёскивали в бледном зимнем свете, пробивавшемся через щели в ставнях. Из-за игры света и тени на морде дракона глаза казались живыми, подумал Варни.

- Награду я забираю, - заявила художница, схватила кубок со стойки и высыпала монеты и пуговицы в походный мешок. Произносила она эти слова, уже направляясь к двери.

Ко всеобщему удивлению, Бэйтс не возражал. Дворф громко и протяжно выдохнул.

- Мда, - сказал он. – Это Малаэрагот! – затем добавил, недовольно и упрямо: - Но он не очень похож! Настоящий был гораздо уродливее.

Услышав своё имя, нарисованный дракон моргнул и напряжённо уставился в нарисованное же зеркало, плававшее в воздухе перед ним. Варни тоже уставился. Он увидел, как толпа в отражении поворачивается, толкается, движется волной смешанных красок, отшатываясь от неистового взгляда дракона.

Варни увидел, как его собственная нарисованная челюсть отвисает от удивления. Его нарисованная жена бросилась к нему. И тут он почувствовал, как миссис Варни крепко схватила его за руку.

- Беги, старый дурак, беги! – взвизгнула она.

На стене, Малаэрагот ощерил длинные, блестящие клыки.

- Он шевельнулся! – вскричал Никс, бросившись окну и вцепившись в створку – годы охоты за рептилиями придали ему скорости перед лицом возможной опасности.

Сильвер не отставал.

- Нет, - возразил Баджер Бэйтс, упрямясь и споря до последнего, - он не может шевелиться. Это всего лишь рисунок.

Дворф ещё не закончил говорить, а дракон отлепился от стены, оставив за собой зияющие дыры в штукатурке. Камни и осколки полетели в кричащую, спасающуюся бегством толпу. Варни затолкал свою миссис за тяжёлую деревянную стойку и навалился сверху.

- Уфф, - выдавила миссис Варни.

- Ш-ш-ш! – зашипел трактирщик Варни.

Картина медленно осыпалась, словно плотина перед напором бушующей воды. Штукатурка и кирпичи, залитые радугой различных красок, покатались по полу.

Столы и стулья ломались как прутики под огромным весом чудовища, пока он выползал в зал. Потолочные балки треснули, когда Малаэрагот рывком высвободил хвост и поднялся в полный рост. Дракон взревел, и невидимая волна пронеслась сквозь толпу словно буря через стаю птиц. От чистой мощи его рёва выгнулись оставшиеся стены, и повыбивало все створки. Никс и Сильвер выпрыгнули в окно и побежали со всех сил, не останавливаясь до тех пор, пока не достигли конца города.

Но Баджер Бэйтс стоял, не двигаясь, пригвождённый к месту потрясением от вида сапфирового дракона и яростью от осознания того факта, что он не являлся последним живым существом, лицезревшим легендарный гнев легендарного создания.

И тут Малаэрагот упал на дворфа, сокрушив того под своей сапфировой чешуёй. Затем поднялся со своей жертвы, ещё раз взревел и исчез так же внезапно, как и появился.

Когда осела пыль от разрушения северной стены и последующего падения крыши «Дракона Добитого», Варни с женой выползли из укрытия под стойкой и начали осматривать руины таверны.

Получив заверения в том, что сапфировый дракон пропал, Никс и Сильвер, весьма благодарные судьбе за то, что остались в живых, вернулись помочь семейной паре.

- Ну, - подытожил гном, пошарив в расплюснутых останках Баджера, как положено уважающему себя вору, - тут ничего ценного.

Он спрятал кошель своего почившего друга в карман, и сдул с рук крошки железной коробки дворфа и его сапфировой чешуйки.

- А у тебя что, Никс?

- Вывеска, - отозвался Никс. Он подозвал трактирщика, пытающегося извлечь свой сундучок с монетами из обломков: - Эй Варни, надо?

Краска была содрана в нескольких местах, оставив белого дракона обезглавленным и изображая только двоих из трёх искателей приключений – и кусок левого сапога дворфа. Принцесса же, с маленькой короной на золотых кудрях, всё ещё радостно улыбалась своим спасителям.

- Эх, - вздохнул драконолов, - Как жаль, что испорчена. Рисунок был великолепен. Может быть та художница сможет снова поправить его. Она сожалеет о том, что произошло, но Бэйтсу не следовало пытаться обмануть её.

- Только не она, - содрогнулся Варни. – С женщиной, рисующей драконов, я больше иметь дела не хочу. К тому же она отправилась на восток, сказав, что будет изучать земляных вирмов.

Варни забрал вывеску у Никса и несколько минут изучал её.

- Есть идея, - подал он голос, и воодушевляясь всё больше и больше. – Я разрежу знак и оставлю только принцессу. Можем назвать новое заведение, например, «Королевское Спасение», и нанять барда, чтобы тот пел баллады о влюблённых принцессах. Весной все обожают любовные истории. Петь песни о принцессах явно безопаснее, чем рисовать драконов на стенах.

Но, как рассказывала миссис Варни друзьям и родственникам годами позднее, эта его «принцессная идея» стала лишь началом очередного провала мистера Варни.

ИГРА В ОХОТУ

Эрик Скотт де Би

Флеймул, Год Волны (1364 ЛД)

Караван потихоньку полз, повозки поскрипывали, люди кашляли и ругались, а кони ржали – как и на протяжении многих миль по Сердцеземью до этого. Дорога до Врат Балдура была долгой – та самая дорога, что большинство угрюмых стражей видели уже много раз. Они знали её, знали достаточно, чтобы поглядывать на овраги, повороты, на кучки деревьев и большие валуны – на все знакомые места для засады.

Дозорные были настолько заняты ожиданием неприятностей с флангов, спереди или сзади, что лишь немногие из них обратили внимание на тёмную фигуру в небе.

Среди этих немногих был и Алин Кательн.

Посматривая в окно и вяло пощипывая струны арфы, пока его транспорт проталкивался вперёд, молодой бард отстранённо размышлял, было ли это облачко

или ночная птица в вышине. Поездка проходила настолько спокойно, что на шестой день пути из Края Холма, Алин был готов отвлечься на что угодно. Сиденье подбрасывало его вверх и вниз, но так все равно было удобнее, чем ехать в седле.

- Эй, как думаешь, что это там? – спросил он у возницы.

Насупленный кучер взглянул наверх: - Где?

- Вон та штука, - уточнил Алин, указывая пальцем.

- Вон та? Единственная, которая не облако? – переспросил его собеседник, и бард кивнул. – Так это ж Селуна на своей ночной прогулке, парень.

Алин закатил глаза. Ну конечно возница не увидел то, что нужно было. В мгновение ока тень – если она вообще существовала где-то, помимо его воображения – исчезла.

Остановка в Крае Холма выдалась долгой и, целиком и полностью, мучительной, потому что тёплые ночи Флеймула – особенно в этот жаркий Год Волны – выгоняли наружу всё веселье и компании из гостиниц и таверн, то есть из тех мест, где он мог бы сыграть, чтобы потом заплатить за ночлег и еду. Очаровательные юноши, всегда готовые спеть, и румяные девы с соломенными и, напротив, воронными волосами и лицами с золотым загаром... как жаль, что Алин был заперт внутри.

Вагон тряхнуло, и это вывело барда из мечтаний. Отбросив копыта тёмных волос с лица, Алин взял грустный аккорд на своём инструменте. С того самого дня, когда отец отправил его с треском проваливаться в Академии Кормира, Алину всегда приходилось петь ради ужина, или за место в фургоне, и весёлого в этом было мало.

Даже в пути ему приходилось конкурировать с другим, более опытным менестрелем – странствующим бардом по имени Таннин, который, вместе с остальными своими спутниками, тоже путешествовал с караваном. Остальные караванщики точно скоро выгонят молодого арфиста – он лишь надеялся, что они подождут с этим до прибытия в Триэль.

Снаружи донеслись крики, но он не обратил на них внимания – вне сомнений, это просто очередной спор между двумя охранниками.

Вдруг незваные слова песни появились на губах, и бард тренькнул струнами арфы.

- Бреду дорогой я, извилистой, но верной, – вывел он. - Найду друзей и старых всех, и новых, несомненно.

Алин как раз запоминал третью строку, когда передняя половина вагона исчезла во вспышке обжигающе-багряной ярости. Сила взрыва откинула его назад – и его тело, вылетая в окно, разбило створки в щепки. Объятый огнём из недр самих Девяти Адов, бард кричал от боли и ужаса. Во тьме он увидел только одно – блеск жуткого, тёмного глаза посреди трещащего пламени.

И больше он не видел ничего.

Когда свет вновь вернулся в его мир, Алин почувствовал мягкость, окружающую всё тело. На мгновение он решил, что прибыл к Великому Колесу, и в любой момент увидит свою госпожу, леди Тимору.

Но после нескольких счастливых вздохов Алин понял, что голоден – вернее даже, умирает от голода. Быстрый осмотр убедил его, что он ещё не в Светловодье, а просто накрыт плотными одеялами и лежит, уставившись в потолок.

При попытке подняться голова взорвалась острой болью. Сначала юноша боялся, что голова отвалилась совсем, но быстро убедился – ощупав пальцами – что она всё ещё присоединена к шее.

«Что за ужасный сон», - подумал Алин.

Наконец, после многих неудачных попыток барду удалось оторваться от постели. Он был раздетым, но не замёрзшим. Окно, открытое на ночь, впускало приятную прохладу. В простой, практически пустой комнате из мебели присутствовали лишь кровать и стул. На последнем лежали, аккуратно сложенные, его светлая туника, куртка цвета индиго и кожаные брюки. Алин схватил их, и вдохнул запах – цветами не пахло, но вещи выглядели чистыми.

Одеваясь, парень размышлял, а не сон ли всё это. Затем услышал голоса. Жизнерадостный галдёж таверны поднялся встретить его на лестнице.

Всё ещё потирая голову, но уже улыбаясь, Алин спустился вниз.

Атмосфера в общем зале таверны «Поющий Ветер» в Триэле была безрадостной, хотя некоторые путешественники всё ещё вздымали стаканы и кружки в честь давно ушедших соратников и новых товарищей. Некоторые приглушённо обсуждали нападение дракона, но Алин не знал, было ли это правдой, или за них говорил эль. Стропила все были закопчёнными, а воздух пропитался запахами курительных трубок, пролитого пива и немытых тел. А ещё бард брэнчал на арфе и тянул безвкусную балладу о доблестных, но глупых рыцарях и игривых разносчицах, в них влюблённых.

Алин глубоко вдохнул и почувствовал, как горят лёгкие. Он обожал каждое такое мгновение.

Молодой бард заметил в углу тихо выпивающую необычную парочку – огромного мужчину в тёмной коже и с топором, прислонённым рядом к столу, а с ним стройную женщину в шелках и платьях, размером едва ли в половину её спутника. У него не было времени рассмотреть подробнее, поскольку откуда-то сбоку появилась мясистая рука, схватившая юношу за плечо.

- Эй, смотрите-ка кто проснулся! – произнёс доброжелательный голос.

Алин обернулся. Рядом стоял немаленький мужчина в бело-золотой тунике, с гладкой кожей, золотистыми волосами и пышными усищами.

- Простите, мы знакомы? – уточнил бард, не узнав собеседника.

- Если под «знакомы» ты имеешь в виду «вытащил твоё полудохлое тельце из-под горящих обломков фургона и подлатал, пока Тард тащил тебя сюда», то да, знакомы, - подмигнул мужчина. – Тебе повезло остаться в живых после встречи с драконом – благодари Утреннего Лорда за свои молодые кости!

В ту же секунду Алин всё вспомнил – караван, пламя, горящее око. Что ж, видимо, всё-таки не сон.

- Ты... ты спас мне жизнь? – пролепетал Алин. – Как мне отплатить?

- Ну, если назовёшь имя – уже неплохое начало, - отозвался толстяк, взяв парня за руку. – Моё вот – Дэлкин Снегозар, Утренний Брат Латандера, из Лускана. А ты кто таков будешь?

-А-Алин, - с трудом выдавил молодой бард, стиснув зубы из-за боли в руке. Хватка Дэлкина определённо отличалась силой. Когда жрец разжал пальцы, Алин убрал руку за спину и потёр. – Алин Кательн, из Тилвертона.

- А, кормирец, - отметил Дэлкин. – Хорошие вина там, одни из лучших.

Юноша покорно кивнул. Он собирался сказать что-то ещё, но священник обхватил его и потащил за собой.

- Ты должен познакомиться с моими друзьями, тоже Болотными Бегунами, - грохотал он. – И, коль скоро ты проснулся, позволь раздобыть тебе напиток, чтобы снова усыпить.

Алин заморгал, и здоровяк расхохотался, затем добавил:

- Ай, да шучу я.

- Болотные Бегуны? – полюбопытствовал бард. Звучало знакомо.

- Славное имечко, приобрели его в Вечных Топях, когда троллей крошили, - объяснил Дэлкин. – И хотя это давненько уже было, название так и прилипло, сам понимаешь. Давай туда.

Алин не мог отказаться, поскольку священник буквально на себе тащил его к странной паре, которую юноша заметил ранее.

- Тард и Инри, - представил их Дэлкин, по очереди показывая на громилу и на маленькую женщину.

- Милорд, миледи, - низко поклонился бард.

Мужчина вблизи выглядел ещё больше. Женщина же оказалась маленькой эльфийкой, с золотыми волосами и телосложением под стать. Оба они не обратили на парня ровно никакого внимания.

Какое-то время он просто неуверенно стоял, затем посмотрел на Дэлкина, но тот уже скрылся. Повернувшись обратно к компаньонам и отчаянно соображая, Алин сделал единственную вещь, которую мог – начал искать подсказки, могущие дать тему для разговора. Его глаз зацепился за узоры на лезвии большого боевого топора.

- Клинки Темпуса, украшающие мчащегося коня, - отметил он. – Значит, ты воин из клана Небесных Пони, да? Должно быть, ты очень силен, орудовать таким тяжёлым топором.

Громила с любопытством взглянул на бард и спросил глубоким суровым голосом:

- Ну да, а что с того?

Тем временем бард уже повернулся к эльфийке:

- А вы, милая леди, судя по вашему облачению – волшебница? Все эти вуали, меняющие цвет на свету, следуя изменчивости вашей магии – я прав? – спросил он.

Она впервые посмотрела на него глазами поразительного красно-розового оттенка.

- А ваш взор, словно заря... - продолжал Алин. – Напомнил мне одну песнь. Ах, сколько времени я провёл на мягкой земле с моей дорогой подругой, обняв её, наблюдая за золотым яхонтом, лениво взбирающимся на небо, и смотря в её глаза чаще, чем на восход...

К тому времени, как Дэлкин принёс обещанную выпивку, Алин уже сидел с двоицей, тараторя и тараторя без умолку о своих приключениях, искусстве и своём жизненном пути. Тард мягко и горделиво улыбался, и даже в глазах Инри плясали огоньки.

- А ты быстро заводишь друзей, - восхитился жрец, раздавая всем кружки. Варвар схватил свою и осушил одним глотком.

- Твои компаньоны – потрясающие искатели приключений, - поделился Алин. – Я всего лишь слушал их истории – вот кем нужно восхищаться, не мной.

- Возможно, - буркнул Дэлкин. Он с подозрением зыркнул на эльфийку, та же быстро глянула в ответ. – Хотя у них есть скрытые мотивы...

- Какие скрытые мотивы? – нахмурившись, уточнил юноша.

Болотные Бегуны переглянулись.

- Сперва я сомневалась, - сказала Инри. Её голос звучал, подумалось Алину, как мог бы звучать танец лунного света. – Но сейчас – нет. Мы хотим, чтобы ты присоединился к нам.

- Стал нашим скальдом... то есть бардом, - бухнул Тард.

Дэлкин кивнул и широко улыбнулся.

- Что? Почему? – Алин был потрясён. – Вы же... вы же только что встретили меня, и уже хотите, чтобы я стал частью вашей команды?

Дэлкин обхватил юношу.

- Видишь ли, Алвен... - начал он.

- Алин, - поправил молодой бард.

- Точно. Так вот, наш бард, Таннин... он, нуу... покинул наш караван, и мы ищем ему замену.

Подозрения Алина оправдались – Болотные Бегуны как раз и были теми искателями приключений, что сопровождали повозки.

- Замену? – переспросил парень. – И вы предлагаете мне?

- Ну ведь ты этим и занимаешься, э? – ответил священник. – Мы слышали, как ты пел в пути, поэтому...

- Я с радостью отправлюсь с вами! – вскричал Алин так, что Бегуны опешили. Никто не ожидал подобного ответа, да ещё и так скоро, но возражений не последовало.

- Хорошо, - пророкотал Тард. – С тех пор, как Таннин погиб, нам не хватало славной музыки.

- Погиб? – напрягся Алин.

Недовольный Дэлкин дёрнулся и выпучил глаза на Тарда.

- Когда дракон напал, - объяснила Инри.

- Ага, проклятая зверюга застала нас врасплох, - задумчиво протянул жрец. – Бедняга Таннин... Рискованная это работа, приключения и всё остальное... - он перевёл взгляд на юношу. – Эм, не то чтобы тебе будет грозить какая-то опасность.

Алину казалось, что он должен быть в ужасе, но вместо этого он ощущал лишь волну воодушевления во всём теле.

- Дракон? – спросил новоявленный искатель приключений. – Вы же можете справиться с подобным созданием, правда?

Болотные Бегуны снова переглянулись, на этот раз с сомнением.

Наконец, Дэлкин пожал плечами и согласился:

- Да, несомненно. Ну, скорее... вероятно. Эм, точнее даже, нет, на самом деле нет. Но вот что нам действительно нужно....

В этот момент двери «Поющего Ветра» распахнулись, с треском врезавшись в стены таверны. Головы всех посетителей, словно дёрнутые невидимыми вожжами, резко повернулись к источнику шума; немало народу задержало дыхание.

Женщина с огненно-рыжими волосами, вошедшая в главное помещение, была высокой, стройной и чарующей. Чёрная кожа и броня в тэйском стиле, дополненная шипами в виде когтей, огибали её мускулистый торс. С плеча свисал чёрный полуплащ, а с пояса из тёмной кожи какой-то рептилии – ножны с изогнутым мечом. На правой руке поблёскивало серебряное кольцо в форме крылатого дракона, кусающего собственный хвост. Левую покрывала шипастая рукавица. Её бледное лицо было узким и острым, а глаза – тёмные и мерцающие – будто полнились голодом.

- Кто же эта красотка, интересно? – выдал Дэлкин.

Инри сурово посмотрела на него, затем вернула свой пытливый взгляд на незнакомку. Алин не говорил ничего, просто сидел, лишившись дара речи.

Тишина держалась лишь мгновение, потом женщина заговорила. Её голос был сильным, почти рычащим, поэтому она с лёгкостью завладела всеобщим вниманием.

- Я так понимаю, у вас дракон завёлся? – потребовала она ответа.

- Ага, а чо? – хмыкнул одноглазый завсегдатай.

- Я ищу смельчаков, что помогут мне избавиться от чудовища, - продолжала рыжая красавица. – По возможности, следопыта и мага.

- Помогут тебе? – подал голос другой человек. Алин узнал в нём одного вредного караванщика. – Какая-то девица в смешной...

Он осёкся, когда у его горла появилась полоса металла. Собравшиеся в зале охнули. Никто не заметил, как женщина хотя бы двинулась, не говоря уже о том, как обнажила оружие. Несчастный задрожал, раскрыв рот.

- Рила Драконий Коготь, - процедила она сквозь сжатые зубы. – Запомни это имя. Караванщик съёжился от ужаса под её испепеляющим взглядом.

- Охотница на драконов! – вырвалось у Алина. В благоговейной тишине его голос прозвучал едва ли не богохульно громко.

Взгляд Рилы метнулся к нему, и женщина лихо убрала оружие обратно в ножны. Оставив обмякшего бедолагу позади, плавной и уверенной походкой она направилась прямо к Болотным Бегунам.

- Ты знаешь меня, - сказала она барду, обращаясь только к нему.

Он попытался пролопотать что-то в ответ, но слова не шли. Ясная речь и обжигающий взор красотки ошеломляли и будоражили его. Онемев, парень мог лишь смотреть на это миловидное существо с ореолом багряных волос вокруг чувственного лица.

- Какая встреча, леди Драконий Коготь, - начал Дэлкин.

- Просто Рила, - прервала драконоборец. – Ни леди, ни рыцарь.

Жрец пожал плечами и продолжил:

- Рила, значит. Я – Дэлкин Снегозар, предводитель Болотных Бегунов. Это – Алин Катален...

- Кательн, - выдохнул юноша.

- Точно. Алин Катален из Тилвертона, - он махнул в сторону Инри и Тарда, - а эти двое...

- А, искатели приключений, - вновь прервала женщина, по-прежнему обращаясь к барду.

«Эти двое» Бегунов прищурились. Рила не сводила глаз с парня и повторяла его имя, будто катая на языке. Дрожь предвкушения пробежала по позвоночнику Алина.

- Как раз те, кто нужен, - добавила эта странная женщина.

Инри взглянула на Рилу, затем на Дэлкина, но заговорил Алин:

- Чтобы убить твоего дракона? – спросил он с нескрываемым восхищением.

- Тхарас'калаграма, - поправила воительница. – Да. Красного вирма, за которым я следовала сюда. Я знаю, куда он направился, и мне нужны смелые и... - она осмотрела Алина с головы до ног горящими глазами, - крепкие люди. Чтобы помочь убить его.

Глядя на молодого барда, она слегка облизала губы – так, чтобы заметил только он.

- Наши извинения, драконоборец, - ответил Дэлкин, получив знак от Инри, - Но сейчас мы слегка заняты, подыскиваем замену нашему барду, и не можем отвлекаться на...

- Мы согласны! – возопил Алин.

Выражения, с которыми остальные Болотные Бегуны посмотрели на него, отличались разнообразием – на лице жреца читался шок, в чертах Торда прослеживалось удивление, и гримаса презрения, смешанного с ужасом, на прекрасном лице эльфийки.

Рубиновые губы Рилы скривились в невесомой улыбке.

- Тогда хорошего отдыха, добрый бард, - пожелала она. – На рассвете выходим в Лес Вирмов.

- Кто дал тебе право говорить за всех нас? – накинулась Инри, как только юноша вышел из гостиницы, протирая глаза в ярком солнечном свете.

- Что? – спросил Алин, застегнув манжеты туники. – Я думал...

Болотные Бегуны оседлали коней и приготовились к отбытию раньше Алина, не привыкшего вставать с первыми лучами солнца. Огромный Тард в мехах и дублёной коже сидел на гигантском чёрном жеребце. Рядом на белой кобыле боком устроилась Инри, в зелёно-серебристых шёлковых одеждах. В чешуйчатом доспехе и белом табарде с Восходом Латандера, Дэлкин на своём сером скакуне выглядел нервным. Повинуясь свисту хозяина, кобыла Дэлкина встала перед эльфийкой, и жрец что-то сказал, успокаивая волшебницу.

- Алкин, я всеми руками за охоту на драконов, но можем ли мы доверять этой твоей девочке?

Алин так и не смог поправить его, потому что слово взяла Инри:

- У неё есть волшебное кольцо, но и только. Будет ли драконоборец настолько пренебрегать магией?

Тард кивнул. Хоть народ Утгарта особо не полагался на волшебство, он был вынужден согласиться.

- Что-то здесь нечисто.

- Может она просто... способная, - запротестовал бард, похлопав Нэба, своего выносливого кормирского коня. Он был рад, что тот пережил атаку дракона. – Тэйская броня хорошо известна, а катана – кара-турский клинок – лучшее оружие на свете. Может быть, магия ей не нужна.

Бегуны собрались было возразить, но что-то заставило их промолчать. Алин почувствовал за спиной чьё-то присутствие.

- Может и не нужна, - согласился бархатный голос Рилы.

Подъехавшая к ним воительница будто вся лучилась. Тёмная броня резко контрастировала с молочной кожей, а волосы будто горели огнём в рассветных лучах. Она не сводила глаз с барда, и он снова потерялся в их тлеющих глубинах.

Спустя несколько секунд, Дэлкин прочистил горло:

- Леди, у вас нет лошади? – спросил он.

- Я всегда предпочитаю перемещаться сама, - отозвалась Рила, не прерывая зрительную связь с юношей. Она задумалась, но лишь на мгновение, прежде чем добавить: - На своих двоих.

Дэлкин ухмыльнулся, но – взглянув на компаньонов – понял, что разряжать обстановку сейчас бесполезно.

- Мы же обгоним тебя, - сказала эльфийка. – Если только ты не бегаешь так же быстро, как обнажаешь меч.

Рила отвернулась от барда и вперила свой жуткий взгляд в Инри. Та встретила его, но вскоре съёжилась, будто став меньше на спине своей лошади. Тард забарабанил по топору, что вызвало слабую улыбку на лице Рилы.

- Можешь ехать со мной, - предложил Алин, удивив всех и приковав взгляды обеих женщин – Инри смотрела недоверчиво, а Рила – со слегка озадаченной ухмылкой.

- Как пожелаешь, - проронила волшебница.

Она повернулась на север, неразборчиво бормоча под нос что-то на эльфийском, и пустила лошадь рысью. Кобыла всхрапнула, но начала движение, за ней последовал скакун Тарда. Дэлкин пожал плечами, и тоже развернулся.

С благодарностью на бледном лице, Рила подняла взгляд на барда, и игриво предложила изящную ручку. Он втянул женщину, поразившись её хватке – крепче, чем у капитана Агатана, самого сильного из всех солдат, что он знал. Она уселась за ним, нежно обняв за талию. Парень покраснел, но не стал поворачиваться, чтобы спутница не увидела.

- Держись крепче, - пробормотал он.

- Разумеется, - промурлыкала красавица. От её шепота, такого близкого к уху, бард обомлел.

Дорога до Леса Вирмов, с короткими перерывами на еду и выгулом лошадей, заняла большую часть дня. На протяжении всей поездки Рила плотно прижималась к Алину, и оставалась рядом, когда они вели животных. Не похоже, чтобы она делала так намеренно – воительница будто бы не замечала ни собственной близости, ни того эффекта, что оказывала на менестреля – но Алину было наплевать. Он ощущал мягкое

касание кожи её стройного тела и одновременно холодной стали её брони. От этой странной двойственности бежали мурашки.

- Что там у тебя? – спросил бард у Дэлкина, пытаясь отвлечься от мыслей о восхитительной охотнице на драконов. Всё утро он гадал, чем же набиты седельные сумки жреца.

- А, ты об этом? – уточнил клирик, щёлкнув застёжкой и откинув клапан. Под ним оказались тяжёлые котлы и сковородки, ложки, ковши и другие кухонные принадлежности. – Всегда говорил – нет ничего лучше хорошего ужина в дороге.

- Ты что, повар? – поинтересовался юноша, разглядывая объёмное пузо Дэлкина. Толстяк расхохотался.

- О, нет, нет, - уверил он. – Я больше предпочитаю есть, а не готовить. Но вот зато Тард может потягаться с лучшими кулинарами Глубоководья. И сегодня вечером он будет творить... ну ты сам увидишь, что я имею в виду.

На полуденный приём пищи они остановились у кучи камней. Дэлкин достал пайки и начал делить их, но Рила отказалась от галет и сушёных фруктов, сообщив, что не голодна. Никто из Бегунов возражать не стал, набросившись на еду, когда женщина скрылась за одним из валунов.

Пожевав затвердевший хлеб несколько минут, Алин решил, что тоже не сильно хочет есть. По крайней мере, походные рационы. А вот по чему он проголодался, чего жаждал, так это присутствия женщины. Извинившись, он последовал за драконоборцем. Его уход привлек взгляды – озадаченный от жреца и подозрительный от эльфийки. Алин вскарабкался на небольшую грудку камней в поисках определённой воительницы с огненно-рыжими волосами.

Долго барду искать не пришлось. Красавица залезла на самый высокий камень, созерцая окрестности, точно королева – свои земли. Она сидела к нему спиной и не видела его приближения; её меч лежал на коленях. В свете солнца, играющего по всей длине клинка, почти казалось, что выгравированный красный дракон ожил и движется в танце.

- Высматриваешь нашу цель? – поинтересовался бард.

Рила одним прыжком вскочила на ноги и развернулась, с оружием наизготовку. Бард, испугавшись, попятился назад, на край валуна, и зашатался там на одной ноге, пытаясь сохранить равновесие.

И понял, что женщина смеётся. Она убрала катану в ножны и протянула руку, а когда парень схватился, втащила его без видимых усилий.

- Можно сказать и так, - ответила она. – Хотя, по правде сказать, я просто смотрю.

В то самое мгновение, когда Алин осознал, что охотница всё ещё держит его за руку, Рила отпустила его и отошла, снова сев на место и подтянув одну ногу к груди. Её волосы поблёскивали в солнечном свете.

Бард с трудом дышал, хотя и знал, что дышать нужно не забывать, иначе он свалится без чувств прямо тут.

- Леди Драконий Коготь... - начал Алин.

- Просто Рила, - напомнила та и посмотрела на парня, подчёркивая мысль. – Я не леди.

- Ой, да! Помню, - даже такого выражения близости оказалось достаточно, чтобы его наполнило тепло. – Рила... Расскажи мне о своих приключениях – о своих деяниях. Я собираю истории, а ты ведь знаменитость, в конце концов.

- Особо и нечего сказать, - отвернулась красотка. – Я охочусь на драконов. Это всего лишь игра, не больше.

- Игра?

На лице Рилы заиграла улыбка. Бард почувствовал, что теряет концентрацию, и отвернулся.

- Для меня это игра, - объяснила она. – как для тебя, например, пускать «блинчики» по воде или биться на деревянных мечах в детстве. Кто-то охотится на лис, кто-то – на вепрей. А я – на драконов. Игра в охоту.

Алин купался в её словах какое-то время, пока не понял, что собеседница замолчала.

- Но... - запротестовал он, - явно же есть нечто большее!

Вновь посмотрев на неё, он увидел, что женщина загадочно улыбается.

- Например, скольких ты убила? Как ты можешь выглядеть такой молодой, если легенды о тебе уже ходили во времена юности моего отца? Ты же не эльфийка! Почему ты иногда исчезаешь, и возвращаешься только в сказаниях? Из чего и откуда твои броня и меч? Может, они были созданы другими героями эпосов – мастером-кузнецом или архимагом?

- В них ничего необычного, - отозвалась Рила. – А вот скольких убила, надеюсь, сможешь посчитать и сам.

Бард уже давно заметил двенадцать шипов на её доспехе, но только теперь узнал в них драконьи когти.

- А спрашивать у леди её возраст невежливо, - добавила воительница.

- Я думал, ты не леди, - вернул Алин.

Рила хитро улыбнулась.

- Некоторые секреты я оставлю при себе, - сказала она. – Разве что отмечу, что те легенды, о которых ты говоришь, вероятно ходили в дни юности твоего деда, а не отца.

Алин выпучил глаза от удивления, но губы драконоборца больше не шевелились. Он оставил её созерцать природу и дальше, а сам спустился вниз в смятении.

Солнце касалось горизонта на востоке. Болотные Бегуны ехали по равнинам уже долгое время, и уже добрались до начала подъёма, когда услышали карканье над головами. Инри дала знак остановиться. Волшебница вытянула руку и свистнула. Через мгновение на её крагу уселся чёрный ворон, заговорив с Инри на чистом эльфийском.

- Её фамильяр, - объяснил Дэлкин.

Рила фыркнула.

Когда птица закончила говорить, эльфийка кивнула. После короткой команды ворон каркнул и улетел.

Повернувшись к Бегунам, Инри поделилась с ними:

- Антас сообщил, что неподалёку на севере стоят лагерем орки, боевой отряд – десятка два или чуть больше.

- А, значит, лучше остановиться тут, - кивнув, предложил Дэлкин.

Путники спешили и начали расстёгивать сумки. Алин, едва слез с коня, протянул руку Риле, однако та даже не заметила.

С подозрением на лице она уставилась на Инри и поинтересовалась:

- Почему мы остановились?

- Нет смысла тратить силы на десяток орков, - объяснил Дэлкин, разворачивая палатку. – Сейчас они никому не угрожают, не будем их трогать.

- Но это же выродки! - прошипела воительница. – Их следует уничтожить.

- Мы же охотимся на дракона, - напомнил Алин, - не на орков.

Драконоборец метнула в барда ядовитый взгляд. Он понял, что женщина закипает.

- Я помню, - отрезала она, забирая из его руки поводья. – Пока не разбивайте лагерь, я скоро вернусь.

С этими словами она развернулась на север и пустила Нэба галопом. С развевающимися за спиной огненными волосами и чёрным плащом, она летела по равнине к стоянке орков.

- Клянусь пяткой Утреннего Лорда! – только и успел ругнуться Дэлкин.

Болотные Бегуны побросали снаряжение и засуетились, залезая обратно на коней. Лишившись скакуна и рюкзака, Алин побежал за Рилой. Естественно, ездовое животное быстро опередило его. Но как только бард добрался до вершины холма, то там и остановился с отвисшей челюстью.

В сотнях метрах от него, воительница как раз достигла лагеря орков, в котором оказалось значительно больше двадцати существ – примерно три дюжины вооруженных монстров. Они повскакали с мест с криками предупреждения, но Рила не колебалась ни секунды. Женщина со сверкающей в руке сталью прыгнула с мчащегося жеребца, влетев ногами в первого поднявшегося орка и навалившись вместе с ним на остальных.

Логика подсказывала юноше, что женщину-драконоборца безнадежно превосходят в численности, но та даже на секунду не задумалась об этом. С мечом она набросилась на орков, рубя направо и налево, и всюду, куда падал её клинок, мёртвые и раненые враги валялись на землю, а её кулак отбивал оружие и сбивал с ног ещё больше нападающих. Лезвия вгрызались в её броню, но она просто стряхивала их без промедления.

Бард почувствовал, что на язык просятся слова незваной песни, поэтому запел во всю силу лёгких, моля богов, чтобы Рила услышала его и воспрянула духом.

Хотя очень скоро он понял, что баллада не была призвана поддержать воительницу. Нет, вместо этого она превозносила её неистовость. В том, как она дралась, не было ни грации, ни ловкости – только звериная жестокость и феноменальная мощь.

После первого куплета и первой дюжины сражённых орков, подоспели и Болотные Бегуны, уставившись на женщину, прорубающуюся сквозь ряды врагов точно воплощение ярости.

- Во имя рассвета... - выдохнул Дэлкин.

Рила хлестнула мечом, вспоров брюхо верещащему орку справа, и ударом кулака сбила с ног берсеркера слева. Ещё один орк наступил на клинок катаны, прижав к земле, и с оглушительным боевым криком вознёс над головой топор. Рила заорала в ответ, дёрнула меч со всей силы могучих плеч, подбросив врага в воздух, и разрубила горемыку пополам, пока тот летел к земле. Затем вихрем развернулась и парировала удар сзади.

Нэб, нетронутый орками, которые сосредоточились на дикой женщине, бегал кругами, но вскоре остановился рядом с громко поющим бардом.

Алин смолк, заметив, что Инри готовит заклинание. Языки пламени обвивали и лизали её серебряные наручи, сползаясь в багровую бусину между её ладонями. Глаза парня расширились – он уже видел раньше, как боевые маги швыряли огненные шары – и двинулся остановить её, но Тард сдержал его. Менестрель понял, что не должен нарушать концентрацию волшебницы, иначе чары могут выйти из-под контроля и взорваться прямо среди самих Болотных Бегунов.

Он беспомощно наблюдал за тем, как эльфийка открывает глаза и будто бросает что-то в сторону побоища, туда, где последние из орков окружили рыжую бестию. В лагере разразилась огненная буря, и Алин отвернул взгляд. Он едва мог разобрать крики поверх рёва огня.

Когда он посмотрел обратно, стоянка превратилась в тлеющие руины. Сердце барда упало, он решил, что Рила точно погибла – но затем заметил движение.

Жрец знаком велел юноше оседлать ждущего коня, затем повёл Бегунов вниз по склону к сгоревшему лагерю.

Воительница поджидала их, похлопывая клинком по сапогу. Огонь сжёг кровь с клинка катаны и с её кожи, но не покрыл сажей ничего из этого. Казалось, пламя не сделало женщине ничего, лишь очистило её.

- Ты жива! – с облегчением выдохнул бард.

Но когда Алин подошёл ближе, то заметил её трясущиеся ноги. Выпрыгнув из седла, он бросился к драконоборцу. Ослабленная женщина обмякла на его плече; в его руках она ощущалась удивительно лёгкой, почти хрупкой.

- Не думали... что я... справлюсь, да? – с трудом дыша, спросила Рила и подняла правую руку. Серебряный дракон ярко светился.

- Твоё кольцо защищает от огня? – поразился бард.

- Можно... и так сказать, - слабо улыбнулась воительница.

Пока Алин помогал ей забраться на спину Нэба, Рила метнула взгляд на Инри, слабо улыбнувшись – отчего эльфийка оцетинилась, словно столкнувшись с тонко завуалированной угрозой.

Болотные Бегуны разбили лагерь в двух километрах от Леса Вирмов. С такого расстояния лес казался мирным, даже манящим. Тисовые деревья, величаво тянувшиеся к небу, росли далеко друг от друга – достаточно далеко, чтобы несколько человек в ряд могли пройти между ними. Алин не мог не затянуть балладу, которую

выучил в Кормире. Спутников, казалось, его голос успокаивал – кроме Рилы, по чьему лицу ничего нельзя было сказать.

- О наших деяньях слава будет песнь, иль встретит нас мрачная, тяжкая смерть, - пропел он. Внезапно почувствовав слабую дрожь, он замешкался, не начав следующий куплет.

- Поменьше энтузиазма, - хлопнул Дэлкин певца по плечу, сбив того с ритма. Алин недоверчиво посмотрел на жреца, но тот улыбнулся: - Отдохни немного. Завтра нас ждёт сложный день.

Он ткнул пальцем в рапиру юноши.

- Забыл даже спросить... Умеешь ей пользоваться?

- Эээ... конечно! – уверил Алин. – Я брал уроки с тех пор, как научился ходить, и...

- Это хорошо, - громыхнул клирик. – Завтра она может тебе понадобиться.

- Завтра?

- Там будут драконы, малыш, - пообещал Дэлкин. – Надеюсь, ты хорошо слушал свои уроки, хотя эти звери и не часто прибегают к фехтованию.

Жрец расхохотался и ушёл обратно к кашеварящему Тарду, сидевшему в дюжине шагов от них.

Алин улыбнулся. Вытащил из седельной сумки арфу и осторожно распаковал. Расположив её на привычном месте, отмеченном мозолями на руке, он тронул несколько струн. Потом задумался – а не получится ли потратить несколько вечерних часов на работу над новой балладой, которую он сочинял – «Песнь о Драконьем Когте»

- На вершине золотой башни, глазами горящими..., - пропел он. – наблюдает за миром королева охотничьих игр...

Он смолк. Юноша не собирался петь эти слова. Они принадлежали Риле, но захватили его разум. Охотничьих игр...

- Опасных игр... - выдохнул он.

- Я не могу это есть! – внезапно раздался сердитый голос воительницы. – Оно почти сырое!

Алин повернул голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как Рила запустила оленьим окороком варвару в лицо. Тот едва задел обжигаяще горячее мясо, прежде чем оно столкнулось с его носом. Однако кусок всё ещё сочился горячим соком, забрызгавшим кожу, бороду и меха громилы.

- 'Сторожней, глупая девчонка! – взревел он, будто ругая несносного ребёнка, закатившего истерику. Хлопнутой ладонью кусок мяса полетел на землю.

Дэлкин попытался спасти окорок, но пальцы его оказались слишком неуклюжими, и жрец выронил добычу.

- Клянусь рукой епископа! – простонал он. – Оно испорчено!

Клирик повернулся к женщине, остальные Бегуны затихли. По выражению их лиц бард предположил, что только что обнаружил, как вывести из себя обычно доброжелательного жреца – достаточно просто неподобающе относиться к еде. Уперев руки в бока, священник сурово уставился на драконоборца.

Но Рила не собиралась уступать. Она выпрямилась ещё больше, хотя её и так устрашающая поза, казалось бы, не могла этого позволить, и посмотрела на широкоплечего жреца в ответ. Из её скривившихся губ не донеслось ни слова, но

парень заметил, что они слегка дрожат. Но он отчётливо понял, что дрожат они не от страха.

Дэлкин, похоже, смог взять себя в руки – хотя и трясущиеся, отметил Алин.

- Мясо в Утгартском стиле, - прогремел он. – Идеально приправлено, с любовью приготовлено. Тард – отличный повар, а ты его оскорбила. Извинись.

Последнее просьбой не являлось.

- Недостаточно прожарено, - отмахнувшись, парировала Рила. – Это не шеф-повар, это шеф дураков.

- Оно превосходно прожарено – может, даже самую чуточку пережарено – всё, как ты просила! – заревел жрец. – Извиняйся!

- Не буду, - отрезала женщина.

- Ты оскорбляешь всех нас! – закричал Дэлкин. – Извиняйся!

- Нет.

Повисла тишина. Четверо искателей приключений смотрели на драконоборца с разными выражениями потрясённых лиц. Тард – с каменным, Инри – с подозрительным, а Дэлкин так просто в бешенстве. Алин смотрел на Рилу с жалостью, но при этом не мог избавиться от желания во взгляде.

Рыжая красавица заглянула каждому в глаза, но ни в одной паре не нашла ничего, что бы её удовлетворило. Её губы скривились в самодовольной ухмылке.

- Так вот что кроется за героизмом в наши дни? – насмеялась она. – Грубость? Невоспитанность? Подозрительность?

С каждым выплунутым словом из трёх последних она посмотрела поочерёдно на Дэлкина, Тарда и Инри.

- Неужели все вам подобные так же неприветливы к тем, кто называет их своими друзьями?

Ответа не было. Болотные Бегуны широко распахнутыми глазами смотрели на неё, но никто из них не заговорил. Тард задумался. Дэлкин покраснел. У Алина отвисла челюсть. Инри же просто смотрела на Рилу с ненавистью.

Та разочарованно хмыкнула и сказала:

- Жалкое зрелище, - на этом она развернулась на каблуках и ринулась прочь из лагеря, к ближайшим деревьям.

Каждый из ошарашенной троицы Бегунов перевёл взгляд на барда.

- Она отойдёт, - уверил тот. – На самом деле она не сердится.

- Надеюсь дракон сожрёт вас всех! – крикнула напоследок женщина голосом, полным горячего гнева.

Болотные Бегуны, все пристыженные, кроме Инри, беспомощно посмотрели на юношу.

- Иди поговори с девчонкой, - попросил жрец, опустив взгляд. – Никого из нас она даже слушать не захочет.

Клирик ещё даже не закончил предложение, а Алин уже бросился вдогонку за драконоборцем.

Она совсем недолго просто шла, прежде чем ускориться, а потом и побежать. Бард последовал не колеблясь, кутаясь от ночного холода в свой тёмно-синий плащ. У женщины было неплохое преимущество, а он всегда предпочитал бегать пальцами по струнам, а не ногами по земле.

Алин решил запомнить шутку на будущее.

Спустя несколько минут Рила миновала первые деревья на границе Леса Вирмов, а Алин резко остановился где-то в сотне метров от неё.

Потянувшись к тунике, он вытащил серебряную монету на кожаном шнурке и прочитал короткую молитву:

- Леди Удача, во имя моей любви к тебе, не дай дракону подобраться ко мне!

Поцеловав символ, он поспешил к лесу. Луну закрыли облака, поэтому он вытащил стеклянную сферу и сыграл на арфе высокую ноту. Получив капельку магии бардов – по сути едва ли больше, чем в каком-нибудь магическом трюке – шар налился мягким, красновато-белым свечением, схожим со светом от факела.

Юноша набрёл на Рилу в небольшой рощице неподалёку от границы леса. Отбросив катану, она била по одному из деревьев кулаком в шипованной рукавице, выбивая щепки каждым ударом. Бард какое-то время просто наблюдал, поражённый её силой, затем прочистил горло.

Женщина прекратила избивать дерево и оперлась на него, оставшись стоять спиной к парню – как будто все силы резко покинули её.

- Рила... – шагнул к ней бард.

Драконоборец повернулась, глаза её пылали. Почти хищные черты её лица светились в сиянии Селуны. Вода стекала по её щекам, окрашиваясь в красный в магическом свете.

- Да что ты знаешь? – накинулась она. – Что даёт вам право судить меня?

- Я пришёл не судить.

- Тогда зачем ты здесь? – напирала женщина.

- Я... - бард осёкся. Как он мог что-то говорить, когда она была так красива в лунном свете? Тем не менее он всё же выдал: - Я только хотел спросить тебя... про свою балладу.

- Про балладу? – Рила казалась заинтригованной. – Какую балладу?

Она шагнула к юноше.

-А! О т-тебе, - пролопотал тот. – Баллада о Драконьем К-когте.

- Ты сложил обо мне песнь? – спросила воительница, приподняв залитую красным бровь.

Подходя к нему всё ближе, она проворно расстегнула пряжки чёрной нагрудной пластины и сняла её через голову. Броня упала на землю, обнаружив под собой серую рубаху – рубаху, пропитавшуюся потом и прилипающую к телу женщины.

Алин сглотнул. Связно думать стало ещё сложнее.

- Эээ... да, песнь.

Подойдя на расстояние вытянутой руки, Рила расстегнула чёрную юбку, сняв её полностью.

- Нап-писанную м-мной, - заикался бард, чувствуя жар в каждой крупнице естества.

- Тогда спой её мне, славный менестрель, - промурлыкала драконоборец. Парень даже понятия не имел, что она может звучать вот так. Она подняла правую руку и провела тыльной стороной ладони по щеке юноши, вызвав этим волны дрожи во всём его теле. – Есть ли кто-то... особенный дома, кто ждёт, когда её темноволосый, голубоглазый герой вернётся, одолев дракона?

Она подошла совсем вплотную и посмотрела прямо в глаза.

- Н-нет, - промямлил Алин.

Рила прижалась к нему, вызвав волну мурашек. Бард видел багряные искорки в её глазах. Как же она красива...

- Хотя я... мне всегда нравилась... леди Алусэйр... наблюдать за ней издалека.

- А, принцесса? – прошептала Рила. Она коснулась губами его скулы, а своей грудью – его. – Вряд ли я смогу конкурировать.

- Это просто, - тут она поцеловала шею и ухо – мальчишеские фантазии.

- Фантазии... - прошелестела женщина.

Она толкнула его, и бард плюхнулся наземь. Рила возвышалась над ним. Она стянула тунику и осталась стоять лишь в сапогах и с кольцом на пальце. Волосы ниспадали водопадом огня, и безупречная кожа поблёскивала. Воительница упёрла руки в бёдра, что только подчеркнуло её изгибы.

- И кто теперь твоя принцесса, - спросила она со сладострастной улыбкой на устах.

- Т-ты – выдохнул юноша.

- Превосходный ответ.

Рила скользнула к нему, и Алин наконец потерял всякую способность думать. В этом не было необходимости.

- Что с тобой, парень? – поинтересовался Дэлкин у Алины, чувствительно хлопнув того по плечу.

Бард даже не заметил этого. Они уже зашли глубоко в Лес Вирмов, самое опасное место на всём Фаэруне, и были окружены со всех сторон неминуемой гибелью – но он абсолютно не придавал этому значения. Его затуманенный взгляд не отрывался от гладких плеч Рилы, едущей впереди, от её чёрного полуплаща, теребимого лёгким ветерком, от алого каскада её волос.

- А, ничего, - отозвался юноша. – Просто вспоминаю сон, который мне снился прошлой ночью.

По странному совпадению, в этот момент лицо драконоборца, с выбившимся локоном волос, слегка повернулось в его сторону. Алина вновь бросило в жар.

- Несколько раз, - добавил он.

- Судя по твоему довольному лицу, это был хороший сон, - хмыкнул жрец, затем посерьёзней. – Но не позволяй себе отвлекаться. Здесь обитают драконы, нужно быть бдительным. Что ты знаешь об этом месте?

Помотав головой, чтобы избавиться от фантазий, парень прикусил губу, вспоминая все рассказы о Западном Сердцеземье и Лесе Вирмов, что он когда-либо слышал.

- Говорят, зелёные драконы обжили эти места, - поведал он. – И не зря. Здесь их полно, как кроликов.

- Значит, смотри в оба, - кивнул Дэлкин.

Алин кивнул в ответ. Он окинул взглядом остальных Болотных Бегунов, пробирающихся через плотные заросли шлемошипника, стараясь не оказаться нанизанными на шипы длиной с мужскую руку. Оглядывая местность перед ними,

Тард, как и всегда, оставался бесстрастным, хотя его ладонь и покоилась на рукояти топора. Рила, готовая в мгновение ока выхватить оружие, следовала по пятам. Только Инри не была сосредоточена на работе, вместо этого с подозрением наблюдая за каждым движением воительницы; несколько раз Алин замечал, как её руки выводят какие-то заклинания.

- А что с Инри? – спросил бард у Дэлкина.

Жрец повернулся к парню, задумчиво улыбаясь:

- О, мадам Волшебница недовольна, что она больше не единственная девочка среди Болотных Бегунов. Женщины, вечно соревнуются, если ты понимаешь, о чём я. Ну по крайней мере у неё есть Тард.

Разум Алина дополнил детали.

- И это всё? – нажал он.

- Ну есть у неё подозрения, - признал клирик. – Леди Драконий Коготь прячет свою магию.

Алин в задумчивости прижал к губам палец.

- Мдаа, загадка, - согласился Дэлкин. Он посмотрел на ведущих. – Леди Драконий Коготь, а наш дракон точно здесь? Я ничего не видел и не слышал.

- Я, конечно, извиняюсь, но ты жрец, а не разведчик, - ответила Рила, не утруждая себя очередным исправлением титула. – И да, я видела, как зверь приземлился где-то тут, и не покидал этого места с момента нападения на караван.

Успокоенные Бегуны продолжили путь, постоянно оглядываясь по сторонам. Бард напряг все свои чувства, используя полученные от учителя техники, расширяющие восприятие до близлежащих деревьев.

Поэтому он вздрогнул, когда рядом, словно из ниоткуда, возникла эльфийка.

- Разве Рила не кажется подозрительной? – спросила она. – Как она могла видеть, где этот Тхарас'калаграм приземлился, если всё время оставалась с нами в Триэле?

- Высказывай свои мысли кому-нибудь другому, - нахмурился Алин. – Сосредоточься лучше на дороге.

- Вы двое, тихо, - шикнула Рила. – Я что-то слышала.

- Что там? – спросил Дэлкин.

- Дракон, - повернулась к нему воительница.

В ту же секунду огромный зелёный вирм с рёвом вырвался из-за деревьев едва ли не в десяти шагах от драконоборца. Зверь был длиной не менее двенадцати метров, с напрягшимися мышцами по всему его змеевидному телу. Пылающий взгляд обещал смерть пяти смельчакам, а с кинжалоподобных клыков капала мерзкая зелёная слюна. Дэлкин крикнул, высоко подняв свой символ Латандера, Тард вытащил топор, а Инри начала подготавливать чары.

Чудовище возвышалось над ними, раззявив челюсти. Алин вовсе не удивился бы, если бы между ними уместились две целые коровы.

- Темпус! – заорал Тард, с сокрушающей силой обрушив топор на переднюю лапу дракона.

Зверь завизжал, когда несколько чешуек поддались; варвара обрызгало зелёной кровью.

Рептилия замахнулась на обидчика другой лапой – атака, от которой тот едва увернулся. Когти длиной с добрый меч рассекли росшее рядом дерево пополам. Тард продолжал кувыркаться, ведь неподалёку имелись ещё и клыки.

Стоявшая позади жреца волшебница закончила заклинание и вытянула руку над его плечом, отправив в дракона разряд молнии. Волшебный снаряд попал прямо в грудь, заставив огромное тело зайти в судороге. Разъярённый дракон глубоко вздохнул, его грудные мышцы набухли.

- Сейчас дыхнёт! – предупредил Дэлкин, сразу же начав читать молитву Латандеру.

Этот крик встряхнул Алина, с открытым ртом наблюдавшего за разворачивающимся сражением и не среагировавшего так же быстро, как его спутники. Первый делом его мозг приказал рту закрыться, вторым – нырнуть за спину жреца.

В ту же секунду существо выдохнуло, и большое облако едкого зелёного газа окутало воинов. Бард закричал, увидев летящую к нему удушающую, обжигающую смерть, но дыхание дракона не сожгло его плоть с костей. Нет, оно клубилось и бушевало вокруг, сдвинутое мерцающим золотым щитом, окружившим святой символ Дэлкина.

-Ха! – послышалось улюлюканье Рилы.

Драконоборец спрыгнула с дерева, всадив катану глубоко в драконий череп. Вирм взревел и заметался, но Рила удержалась, обхватив ногами морду, и вытащила оружие – только чтобы всадить его снова и снова.

Тард в очередной раз набросился на монстра, рубя топором зелёную чешую. Он вновь попал по уже нанесённой ране на лапе – брызнуло ещё больше драконьей крови. Отвлёкшийся на Рилу дракон предпринимал лишь вялые попытки убрать раненую конечность подальше, пытаясь сбить женщину другой лапой.

Алин почуял близость триумфа и вскочил на ноги. Взяв арфу в руки, он сыграл диссонанс, направив дисгармонирующую волну звука на дракона. Чудище вздрогнуло, отвлёкшись на долю секунды, что помогло Риле удержаться на его голове.

Воительница вновь закричала и всадила катану в глаз рептилии. Дракон взревел и яростно затряс головой, сбросив «наездницу». Женщина, отчаянно размахивая руками, пролетела по воздуху не меньше пятнадцати метров и упала на живот в дюжине шагов от барда.

- Рила! – вскрикнул Алин, выбегая из-под защиты магической сферы жреца.

- Алин, нет! – рявкнул Дэлкин; щит исчез, когда клирик потерял концентрацию.

Тард может и был быстрым, но всё же недостаточно, чтобы уклониться от драконьей туши, когда существо врезалось в их ряды, отбросив огромного варвара словно надоевшую детскую игрушку. Бард прыгнул к драконоборцу, желая заслонить своим телом, но в грудь ему пришёлся удар хлестнувшего хвоста, подкинувший юношу в воздух. В полёте он слышал крики остальных Болотных Бегунов.

А потом он врезался в высокий тис и не слышал уже ничего.

Когда парень очнулся, чья-то нежная рука ощупывала его лоб. Сначала он попытался её поцеловать, но сразу понял, что она принадлежит не Риле, а приведшей его в чувство Инри.

- Дракон вырубил нас всех, но Рила смогла его убить, - рассказала эльфийка до того, как он успел что-либо спросить.

Бард сразу же выпрямился, сотни других вопросов вертелись на языке, но Инри пресекла их, и, уходя, молчаливым жестом предложила последовать за ней. Алин поднялся – всё тело болело, но осталось невредимым – и поковылял за волшебницей. Та милостиво замедлила шаг, позволяя юноше не отставать.

Пока они возвращались на место, где на них напал дракон, Алин промёрз до костей. Тард, с пропитавшейся кровью повязкой на лбу, взглянул на него и тяжело облокотился на длинную лопату. Рядом, скрестив на груди руки, стояла Рила – на вид невредимая, из-за чего сердце барда радостно забило – но при этом она мрачно хмурилась. Даже Инри не вышла сухой из воды – одна её рука держалась на импровизированной перевязи.

Но только от вида пятого члена их группы у Алины перехватило дыхание.

Дэлкин лежал, наполовину погребённый, в неглубокой могиле. Его лицо, дочерна обожжённое драконьим дыханием, стало неузнаваемым – только медово-золотые кудри позволяли опознать жреца.

С приглушённым всхлипом Алин упал на колени рядом с могилой клирика.

- Не трогай! – предостерегла эльфийка. – Кислота сожжёт и твою плоть.

Алин готов был проигнорировать её и потянуться к другу, но Тард вовремя перехватил его. Юноша просто зарыдал в крепких руках варвара.

Рила раздражённо выдохнула.

- Я же говорила, у нас нет времени на похороны, - сказала она. – Ночь близится, и когда дракон проснётся...

- Имей жалость! – простонала Инри. – Всего несколько минут.

Драконоборец закатила глаза, но пожала плечами, смиряясь.

Бард встал и подошёл к ней, совершенно потрясённый. Женщина соблазнительно улыбнулась. Когда юноша не ответил, она развернулась и куда-то указала.

Чуть дальше поляну украшал кровавый остов – останки зелёного дракона. На земле валялись дюжины треснувших и расщеплённых древесных стволов. Некоторые даже с корнями. Деревья, оставшиеся стоять, были заляпаны тошнотворно-зелёной кровью и кусочками чудовища. Судя по трупу, дракона разорвали пополам, а глубокие порезы превратили его толстую броню в ленточки. Многие из торчавших костей были расщеплены, будто какая-то могучая сила бросила рептилию, как раз и поломав все эти павшие деревья.

Мысли Алины вернулись к Риле – он знал, что женщина сильна, но чтобы настолько?

Бард посмотрел на неё с невысказанным вопросом в глазах, и Рила улыбнулась.

- И я знаю, где его логово, - сказала она.

Упомянутое логово оказалось огромным – просторная пещера в склоне небольшого вулкана. Гниющие трупы двух зелёных драконов лежали снаружи – два мрачных стража, что посылали жуткое сообщение любому достаточно смелому или глупому, кто захотел бы войти. Убиты они были не так давно, но заполняли воздух удушающим смрадом.

- Ну хотя бы он нас не почует, - пробормотал Алин, ни к кому конкретно не обращаясь.

Рила улыбнулась и махнула остальным, давая знак двигаться вперёд. Тард, с топором в руках, возглавил формацию, за ним драконоборец с эльфийкой. Бард, вытащив рапиру, замыкал четвёрку, но на самом деле не знал, насколько сможет помочь при нападении. В сравнении с остальными, его оружие казалось абсолютно бесполезным.

На входе их поджидала неожиданность, ведь темнота пещеры оказалась намного теплее света снаружи. Во тьме ничего не было видно, поэтому Алин повторил своё заклинание. Оно освещало всего несколько метров в каждом направлении, и темнота наваливалась на него словно живой, дышащий враг. Неузнаваемые скелеты, куски рук и брони замусорили широкий проход. Только случайный треск сломавшейся кости или металлический звон нарушали полнейшую тишину. Ни крыс, ни пауков или других мелких существ. Алин подозревал, что не так уж и много кто сможет долго выжить в пещере с драконом.

Им не пришлось долго идти в давящей темноте, чтобы достичь внутреннего обиталища Тхарас'калагама. Меньше чем через сотню шагов они добрались до светящейся каверны. Высунувшись из-за края высокого уступа, четвёрка увидела гигантских размеров змея, дремлющего на горе золота и драгоценностей. Накопленное богатство было внушительным, настоящее сокровище из эпических сказаний бардов. Золото с серебром мерцало и переливалось, грозя ослепить любого, кто осмелится посмотреть на благородный металл под неудачным углом. Спящий сверху дракон был минимум раза в два больше зелёного вирма, напавшего на компанию в лесу.

- Он дрыхнет, хорошо, - прошептала Рила. – Двинули.

С этими словами она скрылась за лесом сталактитов.

- Рила? – позвал Алин. – Рила!

Он захлопнул рот рукой, подавляя произвольный крик, когда Бегуны услышали снизу грохот. Но у них не было времени заглянуть за уступ, ибо раздался ещё один сотрясающий землю храп.

- Не дала никакой стратегии? – возмутилась Инри. – Что за...?

Драконоборец вышла из-за сталактитов с читаемым на лице раздражением.

- Хорошо, хорошо, - прорычала она. – Тард, ты нападёшь из засады, затем отступишь – вон к тому скоплению камней. – Она указала вниз, на маленький тоннель и на камни, годящиеся для укрытия. – Инри, оставайся здесь и обрушь на зверя всю магию, какую только сможешь. Алин, помогай Инри.

- Что насчёт тебя? – поинтересовался бард.

Уголок губ воительницы изогнулся в улыбке.

- Как только Тард ударит, Калаг, дракон, проснётся. И когда он ответит, я прыгну сверху и выколю ему глаза. Слепота дракона будет нашим преимуществом.

Тард и Алин кивнули, только Инри выглядела неубеждённой.

- Магическая защита? – напомнила она, словно обращаясь к несмышлёнышу.

Что-то мимолётное мелькнуло на лице драконоборца, но исчезло прежде чем Алин распознал это.

- Как пожелаешь, - с подчёркнутым раздражением ответила она.

- Тарду понадобится больше всех, - продолжала эльфийка.

Она начала колдовать, стараясь говорить тихо. Алин последовал её примеру, шаря по закоулкам разума в поисках чар, могущих помочь варвару. Наконец, он остановил свой выбор на одном из самых могущественных своих заклинаний – невидимости.

Когда он прочёл его, Инри кивнула, будто в благодарность.

- Ещё вот это, - сказала волшебница. – Оно позволит нам общаться без слов.

Она едва слышно пропела ещё несколько магических слогов, и на группу опустилось серебристое сияние. Рила дёрнулась, но неохотно приняла эту ауру.

«О боги! – сказал юноша через мысленную связь.

«Именно, - согласилась Инри в его голове. – Но постарайся всё же не засорять наши мысли бесполезными воплями».

На этот раз пристыженный бард, вместо того, чтобы закрыть рот, очистил разум.

Когда они закончили, Тард поднял Инри, чтобы поцеловать. Покраснев и смутившись от силы чувств, которую он испытал через мысленную связь, Алин украдкой кинул полный вожделения взгляд на Рилу, но драконоборец казалась полностью поглощённой планированием. От неё не исходило никаких мыслей – возможно, она умела их прятать даже от заклинания эльфийки. Парень отвернулся, прежде чем женщина смогла бы залезть в его голову.

Болотные Бегуны заняли позиции: Тард переместился поближе, а Рила вскарабкалась на стену и скрылась. В ожидании, кожа на спине Алины покрылась мурашками предвкушения. Варвар казался героем легенд, пробираясь между сталагмитами так же ловко, как между обычными деревьями. И всё это время он не отрывал глаз от громады дремлющего дракона, а рук – от рукояти топора.

«Спит?» – спросила его Инри.

Они почувствовали мысленное подтверждение варвара.

Алин крепко схватил эфес рапиры, но не осмелился обнажить оружие, опасаясь звуков, которые бы сопровождали это действие. Кроме того, напомнил он себе, такой тоненький клинок будет практически бесполезен против поджидающего их колосса. Он припомнил все свои бардовские трюки и соответствующие заклинания, но даже с ними он мог разве что призвать танцующие огоньки или показать чудеса жонглирования. Снова он подумал, что бесполезен в драке, но всё же не чувствовал себя лишним. Наоборот, он находился здесь как свидетель готовой развернуться эпической битвы – он впишет её в «Балладу о Драконьем Когте» - и...

В этот момент они услышали сбитого с толку Тарда: «Погодите-ка, это не тот дракон, что напал на караван».

«Что?» - удивился юноша, так же чувствуя смущение и подозрения эльфийки.

«Шрамы другие».

В этот момент чудище открыло глаза и уставилось на воина. Багряная, огненная смерть наполнила его пасть, а взгляд пылал зловещим весельем.

- Темпус! – выкрикнул варвар, бросаясь вперёд.

Его огненную участь они больше почувствовали через мысленную связь, нежели увидели вживую.

- Нет! – закричала Инри. – Рила!

Она начала читать заклинание побега.

Но поток слов прервался, когда клинок пробил ей грудь, а изо рта хлынула кровь. Драконоборец высвободила катану и рывком развернула волшебницу. Та лишь моргнула, слишком потрясённая, чтобы хотя бы вскрикнуть от боли; Рила ударом слева снесла ей голову. Обезглавленное тело перевалилось за край, упав вниз, в драконье логово.

Алин в полнейшем смятении смотрел на Рилу. Женщина улыбнулась и поцеловала парня в лоб. Затем тоже спустилась вниз, кусок за куском расстёгивая на ходу доспехи. Когда она добралась до самого дна, то оказалась перед зверем лишь с серебряным кольцом на правой руке.

Дракон зарычал и подобрался, будто собираясь наброситься, но Рила лишь засмеялась. Засмеялась!

- Да ладно, Калаг, - сказала она. - Ты не мог меня не узнать.

- Ты нарушила правила, Рилатар'ралах'тима, - проревело грозное создание.

От его голоса Алин оцепенел, но волосы его встали дыбом совсем по другой причине. Это имя... Рилатар... Это имя он уже слышал когда-то.

Дракон тем временем продолжал:

- Обращаться запрещено, правила...

- Правила наши, в любом случае, - прервала женщина, отмахнувшись, а затем провела ладонями по рукам и красивой коже. - Ну правда, Калаг, ты бы предпочёл, чтобы меня изуродовал ядовитый газ какого-то жалкого зелёныша? Это красивое тело...

- В таком виде - полное уродство, - фыркнул вирм.

- Тебе не нравится кольцо? - мило надула губки воительница, подняв украшение повыше, показывая, будто на выставке. Серебро поблескивало в свете огня.

Губы дракона изогнулись в оскале.

- Ну хорошо, - драконоборец пожала плечами.

И она сбросила перстень; бард со смесью ужаса и благоговения наблюдал, как её тело ломается и растёт, а кожа отваливается, освобождая кроваво-красную чешую и тёмно-синие крылья. Голова удлинилась, а ослепительно-белые зубы превратились в клыки. За один удар сердца Рила приобрела размер и форму другого дракона. Красные чешуйки поблескивали в магическом свете.

- На вершине золотой башни, глазами горящими, - Алин понял, что поёт себе под нос.

Его разум полетел куда-то вдаль. Когда он растянулся и щёлкнул, бард смутно осознал, что утратил нечто важное.

- Я тут кое-что подумала насчёт возраста, - прорычала Рила. - В будущем нам нужно притворяться эльфами... чтобы не казаться слишком молодыми.

- Нам? - переспросил Калаг.

- Ну да, - кивнула Рила, протянув на кончике когтя крохотное серебряное кольцо другому дракону. - Мне надоело быть охотником, пора побыть добычей. Я нашла тебя, теперь твоя очередь.

Дракон посмотрел на украшение и спросил:

- Зачем ты делаешь это? Искатели приключений? Почему?

- Мне нравится их обманывать, - прогремела дракониха, как будто веселясь. - К тому же я привела тебе мясо. Чего жалуешься?

- Иногда мне кажется, ты их недолюбливаешь.

- Я недолюбливаю всё на свете! – вскинулась Рила.

- Острая смерть в ладони, чья страсть не знает имени, - пел Алин, ощущая, как здравомыслие покидает его.

Он боролся с желанием бессвязно бормотать, но не из-за страха быть услышанным могучими зверями, а только потому, что это прервало бы песнь.

- Значит, ты не будешь возражать, если я перекушу прячущимся наверху бардиком? – предположил Калаг.

- Вообще-то буду, - разубедила его Рила.

Калаг бросил на неё взгляд, полный того, что можно было бы назвать драконьей ревностью; если бы Алин сохранил рассудок, он бы съёжился от ужаса – а так лишь усмехнулся.

Рила выдержала взгляд и продолжила:

- Я предлагаю новую игру – такую, где мы с тобой охотники, он - жертва, и у него есть фора.

Уши Алина дёрнулись, а по спине разлилась волна ужаса. Но его растрескавшийся разум даже не понял угрозы. Нет, он был слишком занят, подыскивая слова под искажённую безумием музыку.

- Проявление милости? От тебя, Рилатар? – улыбнулся её партнёр. – Что ж, замечательно. А фора большая?

- Думаю, пяти лет вполне достаточно, - ответила она. – Драконы живут долго; для нас это лишь мимолётный летний день, для него же – целая вечность страха.

- Должно быть, это очень особенный бардик, заслужить такое обращение...

Рила фыркнула, запустив сгусток пламени, который расплавил сталактит.

- Если так хочешь знать, - объяснила дракониха, - это потому, что он сочиняет красивую балладу. Так у него будет время её закончить.

- И правит всем миром королева охотничьих игр! – пел обезумевший бард, с улыбкой поднимаясь на ноги.

Затем раздался самый страшный из звуков, который он когда-либо слышал – и который будет слышать всегда, убегая – рокочущий, грохочущий, мрачный и насмешливый.

Драконий хохот.

ДОРОГА ДОМОЙ

Харли Стро

21го Марпенота, Год Щита (1367 ЛД)

- Никчёмная шайка головорезов, разбойников и жулья, - плюнул дворф, забравшись на обшарпанный дубовый стол. Его жёсткий взгляд изучал измученные войной лица посетителей таверны. – Кто из вас утоляет жажду кровью, а голод – битвой? Кто, во имя сущего Морадина, почти не боится смерти?

- Банда Химер! – триумфально проревел он, отвечая самому себе. – Самые удалые шельмецы, когда-либо игравшие в кости с Богами Войны!

Зал взорвался криками, сбившими пыль с потолка. В воздух взметнулись кувшины, а обнажённые клинки заблестели в дымном свете масляных ламп. Уже три недели Банда Химер обреталась в гостинице «Семь Сребреников», запугав местных до такой степени, что никто больше не осмеливался заходить в двойные двери заведения. Нанятые охранять сембийскую станцию и тридцать километров Рассветного пути наёмники принесли больше вреда, чем любые из разбойников на памяти жителей.

- Присоединяйся к нам, уроженка драконьего племени! – Томбли ткнул мозолистым пальцем в длинноногую варварку, сидящую у открытого окна. – Или женщины с Севера такие же холодные, как и тамошние зимы?

Укутанная в выдубленные меха и промасленную накидку из кожи тюленя, Саския оставалась неподвластна морозному воздуху, заставившему её товарищей сгрудиться у потрескивающего камина. Со своей бледной кожей и хрустально-голубыми глазами она и сама могла бы показаться искусно вырезанной изо льда – если бы не её волосы цвета вороного крыла, доходившие до середины спины. Единственный её спутник – меч в зарубках – покоился на плече. Она оглядела толстопузую компанию с красными от выпивки носами.

- Придержите свои тосты, - сказала она. – Я пью только с воинами.

- Если уж прижимистые лорды Сембии решили платить нашей банде за то, чтобы мы присматривали за крысиными сворами их крепостных, то, я вам скажу, пускай платят! – Томбли прыгнул со своего пьедестала. – Мы заслужили наше жалованье, и ни одна Химера при этом не пала.

- Это бездействие убивает нас.

Дворф слегка вытащил из ножен на поясе украшенный драгоценными камнями кинжал, символ его присяги Аббатору, дворфскому богу жадности и алчности.

- Как капитан этой группы, я приказываю тебе выпить.

Варварка обхватила руками свой меч-бастард и надвинула капюшон накидки пониже на лицо.

Зарывав, Томбли вытащил из огня полено, затем, широко распахнув ногой дверь таверны, швырнул его в темноту. Вращаясь, оно со всполохом упало посреди дороги.

Капитан с грохотом поставил на стол перед Саскией флягу, потребовав:

- Пей или дерись.

Ледяной порыв пронёсся через комнату; глаза непокорной варварки сверкнули под краем капюшона. Гости заведения зашлись криками и свистом, когда она оттолкнула посудину.

Саския медленно поднялась и потянулась по-кошачьи; на её губах играла зловещая улыбка. Уже всю делались ставки, сальные монеты переходили из рук в руки. К тому времени, как варварка скинула накидку и закатала рукава, каждый воин,

достаточно трезвый, чтобы держаться на ногах, вывалился наружу. Отложив меч, Саския тоже вышла на улицу под пьяные крики и бурные аплодисменты.

Жгучая боль пронзила заднюю часть бедра. Застигнутая врасплох варварка упала на колени – в ногу её глубоко застрял боевой дротик. Силуэт Томбли застыл в дверях, готовясь бросить ещё один снаряд.

- Благоустроенность сделала тебя медленной, - рассмеялся он. – Полгода назад попасть в тебя было бы невозможно. А теперь надо постараться, чтобы промазать.

Выругавшись, Саския упала ничком. Этот снаряд со свистом пролетел мимо, но девушка оставалась уязвима и не имела возможности избежать остальных, которые неминуемо должны были последовать. Взмахнув рукой, варварка метнула горсть камней в сторону дворфа – жест отчаяния. Ничто не способно было сбить прицел тренированной руки лорда-дворфа.

Смех Томбли резко прервался, когда брошенный гравий взорвался вспышкой озарившего ночь света, ударившись о его грудь. Оглушённый на секунду дворф попятился назад. Саския была удивлена не меньше него, но часы, проведённые в охоте на зверей в дикой тундре, научили её пользоваться любой возможностью, неважно, насколько невероятной. Её глаза застлало красным, с тигриным рыком она прыгнула на Томбли. Пара завалилась обратно в таверну, где Саския продолжила осыпать яростными ударами лицо дворфа.

Понадобилось полдюжины Химер, чтобы оторвать её от обидчика. Томбли медленно сел; его лицо превратилось в кровавое месиво.

- Держите её, - прошлёпал он распухшими губами, затем вырвал кружку с элем из рук ближайшей Химеры и, шатаясь, пошёл вперёд, пока не навис над скрученной варваркой. Его борода уже пропиталась кровью, а с сурового лица не сходила гримаса боли.

- За Банду Химер! – выкрикнул Томбли, высоко подняв кружку. Банда вторила ему угрюмыми бормотаниями. Схватив волосы Саскии в кулак, он вылил содержимое на неё. – За Банду Химер. Голов много, цель одна.

- Лежи смирно, - приказал Грюммонд, смазанными жиром руками выковыривая наконечник дротика из ноги девушки. Хирургом банды был полуорк со сплюснутым носом, повидавший единственным своим глазом больше сражений, чем вся остальная шайка, вместе взятая.

- Дратья с капитаном, - Грюммонд хмыкнул. Прижав руки по бокам от раны, полуорк навалился на ногу и вцепился зубами в кончик снаряда. Затем рывком головы вытащил его и выплюнул на пол. – Ты была пьяна или просто глупа?

- Дворф слишком высокого о себе мнения, - защищалась Саския, - и он заставляет вас всех бояться его.

- Томбли – боевой заклинатель Аббатора. Сплошная ходячая неприятность, - целитель вылил на рваную рану какой-то сироп ржавого цвета, хлопнув затем по бедру. – Его отец – изгой Кланов Расщелины, а мать – двергарская принцесса. Ни один

дом не примет полу-серого бастарда. И Томбли изливает свою боль на мир всю свою жизнь.

- Если он такой могучий жрец, почему лечением занимаешься ты?

- Не каждый жрец может лечить, - покачал головой Грюммонд, следя целым глазом за дверью. – Но если ты так ненавидишь его, почему остаешься с Химерами?

Саския пожала плечами.

- Волку нужна стая, утгардцу – племя. Таков порядок вещей.

Хирург внимательно изучал девушку. Он знал много варваров, но Саския чем-то от них отличалась. Редко проявляемая радость северянки не шла ни в какое сравнение с её безучастностью. Она не дралась с горечью, как Томбли, или из жадности, как остальные члены банды. Нет, вместо этого будто жадный до битв червь свернулся в её животе, передавая ей свой голод, который невозможно было утолить никакими сражениями. Единственный вызов, достойный её внимания, был бы тот, в котором она погибает. Всё остальное заслуживало лишь презрения и насмешательств.

Грюммонд отвернулся, убирая мази и масла, и спросил:

- Так как, говоришь, ты провернула то колдовство?

- Ты о чём?

- Бум! Вспышка! – засмеялся целитель. – Потерял пару золотых из-за твоего маленького трюка.

- Не понимаю, о чём ты говоришь, - прорычала Саския, а в её глазах блеснуло что-то древнее и жестокое.

- Ладно, ладно, - шутливо вскинул руки Грюммонд. – Не хотел сказать ничего такого. Ты же знаешь, кто твои друзья.

В общем зале раздался крик.

- Кровь Груумша! – ругнулся полуорк. – Что там ещё?

В комнату ввалился Томбли, ткнув большим пальцем в варварку:

- Поднимайся и натяни что попримечнее. Мне нужны твои глаза.

На путевую станцию прибыла группа звероловов. Банда собралась поприветствовать их, столпившись вокруг прибывших и их тяжёлой железной клетки. К тому моменту как Саския дохромала до двери, Томбли уже вовсю препирался со смуглым калишитом, пытаясь сбить цену уговорами и угрозами.

Доспехи торговца были разодраны в нескольких местах, а вся нога была обмотана бинтами. Что бы ни находилось сейчас в клетке, оно устроило охотникам хорошую взбучку.

Саския протиснулась через толпу и остановилась.

Звероловы поймали дракона.

Северянка видела изображения существ и раньше. Она встречала подобия великих змеев, выведенные чернилами на скоблёной коже, вырезанные из кости и дерева, отлитые в золоте и серебре, нарисованные на стенах пещер. Но у этого миниатюрного, не больше кошки, дракончика имелось кое-что, чего не хватало всем виденным ею прежде творениям. Это создание было потрясающе красивым, словно необычный меч, наточенный до остроты бритвы.

Длинные линии мышц-жгутов напрягались и переплетались под глянцевыми чешуйками винного цвета. Пара острых рожек закручивалась над тёмными, отливающими фиолетовым глазами, обрамляя массивную челюсть с тонкими как

иголки зубками. Нежные крылья тревожно бились в узком пространстве клетки, а тело заканчивалось извивающими хвостом с одним костяным шипом.

- Во имя Девяти Адов, что это? – прошептал Томбли откуда-то из-под локтя варварки.

Саския попыталась перевести утгартское слово на Общий, но лучшим результатом её усилий стало грубоватое «псевдодракон».

- «Как-бы-дракон»? – фыркнул дворф, развернулся к калишиту и рявкнул: - Ах ты лживый сын джинна! Сто золотых левов и ни фальконом больше!

Томбли и зверолов снова принялись рьяно торговаться, а Саския тем временем встала на колени перед клеткой. Глаза-бриллианты рептилии казались безвременными, абсолютно безразличными к суете людей. Их род правил задолго до засилья городов и ферм, и будет существовать ещё долгое время после того, как последняя из магических башен рассыплется пылью.

«Освободи меня, сестра».

Девушка вздрогнула. Она не слышала утгартской речи с тех пор, как сбежала из дома. Дракон нетерпеливо зашипел. Снова в её мозгу возникли слова:

«Освободи меня!»

Когда Саския была ещё ребёнком, её часто тревожили сны, в которых целые стаи огромных змеев заполняли небеса. Что хуже, эти сны преобразовывались в чудеса, происходившие в мире реальном. Если это были кошмары, то на северном небе начинали плясать огни, стражи доносили о сигнальных кострах, горящих синим и красным, а ржавые клинки становились как новенькие. Старейший шаман племени, напуганный тем, что не мог объяснить, объявил её видения дурными предзнаменованиями и сделал всё, что было в его силах, чтобы «очистить» её от порчи. Но все ритуалы и церемонии провалились, и в конце концов девушку заклеямили ведьмой – проклятой способностями, которые она не могла контролировать.

«Освободи меня!»

- Нет, - яростно прошептала на утгартском Саския, чьи глаза сузились до тонких льдинок. – Я наполняла ваши сокровищницы целыми состояниями, отдала душу твоему тотему, а тело возложила на алтарь в твою честь. – Она сплюнула на землю. – Твой род отверг меня.

Прежде чем варварка успела встать, длинный хвост дракона выстрелил промеж прутьев решётки. Единственный удар был ласковым, будто поцелуй любовника – и оставил алую дугу на щеке девушки.

Северянка повалилась назад; кровь заполыхала, когда яд дракона начал разливаться по венам. Вес её собственного тела давил на неё, словно мокрая шерстяная шуба. Её голова слегка запрокинулась, а пальцы онемели. И когда небо потемнело, её слух наполнил гром барабанов.

Снова непрошенный голос пробрался в её мысли.

«Мы вас не отвергали. Вы нас отвергли».

Саския спала, и во сне вспоминала.

Она стояла на крутом склоне по колено в движущемся снегу. Перед ней возвышалась цепь гранитных пиков, возносившихся до небес.

Хребет Мира.

За её спиной горы пропадали в клубящихся облаках снега и мельчайших крупинок льда. Неустанный ветер будто молотом избивал её тело, грозя сдёрнуть с вершины и столкнуть с бурлящую белую бездну. Щеки почернели от холода, пальцы на всех конечностях онемели, а глаза жгло из-за всех тех дней, когда она не видела ничего, кроме бескрайних белых просторов.

Руками и ногами выкапывая выбоины в склоне, Саския продолжала карабкаться.

Десять дней назад старейшины деревни поставили её перед выбором: навсегда покинуть племя или же пройти Испытание Дракона. Саския выбрала испытание – в одиночку, без оружия или припасов преодолеть пустоши на пути к Утгархайсу, одинокой горе, венчающей Хребет. Там, на вершине сущего, её встретит и будет судить духовный тотем племени.

В первые дни испытания Утгар проявил благосклонность, направив в её сторону кучку спотыкающихся и пыхтящих гоблинов. Устроить засаду на их разведчиков оказалось довольно несложно. Завладев гоблинским топором, варварка смогла убить снежного карибу, сняв с него шкуру для тепла и накопив мяса в дорогу. Добравшись до основания Утгархайса, она отдыхала в течение одного дня, начав восхождение по каменистой южной стене на следующий.

Это было два дня назад.

Она не спала с начала подъёма. Шкура карибу на ней затвердела на морозе, а запасы вяленого мяса начали таять. И всё же она продолжала, преодолевая одну покрытую льдом гряду за другой. Сдаться означало признать, что она ведьма, с гнилой душой, поддавшейся злу и жестокости. Саския знала, что это не так, и встреча с духом-старейшиной докажет её правоту.

На третий день она забралась на тонкий каменный шпиль, венчавший Утгархайс. В полузабытьи от усталости и триумфа, варварка заползла под укрытие обвалившейся каменной пирамиды и свалилась, не в силах увидеть, ждал ли её Дух.

Из сна её вырвал вой тысячи голодных волков. Сев, Саския посмотрела на север. Тёмный шторм катился к ней, скользя по небу чёрной лавиной. Летящие ледяные осколки секли ей щёки; день превратился в ночь.

Первые же порывы разметали её жалкое убежище. Прокричав боевой клич, Саския высоко подняла топор и вонзила в каменистую землю. Держась из последних сил, она молила Великого Змея о пощаде.

Варварка думала, что пережила Испытание Великого Змея.

Но оно даже не началось.

Восемь дней спустя Саския добрела до своего селения – с холодом в теле и пустотой в душе. Великий Змей не явился. Целыми днями она спала, то выныривая, то снова проваливаясь в лихорадочное забвение, от которого кожа её становилась горячей на ощупь. Когда жар стих, шаман племени пришёл к ней в юрту, рассказать про конец Великого Змея. Дух-Старейшина был убит группой злодеев два дня спустя после начала её миссии. Они выпотрошили его логово, сняли шкуру, будто дикари, и увезли всё драконье богатство на спинах ослов и рабов.

Испытание оказалось бесполезным. Её истовые молитвы, словно детские желания, загаданные при виде падающей звезды, остались неслышанными.

Следующим же утром Саския ушла на юг, поклявшись никогда не возвращаться.

Варварка растянулась на земле; её длинные конечности ныли от бездействия. Скоро рассвет, но сон так и не шёл к девушке. На его месте расположилась беспокойная истощённость, характерная для людских городов. Из всех проклятий, известных цивилизации, это было наихудшим: жить в полусне во время бодрствования и наполовину бодрствовать во время сна.

Вернулись видения Саскии – кошмары об огромных золотых драконах, закрывающих солнце ослепительными крыльями, о тварях с шёлково-гладкой чешуёй цвета сажи и о белых драконах, гонящих перед собой дыхание зимы. Чудовища сплошным потоком лились из северных земель, словно крылатая чума, штурмующая стены городов и оставляя разруху на своём пути.

И в каждом сне, в определённый момент, самый большой и старый дракон с пятнистыми от возраста чешуйками и затуманенными глазами, тлеющими словно угли гаснущего костра, манил её когтем, и три слова громом раздавались в её голове: «Присоединяйся к нам».

Даже воспоминания об этом оказалось достаточно, чтобы варварка вздрогнула. «Да, подумала она. – Сон может подождать».

Саския резко выдохнула, тоскливо уставившись в ночное небо. Во время охоты с отцом она научилась следить за движением звёзд на небосклоне, но уже многие недели она не замечала изменений Селуны. Она пришла на юг, надеясь оторваться от своего проклятия, но в итоге всё, что она потеряла, оказалось тем, что она больше всего ценила. Северянка знала, что больше не может оставаться с Химерами, но куда ещё податься изгнанному собственным народом?

Звон металла разбил хрупкую ночную тишь. Саския поднялась и отправилась к источнику приглушённого звука.

Томбли явился в конюшню, и теперь вёл одностороннее сражение с пленённым псевдодраконом. Он осыпал прутья решётки ударами боевой дубины, наполняя ночь пьяным гогогом.

- Пляши, могучий вирм! – требовал он. – Отрабатывай еду!

Шипастый хвост змею отрезали на следующий же день после атаки на Саскию; существо осталось беззащитным перед жестокостью дворфа.

Варварка неслышно скользнула в тёмные тени стойла.

Капитан снял с пояса кольцо с ключом, звеня им вне досягаемости пленного создания.

- Давай, милашка, покажи, как ты злишься.

- Нет? – через некоторое время разочарованно протянул Томбли. Прицепить связку обратно у него не получилось, поэтому он отложил ключ в сторону и заменил дубину на свой кинжал. – Бесполезная ящерица. Лучше тогда продать тебя магам на органы, а из шкуры сшить себе сапоги.

Варварка вышла из тени, обрушив на Томбли оба кулака с такой силой, что свалила бы и быка. Дворф отшатнулся на два шага назад, затем вслепую полоснул своим клинком, прорезав слабо вспыхнувшую зелёную линию в воздухе. Грюммонд предупреждал женщину об опасном оружии предводителя банды – отравленном дирке, выделяющем яд – но та и не думала, что такое возможно.

Дворф оправился и с рёвом бросился на девушку. Саския подобрала с земли дубину и разбила её об голову капитана. Томбли упал на колени, но поднялся, а в его безжалостных чёрных глазах пылала ярость.

Саския слегка присела, готовясь к следующему броску.

Прорывав молитву, Томбли вытащил из мешка короткий железный жезл и ткнул кинжалом в небо. Ответом ему стал оглушительный треск, сотрясший воздух. Варварка упала на землю; каждую мышцу её сводило болезненной судорогой.

- Вздумала сражаться со мной, варвар? – плюнул дворф полным крови ртом. – Ты такая же, как и твой змеёныш – жалкие щенки, без зубов и сноровки.

Псевдодракон наконец зашевелился, начав бросаться на решётки с яростью настоящего дракона. Клетка опрокинулась наземь, но крепкие прутья выдержали.

- Бесись, сколько хочешь, ящерка, - хмыкнул Томбли. – Это зачарованное калёное железо, и даже лучшие взломщики Сембии дважды подумают, прежде чем подступиться к замку.

Саския тщетно пыталась сбросить заклятье боевого жреца. Томбли заметил отчаяние в её голубых глазах и не преминул начать издевательства:

- Неприятное заклинание, да? Никто никогда не забывает свой первый раз. Мне нравится следом за ним применять то, что я называю «цветением Аббататора», - дворф что-то прошептал и коснулся кончиком кинжала кожи на шее варварки. Разряд прошёл через всё её тело, оставляя голубые линии в венах, заставляя их пульсировать - один раз, другой – а затем начать биться об кожу.

Девушка хотела кричать, но челюсти её были плотно сжаты. Терзаемая собственной беспомощностью, она могла только неразборчиво мычать. Слёзы смешивались с текущей по лицу кровью.

- Ты боишься боли.

Она чувствовала разгорячённое дыхание дворфа на своих губах.

- Не обязательно говорить вслух, - прошептал он. – Я и сам это вижу, в твоих глазах.

Благородная ярость поднялась в гордом сердце Саскии. Да что этот злобный жирдяй знает о боли? Боль научила её народ, что значит быть живым. Боль была единственной постоянной величиной в жизни утгартского воина, с рождения и до смерти. Нет, она боялась не боли, а столь жалкого конца - быть зарезанной жрецом с юга, словно какая-то свинья.

- Смотри внимательно, дракон. Долгие годы прошли с тех пор, как я последний раз с таким наслаждением свеживал женщину заживо.

Угрозы Томбли никто не услышал. Наполнившись презрением к себе, варварка стала недостижима для его мозолистых, толстых пальцев. Саския пришла на юг в поисках спасения, но, как и дракон, оказалась в клетке. Хуже всего то, что клетку создала она сама, и в ней же и умрёт.

«Освободи меня!»

Душа северянки вспылала. Ярость в одно мгновение затмила и стёрла годы злости и отрицания. Девушка приказывала вселенной, и та спешила повиноваться.

Ключ оторвался от земли, словно поднятый невидимой рукой.

Аккуратно, но неотвратно, он подплыл к замочной скважине и мягко в ней повернулся. Томбли оглянулся, наморщив лоб в недоумении – как раз вовремя, чтобы увидеть, как дверь решётки широко распахнулась.

Змей взорвался движением, превращая дни и ночи мучений в водоворот когтей и клыков. Томбли размахивал кинжалом туда-сюда, но всё без толку. Дракон крутился вокруг дворфа изменчивым вихрем из лезвий, кромсая капитана банды, словно мясник – кусок ветчины.

Вскричав от ужаса, Томбли закрыл потрёпанное лицо ладонями и бросился к выходу из конюшен. Псевдодракон хлестнул обрубком хвоста, зацепив тяжёлый сапог дворфа, отчего тот повалился в гнилое сено. Задыхаясь и подвывая, он с трудом поднялся на четвереньки и уполз из стойла во тьму.

Змей пристроился на бедре варварки, брезгливо слизывая кровь с когтей. Дюйм за болезненным дюймом, мышцы Саскии начали расслабляться, и вскоре она уже была способна стоять.

«Приветствую, госпожа. Я Вирм Аэристакс, бесспорный наследник могучего Акилскилса, Вирма Сущего».

- Ведьма... - обронила Саския со смесью отчаяния и отвращения в голосе. – Я – ведьма.

«Ведьма, волшебница, кудесница, колдунья, чародейка... тысячи слов у каждого из тысяч племён. Можешь отрицать Благословение сколько угодно, но скоро у нас будут проблемы понасущее»

Дракон рассмотрел когти.

«Ну правда, вы, южные женщины, слишком много думаете. Просто удивительно, что у вас остаётся время на жизнь».

Саския хотела уже поправить дракона, но передумала. Может, она и ведьма, но что с того? Если она не найдёт какое-нибудь оружие, и быстро, то станет мёртвой ведьмой. Банда Химер насчитывала сотни членов, и располагала союзниками и в сердце Сембии, и во всех Долинах. Девушка широко улыбнулась мыслям о сражении с целой компанией наёмников. Подобное мероприятие мог надеяться пережить лишь варвар.

У дальней стены конюшни нашлись два ящика с оружием и снаряжением – отбраковкой из запасов группы. Саския покопалась там, отбрасывая всё слабое и хрупкое, пока не выбрала крепкое короткое копьё и связку тяжёлых метательных ножей.

Аэристакс забрался к ней на плечо, тихо рыча.

Рождённый в горах подал сигнал тревоги.

Саския кивнула, и они вместе выскользнули наружу.

Рассвет быстро надвигался, деревня просыпалась под звуки хлыстов погонщиков. Северянка обрезала привязи двух лошадей в загоне, и, не тратя время на поиск седла или сбруи, нацепила на них только поводья. Она почти закончила, когда голос за спиной приказал ей остановиться.

Саския повернулась и на краю загона увидела Грюммонда. Облаченный в полированную кольчугу целитель держал кривой оркский лук. В землю у его ног были воткнуты с десятков стрел с чёрными древками.

- Ты едва не убила капитана, - сказал полуорк, выдернув стрелу и беря прицел. Дюжина Химер выстроилась шеренгой за ним. – Мы не можем тебя отпустить.

Варварка легко вскочила на спину одной из лошадей. Ответом на это стал резкий щелчок отпущенной тетивы. Аэристокс гневно зашипел на летящую к ним стрелу.

Саския махнула рукой так, как другая женщина отмахнулась бы, например, от мухи. Врождённое волшебство, сдерживаемое годами, бурлило в ней, управляя извивами Плетения. Стрела отскочила от невидимой стены и улетела в небо, длинной чёрной дугой перечеркнув восход.

Ведьма восторженно вскричала, высоко воздев копьё; её тело лучилось мощью. Химеры бросились в атаку, но внезапно остановились. Варварка испускала неземной голубой свет. Грюммонд, позабыв о своём луке, взмахом велел воинам вернуться.

Аэристокс коротко прошипел и поднялся в воздух. Саския с силой пришпорила скакуна, и обе лошади сорвались в галоп, следуя за драконом на север, к свободе.

На Таслдэйл мирно опустилась ночь. Аэристокс охотился, большими ленивыми кругами лавируя на последних воздушных потоках угасающего дня, а тем временем Саския разбивала лагерь на каменистой вершине нависшего над дереушкой Архитасл холма. Она скакала до тех пор, пока лошади могли двигаться, и теперь животные отдыхали, пощипывая скудную осеннюю траву. Окна деревеньки медленно загорались, когда матери загоняли детей домой, а фермеры возвращались с полей.

Наблюдая за безмятежным спокойствием, ведьма поняла, почему драконы разорвали эти земли. Как и отдельным живым существам, целым цивилизациям суждено рождаться и умирать. А созревшие плоды нужно собирать.

Но мечты о завоеваниях могли подождать до завтра.

Девушка встала на колени перед кучей веток и дров. От единственного слова возник огонь, дерево затрещало и задвигалось, когда простое пламя начало разгораться; сладко пахнущий дым вился в прохладе ночного воздуха. Саския согрелась и начала выстрегивать из ветки вертел, ожидая возвращения Аэриса с ужином.

Над ней ярко сияли Пять Странников, подмигивая на своём хаотичном небесном пути. Саския оторвала взгляд от костра и посмотрела на них, оценивая пройденный путь.

КАК БУРЛМАРР СПАС НЕЗРИМОГО ЗАЩИТНИКА

Кэмерон М. Франклин

Уктар, Год Перчатки (1369 ЛД)

Скорее всего это последний караван из тех, что успеют добраться до Леилона до того, как зима засыплет снегом проходы гор Меча. Бурлмарр парил над составленными кругом фургонами, слушая, как рассеявшиеся вокруг костра гномы обсуждают погоду. Ну, или по крайней мере он представлял, что путешественники обсуждают именно это. На самом деле он не мог слышать их голосов, но видел, как шевелятся губы, и знал, какое сейчас время года, поэтому тема их разговоров казалась вполне логичной.

Костёр почти прогорел до светящихся углей, когда торговцы наконец разошлись. Одиноким гном подбросил ещё полено и присел, чтобы раздуть пламя несколькими сильными выдохами. Затем поднялся, потянулся и пару мгновений наблюдал за ночным небом, прежде чем горошком укатиться к одной из повозок и достать арбалет. Зарядив его, страж начал обходить кольцо фургонов по периметру, поглядывая на скрытую в тенях каменистую местность за его пределами.

Бурлмарр тоже кружил, без усталости летая над лагерем туда и обратно. В горах было далеко не безопасно. Разбойники-орки или другие рыщущие монстры часто приходили с севера через перевалы, выискивая всё, что могло бы предоставить достаточно пропитания для того, чтобы продержаться грядущие суровые месяцы. Караван станет слишком лакомой целью.

Внимание Бурлмарра привлекло движение в тенях на горном склоне к северу от стоянки. Изучая местность глазами, способными видеть на расстоянии дальше трёхсот метров, он легко нашёл источник шевеления в полутора сотнях от него. Своим чёрно-белым зрением, которому нипочём была нехватка света, он увидел боевой отряд орков, подбирающийся к спящим гномам. Подумав, Бурлмарр скользнул оркам навстречу, желая рассмотреть их получше.

Подлетев поближе, он насчитал около пятидесяти существ, крадущихся между камнями и осколками скал, рассыпанными повсюду на этой стороне прохода. Они были облачены в сборную броню из жёсткой кожи и металлических пластин; одни носили грубые шлемы, прикрывающие их свиные головы, у других же на голове располагалась только грязная масса серых косичек. Но даже несмотря на плохое вооружение, их все равно было более чем достаточно, чтобы захватить караван – но слишком мало, чтобы стать проблемой для Бурлмарра. Наверно было бы лучше разобраться с бандитами подальше от стоянки гномов, осталось только определиться с тактикой. Но в этот момент он заметил замыкающего отряд холмового великана.

Гигант возвышался на целых три метра, но был бы ещё минимум на пятнадцать сантиметров выше, если бы не сутулился настолько, что его толстые мощные руки свисали ниже колен. Великан носил одеяние из сшитых шкур, некоторые даже до сих

пор с шерстью. Спускаясь с горы, громила одной рукой подбирал булыжники, складывая их на сгибе другой.

Хотя Бурлмарр и был силён, находиться сразу везде он не мог. Орки растянулись слишком длинной цепью, чтобы он смог уничтожить их одним заходом, а нужно было ещё остановить великана до того, как он приблизится к ничего не подозревающим торговцам настолько, что сможет добросить камни.

Сначала материализовались передние лапы. Затем короткая морда, покрытая чешуёй и вибриссами бледно-белого и насыщенно-золотого цвета, поверх которой он теперь рассматривал орков. Широко раскрыв пасть, он изверг огненный конус прямо в середину боевого отряда. Вечно голодное пламя смело задние ряды чудищ и направилось к холмовому великану, пожирая и того. Бурлмарр развернулся встретить оставшихся врагов – только чтобы увидеть, как те сломя голову спускаются с горы и бегут к лагерю. Он обругал себя за свою глупость. Конечно же выжившие запаниковали и убежали, стоило ему только возникнуть прямо в центре их скопления. Нужно было действовать быстро – иначе орки доберутся до гномов в считанные секунды.

Бурлмарр вытянул правую лапу и проревел:

- Свент троден гикс мирт краксис!

Яркая электрическая дуга сорвалась с когтя и ударила ближайшего орка, затем перескочила на следующего, и на следующего, и ещё на одного – и так прыгала до тех пор, пока все двадцать или около того налётчиков не остались бездвижно лежать на склоне с дымящимися чёрными дырами в телах. Гномы были в безопасности.

Но сам Бурлмарр рыдал, растворяясь в черноте ночи.

- Мама!

Бурлмарр едва успел выкрикнуть слово, прежде чем его снова вырвало, хотя в этот раз он успел перегнуться через край кровати достаточно далеко, чтобы остатки содержимого его желудка выплеснулись на пол, а не на простыни. Ослабевший, с кружащейся головой, он покачнулся и едва не выпал из кровати, но его мать появилась как раз вовремя, поймав и уложив на подушку.

- Бедный мой мальчик, только взгляните!

- Прости, мама. Я не хотел ничего запачкать. Просто голова болит так сильно...

- Снова снился один из тех снов?

Бурлмарр слабо кивнул, надеясь, что пульсирующая боль не усилится. Уже третью ночь ему снился этот сон, каждый раз слегка отличаясь. Чаще всего другим местом действия, хотя один раз он только слушал, а не наблюдал. Но он знал, что каждый раз сон был один и тот же, потому что в каждом сновидении он становился драконом. И был уверен, что одним и тем же драконом.

И всегда были гномы. Гномы из деревни. Гномы, которых он знал.

- Так, оставлять тебя спать в грязном белье мы не будем, - сказала его мать.

Она помогла ему подняться и довела до камина, где усадила на пол. Обернув сына одеялом, она собрала простыню и протёрла ею пол. Тем временем веки Бурлмарра

начали опускаться, он улёгся перед тлеющими углями очага и заснул ещё до того, как его мать застелила постель чистым бельём.

Караван прибыл в Леилон как раз перед ужином. Разгрузив привезённую руду и купив припасов на зиму для деревни, гномы отправились в «Рыцарский Кубок» перекусить перед сном. Таверна, кормившая путников, была известна своим жареным вепрем, подаваемым с толстыми кусками орехового хлеба. В общем зале, где за столом сидели и ужинали гномы-торговцы, было тихо. В это время года торговля замирала. Большинство компаний переставало посылать обозы через перевалы, боясь, что товары попадут в горную бурю.

- Да говорю вам, ночью наверху что-то происходило, - настаивал один из гномов, набив ртом кабаниной и хлебом. – Огонь и молнии повсюду!

- Ты прекратишь уже, нет? – пожаловался другой караванщик. – Это просто гроза была.

- Какая гроза, в небе ни облачка не было! – возразил первый. – Кроме того, я видел его.

- Кого?

- Ну знаешь, Незримого Защитника.

Весь стол смолк, когда каждый из сидевших перестал жевать и уставился на рассказчика. Затем все они хрипло расхохотались.

- Это всего лишь сказка для детей, рассказываемая у костра деревенскими старейшинами.

- Я точно его видел, - оправдывался покрасневший гном. – Величавый золотой дракон, как в тех историях.

- Если это был Незримый Защитник, - выдавил ещё один его спутник между приступами смеха, - то как же ты его тогда увидел?

Компания захлопала по столу, снова залившись смехом. Оставшийся без поддержки гном поднялся со смесью ярости и смущения на лице, и ушёл.

Дайкон тоже услышал достаточно. На своём месте за ближайшим столиком, сидя спиной ко гномам, он выглядел просто ещё одним посетителем, но мог подслушать всю беседу, не привлекая к себе внимания. Пора было отчитаться о своём успехе.

Плотно завернувшись в плащ с капюшоном, Дайкон покинул тепло и свет общего зала таверны и вышел на тёмную улицу, выдыхая белые облачка в холодный ночной воздух. Впереди ждала бодрящая прогулка к лагерю в холмах, где в ожидании расположились его люди. Мысли о могуществе согревали. Тайный Архимаг не обещал чего-то конкретного, но у Дайкона было достаточно амбиций, чтобы самому заполнить пробелы.

Возникнув из теней, окружающих лагерь по периметру, он кивнул телохранителям. Его помощник спал под телегой, на которой они привезли плату за помощь холмового великана. «Надо будет забрать гонорар обратно до того, как на него наткнутся какие-нибудь грабители, иначе Архимаг не будет доволен», - подумал Дайкон и сделал мысленную пометку пока об этом не упоминать.

Пошарив в рюкзаке на повозке, Дайкон достал кусок серого камня. Свернулся в углу, держа предмет в ладонях. Глубоко и спокойно вздохнув, мужчина закрыл глаза и представил хрупкого морщинистого старика, чью спину согнул возраст.

«Это Дайкон. Силы холмового великана атаковали караван и были уничтожены тем, кого гномы называют „Незримый Защитник“. Вы были правы».

«Разумеется я был прав, - пришёл грубый ответ. – А теперь прекращай тратить моё время. Не желаю больше слышать тебя, до тех пор, пока не раскроешь личность Защитника».

Дайкон очистил разум и держал его в таком виде, пока не вернул камень на место. Осторожность не повредит. Только когда артефакт оказался надёжно запрятан, Дайкин снова задумался, почему Тайный Архимаг отправил именно его на это задание. Что здесь крылось такого важного, что даже ближайшим помощникам нельзя было это доверить? Почему связались с ним, призвали из Морской Башни посреди ночи, затем, как только он согласился, телепортировали в городишко Леилон?

Ходили слухи, что Арклем Грит готовится уйти на покой, и скоро назовут имя его преемника. Может быть это задание служило проверкой его верности и способностей. Не то чтобы Дайкон рассчитывал, что его сделают Архимагом так быстро, но какие-то подвижки точно будут, когда новый Тайный Архимаг станет известен.

Самодовольно ухмыльнувшись, Дайкон спрыгнул с повозки и пнул помощника. Пришла пора планирования.

Гномы проснулись рано, быстро позавтракали и покинули Леилон до того, как обитатели начали хотя бы шевелиться. На замену веселью прошлой ночи пришла обстановка ожидания и срочности. Всем не терпелось вернуться домой.

Пока цепь повозок вползала на горную тропу, золотые лучи утреннего солнца на снежных шапках гор поддерживали всеобщее лёгкое настроение. Они остановились на обед недалеко от того места, где провели последнюю ночь на пути в Леилон. Ничьих обугленных останков на склоне не обнаружилось. Кто-то из караванщиков предположил, что Незримый Защитник, должно быть, лично убрал все тела – и засмеялся даже тот гном, который клялся, что видел битву.

Смех превратился в хрипы, кровь хлынула из его рта, когда арбалетный болт пробил ему горло. Ещё один снаряд погрузился в грудь гнома напротив, вслед за которым разноцветная вспышка поразила и третьего, слева.

Оставшийся в живых торговец бросился к своей повозке, отчаянно желая, чтобы Незримый Защитник оказался настоящим и внезапно появился бы прямо сейчас. Нырнув под фургон, он свернулся калачиком рядом с колесом, трясаясь от страха.

- Выходи, дружок, - позвал голос, чьего обладателя нигде не было видно. – Мы хотим поговорить.

Гном не пошевелился, но его взгляд метался туда-сюда, пытаясь определить источник слов. Он звучал очень знакомо, но торговец никак не мог его узнать. Если он принадлежал другу, нужно было предупредить о засаде.

- Найди укрытие, - позвал он. – Мы попали в засаду. Они... они убили остальных. Они всё ещё могут быть где-то рядом.
- Мы о них позаботились, не о чём беспокоиться. Выходи.
- Хорошо, - отозвался гном, выползая из-под воза. – Я выхожу.

Охранник Дайкона бросил тело последнего гнома к остальным, выровнял в линию и перевернул всех на спины. Сам Дайкон вернулся от оставленной телеги и помахал остальным, призывая собраться вокруг убитых.

- Теперь, когда у нас есть вся нужная информация для того чтобы добраться до Иеритимбула, а также имена и привычки большинства тамошних жителей, пора приступать к финальной стадии, которая позволит нам войти в деревню.

Открыв сумку, за которой он ходил к телеге, Дайкон вытащил серебряный кулон с кристаллом в центре. Бандит протянул его вперёд, и все остальные склонились поближе, чтобы рассмотреть. Камень оказался настолько чистым, что они видели свои отражения.

- У меня есть ещё три, - продолжал Дайкон. – Созданы Братством и предоставлены нам Тайным Архимагом, чтобы мы смогли закончить миссию. Тот, кто наденет амулет, примет облик первого существа, которого себе представит. Форма будет держаться до тех пор, пока не снимете.

- Когда я раздам их, то хочу, чтобы сначала вы сосредоточились на одном из этих, - он ткнул ближайшего мёртвого гнома. – Как только представите во всех деталях – надевайте.

Убедившись, что сообщники точно всё поняли, предводитель передал каждому по кулону, и указал, какую из жертв нужно изучить. Он позволил спутникам начать, желая удостовериться, что те всё сделают как надо. Все какое-то время постояли над убитыми, прежде чем медленно затянуть амулеты на шеях. Как только они это сделали, их фигуры размылись и уменьшались до тех пор, пока не стали в точности похожи на гномов, лежащих у них в ногах. Дождавшись превращения его ассистента, Дайкон надел последний из магических предметов.

- Так, здесь, значит, закончили, - сказал он, указав на тела. – Скиньте их в ущелье или ещё куда, чтобы не нашли, и нашу телегу туда же. Потом загружаемся в их повозки и выдвигаемся. До деревни ещё несколько дней пути.

Бурлмарр сидел на стуле, сгорбившись над крутящимся точильным камнем. Он прижал к инструменту необработанный кусок кварца, чтобы очистить и придать простую форму, на которой один из учеников постарше практиковал показанные мастером Тинтагастом методы огранки. Затем ненадолго приостановился, давая Амбритинну, другому ученику, яростно давящему на педаль, крутившую диск, перевести дыхание и плеснуть на колесо воды. Через окна в дальней стене парень видел залитых ярким солнцем прохожих. Думать о работе было непросто.

«Уже скоро, в любой день караван вернётся из Леилона. Будет ли всё готово к празднованию?»

- Я знаю, что я точно буду готов, - ответил Бурлмарр, приглядывая за стачиваемым куском кварца. – Я только надеюсь, что снова не заболею.

- Готов к чему? – спросил Амбритинн между вдохами.

- Ты же спросил, буду ли я готов к празднеству, которые старейшины готовят к возвращению торговцев.

- Я не спрашивал.

- Нет, спросил, я же слышал... - Бурлмарр, подняв взгляд, увидел нахмуренное лицо друга и изгиб его рта, который ясно давал понять, что Амбритинн не имеет ни малейшего понятия, о чём тот говорит. – А, неважно.

«Я собираюсь попросить Лиссу выйти за меня замуж. Я уже говорил с её отцом, и он согласился помочь построить нам дом, если я окончу своё обучение до следующего Гринграса».

- До Гринграсса? – Бурлмарр не мог скрыть недоверия в голосе. – Тебе не кажется, что это слишком рано, учитывая, что мы только начали наши занятия с мастером Тинтагастом прошлым летом? И потом, я думал тебе нравится Мари Блимталун?

- Да о чём ты говоришь?

- Ха-ха. Хорошая шутка, заставить меня подумать, что я слышу голоса только в голове. Не беспокойся, Мари я не расскажу.

- Не расскажешь что?

- Что тебе нравится Лисса Боавартар.

- Не нравится она мне, кто тебе сказал?

- Ты, только что.

- Я такого не говорил.

- Смешно было только в первый раз, Амбритинн, но шуточка устарела, - Бурлмарр выпрямился и потёр висок свободной рукой. – Голова начинает болеть, а я хочу успеть закончить с этим куском до ухода домой, так что работаем дальше.

- Хорошо, - помощник нахмурился, но снова занялся педалью.

«Халброндель, твоя коза опять добралась до моей капусты! С меня достаточно этой скотины. Я уже готова отвести её к мяснику, в качестве компенсации за ущерб!»

Голова юноши будто взорвалась, и комната завертелась, как детская юла. Скорчившись, он повалился на пол.

- Бурлмарр? Мастер Тинтагаст, Бурлмарру плохо!

Голос вроде бы принадлежал Амбритинну, но звучал издали, удаляясь всё дальше. Боль внутри черепа не ослабевала, и Бурлмарр потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит на койке, а рядом сидит жена Тинтагаста. Сам мастер выглядел из-за её плеча, остальные ученики столпились у него за спиной.

- Не вставай, - предупредила хозяйка, мягко укладывая юношу обратно, когда тот попытался встать. – Ты упал и сильно ударился. К счастью, твоя голова не уступает в твёрдости полу.

Со стороны собравшихся донеслось несколько смешков.

- Так, все возвращаемся в мастерскую, - потребовал мастер Тинтагаст. – Похоже, юный Бурлмарр будет жить. А ты, - тут он повернулся к пострадавшему, - почему бы тебе не пойти домой на сегодня?

Он тепло улыбнулся и кивнул, прежде чем вернуться к ученикам.

Убедив миссис Тинтагаст, что может стоять на ногах дольше нескольких секунд, Бурлмарр отправился домой. Он шёл медленно, останавливаясь посидеть, если чувствовал, что не хватает дыхания или кружится голова. Это давало ему время поразмыслить над произошедшим.

Приступы начались почти месяц назад, повторяясь всё чаще по мере того, как приближался сороковой день рождения. На мгновение он задумался, а не было ли это какое-то семейное проклятие или болезнь, но все родственники, о которых он вспоминал, прожили долгую и здоровую жизнь. На всякий случай он всё же решил спросить у матери.

Подходя к дому, Бурлмарр внезапно осознал, что он никогда не чувствовал себя плохо днём. Только ночью, после особенно отчётливых снов. Снов о драконе. О том, что *он* был драконом.

Паларандаск парил над деревенским лугом в своей полуматериальной, невидимой форме, сохранявшей его живым и активным в годы, которые даже драконы считают глубокими сумерками жизни. Частично это было результатом многочисленных экспериментов, которым он подвергался в заточении у нетерилского мага Милеиригата. Но даже столь могущественная магия начала давать сбои, и ему до сих пор не удалось воспроизвести комбинации чар, изменивших его – несмотря на его обширные познания в магической области и множество книг, которые он забрал с собой, когда Нетерильская Империя пала. Ему удавалось предпринимать некоторые временные меры, хотя по большей части они срабатывали лишь раз. Парочка даже обладала неожиданными побочными эффектами. Прекрасно зная, что любой день может оказаться последним, он продолжал добросовестно исполнять обязанности стража гномов Иеритимбула.

Караван торговцев только что прибыл, и жители собрались вокруг, помогая разгрузить провизию из Леилона. Дракон был рад тому, что все добрались в целости и сохранности, хотя и жалел, что не смог сопроводить их до дома. К сожалению, неких дворфов-агрессоров из Форджбара понадобилось убедить в том, что их намерения, касающиеся Иеритимбула и его шахт, являются не совсем приемлемыми. Дворфам понадобятся месяцы, чтобы оправиться и найти новый путь на поверхность.

К моменту его возвращения к обозу торговцам оставался лишь день пути. Поэтому Паларандаск вернулся полетать среди своих любимых детей, подслушивая их планы, их мечты, их споры. Мысли о том, что он играл значимую роль в их жизнях делали все жертвы осмысленными. Может быть, защита маленькой деревеньки и не являлась таким уж славным деянием, как защита Невервинтера в былые дни, но та близость, что он делил с гномами Иеритимбула, была более восполняющей. Дракон знал их имена, видел, как они взрослеют, оплакивал вместе с ними их потери и праздновал успехи.

Как раз праздниками и пирами он наслаждался больше всего. В такое время обычно молчаливые гномы открывались, показывая свой интерес к жизни, и Паларандаск купался в этой энергии, точно ящерица на камне в лучах полуденного солнца. По этой причине он так ждал празднество, запланированное на следующую ночь. Он подслушал планы старейшин. Это будет простой праздник, такой же как все остальные, которыми гномы отмечали возвращение последнего каравана, прежде чем снега завалят перевалы, но дракон все равно будет им наслаждаться. Там будет на что посмотреть.

Бурлмарр сидел на границе луга, наблюдая за танцорами, кружащимися вокруг потрескивающего костра в центре площадки для празднеств. Он чувствовал себя опьяневшим и возбуждённым, хотя и не попробовал ни капли эля, предоставленного мастером Бриммлохом для праздничного стола. Скорее всего просто болезнь. Он надеялся, что выдержит до конца вечеринки – весь прошлый день приступов не было – но видимо зря. Он опустил голову в ладони, в висках стучало. Похоже, пришло время идти домой.

Он поднялся, но внезапно увидел сразу всё поле сверху, как будто став птицей, летящей по ночному небу. Резка смена перспективы ошеломила юношу, и он повалился вперёд, успев сделать несколько шагов, прежде чем окончательно потерял равновесие и растянулся на земле.

Бурлмарр плотно зажмурился. Он всё ещё видел поляну сверху, но без картинки, передаваемой ему собственными глазами, головокружение быстро прошло. Однако парень остался сидеть, прикованный к месту неопределённостью и страхом.

Что с ним происходило? Он будто смотрел чьими-то чужими глазами.

У себя в голове он видел, как эти глаза скользят по лугу, иногда останавливаясь на танцующей парочке или на оживлённой беседе, слов которой Бурлмарр не слышал. Этот небесный взгляд всё ближе и ближе смещался к юному гному, съёжившемуся на траве и закрывающему голову руками. Бурлмарр потянулся почесаться и увидел, что мысленный гном сделал то же самое.

Юноша охнул. Эти глаза смотрели прямо на него. Он наблюдал сам за собой!

Повинуясь неожиданному импульсу, гном неуверенно поднялся на ноги и вытянул вверх руку. Он ничего не ощутил, но движение руки замедлилось на самом пике, как будто воздух в том месте сгустился. Волна слабости накатила на него, а ещё ему показалось, будто кто-то коротко проорчал. Дрожая, Бурлмарр сел обратно.

- Кто здесь?

- Ты можешь меня видеть, кроха? – заданный шёпотом вопрос раздавался в ухе мягким громом.

- Н-нет. Но я могу видеть себя. То есть, даже с закрытыми глазами всё ещё могу, но как будто чьими-то чужими, - голосом гнома полностью владели возбуждение и страх. Слова лились, словно воды вышедшей из берегов реки. – Только теперь я не только вижу странности, но и слышу. Наверно я всё-таки напился, хотя даже и не пил. А может быть это снова лихорадка, в последнее время я плохо себя чувствовал.

- Нет, кроха, ты не пьян и не болен. Могу тебя заверить, что я вполне настоящий, но здесь не самое подходящее место, чтобы это доказывать. Ты всё ещё можешь видеть то, что вижу я?

Бурлмарр кивнул, когда картинка в голове сменилась с луга на ночное небо.

- Хорошо. Следуй за мной, используя мои глаза. Хочу немного поговорить с тобой, и кое-что узнать.

Молодой гном в мыслях пробирался между домами, направляясь к окраине деревни, но в реальности не сделал ни шагу. Воодушевление, рекой наполнившее все его вены, внезапно наткнулось на плотину осторожности. Чем он думал, собираясь уйти ночью из деревни по велению какого-то бестелесного голоса? Что, если этот самый голос принадлежал какой-нибудь жуткой твари, жаждущей заманить его и сожрать сердце?

Но Бурлмарр знал, что следовать за ним просило не какое-то высасывающее души и пожирающее плоть чудище. Нет, всё это было похоже на его сны. Парень не знал почему, но он был уверен, что он смотрел глазами дракона. И где-то на задворках разума детские сказки, рассказанные старейшинами, нашептывали ему, что это мог быть за дракон.

Вновь испытав прилив волнения, Бурлмарр побрёл вслед за голосом неуверенными, неловкими шагами. Использование чужих глаз сбивало с толку. Собственные ноги не доверяли полученной информации и дёргались как у марионетки. Когда изображения в голове переставали сменяться в нескольких метрах от него, гному приходилось бороться с желанием остановиться и продолжать идти вперёд до тех пор, пока его фигурка не появлялась на мысленном ландшафте.

Вскоре они оставили позади гомон деревни и праздника. На замену зданиям пришли холмы с редкими деревьями. Бледная луна заливала всё своим холодным светом.

Они уже добрались до верхней зоны без деревьев, когда видение погасло.

- Я ничего не вижу, - сообщил Бурлмарр.

Он напряг слух, стараясь уловить хоть какой-то признак того, что его спутник не покинул его, улетев вперёд, но всё, что он услышал – это воющий между деревьями ветер.

- Открой глаза.

Вскрикнув, Бурлмарр отпрянул и потерял равновесие. Всплеснув руками и широко распахнув глаза, он свалился на свою пятую точку и уставился в звёздное небо.

- Прости, кроха, я не хотел тебя напугать.

- Ничего... ничего страшного. Что случилось?

- Полагаю, наша мысленная связь почему-то прервалась.

- Да. Точно, - гном почувствовал, как его щеки краснеют от смущения. – Что нам делать теперь?

- Думаю, мы можем представиться друг другу, - ответил голос. Бурлмарру показалось, что он расслышал нотки веселья.

- Хорошо. Тогда я начну. Меня зовут Бурлмарр. Я гном, из деревни Иеритимбул, но это ты уже знаешь. Эмм... Я прохожу обучение у мастера Тинтагаста. Живу с матерью и отцом. У меня...

- Пока вполне достаточно, - голос усмехнулся, породив низкий рокот, слегка сотрясший юношу. – У меня ещё будет много времени, чтобы выслушать историю твоей жизни. А сейчас хватит и имён.

- Но я не знаю твоего.

- О, думаю, знаешь. По меньшей мере одно из них. Ты правда даже не догадываешься, кто я?

- Ну, есть одно предположение, но я с трудом могу поверить, что это и правда окажешься ты.

- Хочешь узнать наверняка? Хочешь узнать, с кем говоришь на самом деле?

Бурлмарр открыл рот, чтобы выкрикнуть «да!» но голос застрял в его горле, поэтому всё что он смог сделать – это с энтузиазмом покивать.

- Что ж, хорошо, - подытожил голос, и едва ли в двух метрах возникла короткая морда, длиной раза в два больше головы гнома, с длинными бело-золотыми усами над чешуйчатой челюстью. Моргнув, появились два глаза цвета расплавленного золота, светясь под парой рогов, закручивающихся к длинной мускулистой шее. Две складки кожи спускались по ней от затылка, чуть-чуть не доходя до увитых жилами плеч. От них отходили большие крылья, увеличенные копии шейных, занимая всё место между ними и кончиком хвоста. Огромная форма дракона заняла всё поле зрения, закрывая пасторальные пейзажи, но Бурлмарр не боялся. Ни один из гномов Иеритимбула никогда не испугался бы того великолепного существа, которое сейчас стояло перед ним.

- Я – Паларандаск, когда-то называемый Солнечным Драконом, - губы вирма разошлись в зубастой улыбке, тёплой и дружеской. – Тебе же я известен как Незримый Защитник.

Старейшина Громанн брёл домой. Гуляки всё ещё попадались, но сам он устал, к тому же уже некоторое время не видел жену. Кайлиндрра наверняка уже в постели, ждёт его – а она не любила спать одна.

Когда он зашёл, свет не горел, хотя лунного света хватало, чтобы что-то видеть. Закрыв дверь, он лишился и этого источника. К счастью, старейшина знал планировку дома достаточно хорошо, чтобы отсутствие света не имело значения.

- Кайлин, дорогая, я дома, - позвал он тихо, пробираясь в спальню.

Ответа не было. Наверное, уже заснула. Его зрение уже начало приспособливаться к темноте, когда он завернул за угол, в комнату. Громанн остановился. Две тёмные фигуры стояли у дальнего конца кровати, третья лежала в начале.

- Кайлиндрра?

Две руки схватили Громанна за правое плечо и вдёрнули внутрь. Четыре маленьких шарика зеленовато-белого света возникли за кроватью, подсветив четырёх караванщиков – Дрома, Мерема, Фурниса и Судо. Дром сидел на матрасе рядом с Кайлиндррой, одна рука закрывала ей рот, другая держала прижатый к её шее нож. Дикий взгляд женщины метался по сторонам.

- Что происходит? Во имя Гарла Златоблеска, если это какая-то шутка...

- О нет, это не шутка, старик, - разуверил Мерем. Свечение сфер бросало странные тени на его лицо, придавая коже болезненный вид. – А мы – не те, кто ты думаешь.

Гном снял с шеи кристальный амулет, который Громанн заметил только сейчас. Как только он это сделал, его форма размылась и начала расти, пока наконец на его месте не появился человек в плаще с капюшоном.

- Ч-что вы хотите?

- Ты покажешь нам, где найти логово дракона, которого вы зовёте Незримым Защитником.

- Я не знаю, о чём ты говоришь. Это просто детская сказка на ночь.

Кайлиндрра застонала под ладонью похитителя, когда тот прижал нож к её коже достаточно сильно, чтобы появилась капелька крови.

- Не испытывай моё терпение. Мы знаем, что дракон защищает ваши караваны и вашу деревню. И ещё знаем, что в этих сказках дракон предстаёт перед старейшинами. И если дракон реален, то и последнее тоже может быть правдой. Честно говоря, готов на это поставить жизнь твоей маленькой женщины. Что скажешь? Я прав, и мы сейчас отправляемся на ночную прогулку? Или твоя жена умирает?

- Нет, нет. Ты прав, - взмолился Громанн. – Я могу отвести к нему. Только не причиняй ей зла. Не моей Кайлин.

- Свяжи её, - приказал человек, бывший Меремом, тому, кто носил облик Дрома. Снова надев кристальный амулет, он быстро превратился обратно в гнома. – Мы же пока не хотим, чтобы кто-то узнал, что мы задумали?

Старейшина сквозь слёзы наблюдал за тем, как Кайлин привязали к кровати и засунули ей кляп. Затем лже-Мерем вытолкнул его прочь.

- Есть тут задняя дверь? – спросил он, когда остальные «гномы» выстроились за ним. Громанн кивнул и вывел их наружу через кухню.

Бандиты с заложником тихо пробрались через деревню, и только ночные звёзды были тому свидетелями. Торжества почти закончились, и никто не сновал поблизости так далеко от луга. Старейшина вывел их из долины к предгорьям Фелрендена, отчаянно пытаясь вспомнить, где же древний золотой появился перед ними тогда, несколько лет назад. Там была расщелина со старой мраморной статуей...

После нескольких часов поисков, человек, притворявшийся Меремом, рывком остановил Громанна.

- Скоро мы туда доберёмся, старик? Надеюсь, ты не пытаешься просто тянуть время?

- Пожалуйста, это случилось очень давно. Я пытаюсь вспомнить. Я даже не знаю, единственное ли это логово.

- Давай-ка поторапливайся, на это уходит слишком много времени.

Он отпустил старого гнома, и они снова пошли вперёд. Несколько минут спустя Громанну показалось, что он узнаёт скопление камней.

- Кажется, здесь! – воскликнул старейшина.

Волнение наполнило его грудь при неожиданной мысли. Если Незримый Защитник действительно покажется, если Громанн и правда нашёл место его обитания, то представлялось весьма вероятным, что золотой дракон быстро расправится с разбойниками. Громанн проворно скрыл улыбку.

- Здесь? Да это просто уступ с какими-то странными статуями и разбросанными безделушками, - лже-Мерем явно не поверил. – Что ты тут пытаешься проверить?

- Незримому Защитнику не нужен дом, как простым смертным. Он невидим и бестелесен, и появляется только перед ударом, - Громанн поневоле заговорил тоном опытного рассказчика.

- Детям так сказки рассказывать будешь, - рявкнул Мерем, - Ладно, давайте готовиться, - обратился он к остальным. – Я призову Тайного Архимага.

Он снял свой магический кулон и опять превратился в человека. Из мешочка на поясе вытащил маленький камень и какое-то время молча стоял, держа предмет на ладони. Затем сунул его обратно и отступил назад на несколько шагов.

Ослепительно-белый свет вспыхнул там, где он прежде стоял. Он начал растягиваться в овал, пока не стал высотой в два метра, потрескивая по краям. Как только портал перестал расти, из него появилась ступня, за которой последовало колено и остальные части тяжеловооружённого мужчины. И двух секунд не прошло, как за ним, окружённой белыми длинными волосами лысиной вперёд вылез согнутый возрастом старик. Процессию замыкало ещё несколько человек, одетых так же, как тот, что вызвал эту компанию. С ещё одной вспышкой портал исчез.

- Отличная работа, Дайкон, - похвалил старик, распорядившись устанавливать странные жезлы по периметру.

- Спасибо, Мастер.

- А кто это у нас тут? – подошёл старец ко Громанну; весь согбенный, он был лишь немногим выше гнома.

- Я – Фрога Громанн, старейшина Иеритимбула, - гордо выпрямился тот.

- Так и есть, так и есть, - архимаг снисходительно похлопал гнома по голове, затем обернулся к остальным и спросил: - Всё готово? Дайкон, подготовь приманку. И побыстрее, дракон должен появиться с минуты на минуту. Я убедился, что наше прибытие стало достаточно громким.

Дайкон протащил Громанна несколько метров, пока они не оказались в центре круга, отмеченного воткнутыми в землю шестами. Снова воспользовавшись амулетом, чтобы превратиться в Мерема, он снял с пояса нож.

- Спокойной ночи, старикан.

Он стукнул Громанна рукоятью по голове, и у старейшины перед глазами всё стемнело.

Паларандаск, невидимый и неосязаемый, парил над горными склонами там, где заметил вспышку. Маленький гном, Бурлмарр, уже должен был быть дома в кровати. Интересный малыш. Дракон решил, что нужно за ним присматривать.

Добравшись до подножья, он понял, что приближается к одному из своих укрытий с сокровищами, скрытых повсюду в долине Фелренден. Затем заметил двух гномов, съёжившихся у основания скалы. С растущей в сердце тревогой, дракон поспешил вперёд. Один из гномов, похоже, выглядел неважно.

Когда до них оставалось несколько метров, Паларандаск осторожно материализовал голову. Один гном взвизгнул. Другой, постарше, лежал без движения. Дракон заметил большой расплывающийся синяк на его виске. Старейшина Громанн?

- Не бойся, кроха, - успокоил дракон. - Ты ранен?

- Д-да, - запнулся гном. - Т-то есть, нет. Я в порядке, в отличие от старейшины. Я отправился на поиски, когда его жена пожаловалась, что не дождалась его с фестиваля.

- Что это была за вспышка?

- Не знаю. Я сам только добрался сюда и нашёл Старейшину Громанна в таком виде на земле. Не могу привести его в чувство. Ты поможешь нам?

- Посмотрим, что я смогу сделать.

Паларандаск подобрался поближе и продолжил материализоваться. Но запах в воздухе остановил его. Рядом были люди. Дракон уже сталкивался с охотниками за сокровищами ранее. Возможно, старейшину похитили и использовали как наживку. В таком случае он попал прямо в их ловушку. Собственно, как в раз в этот момент он и заметил расставленные на одинаковом расстоянии вокруг скалы стержни.

- Глупец, слишком поздно. Теперь ты не сбежишь, - молодой гном обернулся человеком в плаще с капюшоном, крадущимся к границе кольца из рутьев.

- Эранс нэ! - закричал слева другой голос.

Дракон резко развернулся к нему. Узнав фразу-приказ, он начал приобретать бестелесность. Однако разряды энергии, каждый другого цвета, уже тянулись к нему с концов металлических палок. Приближаясь к пленнику, они не ударили его - вместо этого окружая от морды и до кончика хвоста. Внезапно он вновь обрёл тело и не мог пошевелиться.

- Здравствуй, великий Паларандаск, - старик, кричавший на драконьем, встал перед драконом у границы ловушки. - Это антимагическое поле стазиса. Ты обездвижен и отрезан от Плетения. Ты мой. Я мог бы убить тебя, если бы хотел. К счастью, у тебя есть то, что нужно мне. Я знаю, что ты владеешь магией павшей Нетерильской Империи и используешь её для продления своей жизни. Как видишь, я и сам не совсем мальчик, - и он усмехнулся собственной шутке. - В обмен на эти знания я освобожу тебя.

Бурлмарр на цыпочках зашёл в дом. До рассвета оставалось несколько часов, и, если родители проснутся, конца и края тому, что последует, не будет. Выскользнув из ботинок и штанов, он уютно устроился под одеялами. Однако сразу заснуть не представлялось возможным – слишком о многом надо было подумать. Последние несколько часов – он не считал, сколько именно – он провёл за разговором с Незримым Защитником. И всё ещё не мог поверить, что беседовал с драконом, а уж тем более – с детской сказкой, оказавшейся правдой.

Тема их разговора оказалась не менее захватывающей. Паларандаск подробно расспрашивал о болезни и о его способности делить с драконом его зрение и слух. Несколько прочитанных заклинаний показали, что эта способность не была магической по природе своей. Великий змей знал об отдельных личностях, научившихся подобным ментальным трюкам посредством строжайшей дисциплины на протяжении месяцев, и даже лет, подсознательного разбора и самоанализа. То, что Бурлмарр мог такое делать без предварительного обучения, делало его «особенным». Недомогания скорее всего были симптомами неспособности совладать с этой силой, результатом перенапряжения разума. Они станут реже – гном надеялся, что и пропадут совсем – когда контроль над этим даром возрастет.

Но всё ещё оставалось непонятным, почему именно Паларандаск стал целью мысленной связи. Может быть потому, что Незримый Защитник занимал особенное место в жизни и подсознании Иеритимбула, но для Бурлмарра он всегда оставался не более чем историей на ночь. Дракон подозревал, что это, более вероятно, было связано с различными заклинаниями, поддерживающими его существование – возможно, одно из них являлось своего рода естественным магнитом для ментальной энергии.

Молодой гном зевнул и перекатился набок. Размышления наконец-то утомили его мозг. Глаза высохли, а веки потяжелели, и парень прекратил попытки удержать их открытыми.

Как только веки сомкнулись, ему приснился сон. Он был наверху, в холмах, окружающих долину, которую гномы звали домом. Несмотря на ночь, всё пространство было подсвечено разноцветными энергетическими дугами, сковавшими его. Бурлмарр смотрел прямо в лицо согбенного старика.

Юный гном резко вскочил. Это не сон, Паларандаск в беде. Выпрыгнув из кровати, он натянул штаны. Его мать вбежала в комнату, когда тот зашнуровывал ботинки.

- Всё в порядке? Бурлмарр, тебе плохо?

- Всё нормально, мама. Мне нужно идти.

- Но сейчас ночь!

- Прости, мой друг в беде. Потом объясню.

Он пронёсся мимо неё и выбежал в дверь.

Когда Бурлмарр выбрался из долины, то притормозил, позволяя мыслям нагнать действия. В голове стали появляться вопросы. Как он собирался найти Паларандаска? Смотря глазами дракона, он не узнал ничего из окружения. И что он будет делать,

когда доберётся? Он же не великий герой, как Ардабад, Брэдер или Фелдаэр. Он едва ли управляет даже той небольшой силой, которой владеет. Если кто-то настолько силён, чтобы поймать большого дракона, на что мог надеяться гном?

Бурлмарр помотал головой, пытаясь вытряхнуть сомнения. Он найдёт способ помочь. Паларандаск был его другом.

По крайней мере поиск дракона не станет проблемой – Бурлмарр уже сейчас видел мерцающие разноцветные огни вдалеке. Скорее всего, это были чары, удерживавшие Паларандаска.

Спустя ещё час ходьбы и лазания по холмам, молодой гном укрылся за валуном всего в нескольких метрах от огромного змея и тех, кто его поймал. Он не мог сказать, было ли дракону больно, но точно знал – времени что-нибудь придумать имелось не много. Нужно было прервать магические потоки.

Стержень с лучом красной энергии находился совсем недалеко от того места, где спрятался парень. Однако рядом с ним оставался человек в броне, с притороченным к спине двуручником. Он не смотрел в сторону Бурлмарра, но гном знал, что не сможет добраться до палки незамеченным. Если бы только можно было его чем-то отвлечь! Юноша подумал об одной из простых иллюзий, которую он мог бы создать, но он не хотел привлечь всеобщее внимание звуками или вспышками светами.

Перебрав все варианты, Бурлмарр сел и зарычал в отчаянии. Он проделал такой путь не для того, чтобы оказаться бесполезным! Он что-нибудь придумает, даже если придётся биться головой об булыжник до самого восхода.

Вот оно. Он использует голову! Раз уж у него есть способность пользоваться чьими-то чувствами, возможно, он сможет на них повлиять и временно заглушить. Нужно всего лишь несколько секунд, чтобы добежать до шеста и выдернуть его.

Толком не уверенный в том, как это повернуть, Бурлмарр сосредоточился на бронированном воине и потянулся к нему разумом. И очень удивился, когда действительно что-то нащупал. Слово комок эмоций и воспоминаний. Ощущения едва не захлестнули гнома, и он инстинктивно отшатнулся.

Глубоко вздохнув, попробовал снова. Нащупал другой комок. При касании почувствовал запах пота и металла, ощутил вес стальных пластин на плечах, услышал треск энергетических разрядов. Победно улыбнувшись, Бурлмарр представил, как каждое из этих чувств отключается – и все ощущения пропали. В этот момент он понял, что эмоции и воспоминания исчезли тоже, будто отключился весь мозг человека целиком.

Не тратя ни секунды, гном подбежал к стержню и дёрнул его из земли изо всех своих сил. Красная дуга моргнула и погасла.

Бурлмарр стоял, победно занеся стержень над головой, и наслаждался успехом. Затем краем глаза поймал какое-то движение и повернулся. После громкого треска юноша упал на землю, продолжая сжимать две ровно разрезанные половины шеста. Человек в доспехах очнулся от того, что Бурлмарр с ним провернул, вытащил меч и рубанул нарушителя. Только то, что Бурлмарр, поворачиваясь, всё ещё держал стержень над головой, спасло его – крепкая древесина смягчила удар.

Бронированный воин двинулся к опрокинутому гному, и тот начал отползать. Но двумя большими шагами нападающий догнал свою жертву и пронзил живот

Бурлмарра, пришив к земле. Когда гном закричал в агонии, кровь забрызгала его губы.

Он слышал, как за спиной взревел Паларандаск. Огромная тень накрыла его, и драконьи челюсти сомкнулись на воине, раскусив пополам. Справа донеслись слова заклинания; Бурлмарр повернул голову и увидел сторбленного старика, размахивающего посохом.

- Не думаю, - сказал дракон. - С меня хватит твоей магии на сегодня.

Паларандаск быстро заговорил на драконьем. Он успел первым. Крутящаяся воронка ветра появилась над стариком и быстро начала спускаться к нему, прижав к земле. Достигнув низа, она всосала врага внутрь, где тот и болтался с воплями, пока, наконец, его не вышвырнуло куда-то в ночь. Дракон затем бросился в другую сторону, и раненый гном услышал визги, вскоре стихшие в рёве пламени.

Ноги гнома похолодели; он попытался вытащить клинок из тела, но сил уже не осталось. Он откинулся на спину, выкашляв ещё больше крови. Звёзды в ночном небе потускнели, хотя Бурлмарр был уверен, что до рассвета оставалось ещё несколько часов. Когда он моргнул, над ним появилась чешуйчатая лапа. Она схватила оружие когтями и извлекла. Другая лапа мягко подобрала героя и поднесла к морде Паларандаска.

- Прости меня, кроха. Я бы не хотел, чтобы ты пострадал, даже если бы это означало мою смерть, - в глазах дракона стояли слёзы. - Я не владею магией, способной исцелить тебя. Всё что я могу - пообещать тебе, что твоя жертва не будет забыта. Пусть Гарл Златоблеск выделит тебе почётное место в Золотых Холмах.

Бурлмарр улыбнулся своему другу и закрыл глаза.

ВЫДУМКА

Дж. Л. Коллинз

Год Кружки (1370 ЛД)

Трепещущие факелы, закреплённые на двух шестах, служили для их глаз единственным ориентиром на пути к ветхому амбару. Когда-то служивший складом для поселения лесорубов неподалёку, теперь он стал пристанищем для старого, вышедшего из строя оборудования, сена и, раз в год, укрытием для интересного каравана.

Они приближались в молчании, не уверенные в том, что ожидает их внутри. Мифы, легенды и слухи они прекрасно знали, но действительно ли они увидят живую то, что жило лишь в их воображении? В их кошмарах? В лесу было тихо, и хотя ноги их хорошо знали местные тропы и деревья, они замедлили шаг; ожидания превратились в неуверенность, ведущую лишь к сомнениям и страху.

Осыпающаяся краска и кривые деревянные стены, эти когда-то успокаивающие осколки былых дней, сейчас казались жуткими, как развалины крепости, в каждый камень которых замурованы тайны. Не один раз они оборачивались через плечо, чувствуя несуществующие взгляды. Они знали – глупо ожидать встретить кого-то ещё в этом уединённом месте, однако сегодняшней ночью совсем не чувствовали себя в одиночестве...

- Я видел дракона! – выкрикнул Нолло с возбуждённой улыбкой на юном лице.

Три других мальчугана и девочка-полуэльфийка обменялись взглядами – начиная заинтересованными и заканчивая раздражёнными. Как и ожидалось, недоверчивый голос МакДодда зазвучал первым:

- Самое близкое к дракону из того, что ты видел, погонщик – это песчаная змея, вцепившаяся в твой зад, когда ты снял штаны, чтобы помочиться на песок! – будучи самым большим из детей, МакДодд часто использовал свой размер, чтобы запугать остальных и вынудить с ним согласиться. Срабатывало редко.

Крастер захихикал; такой же маленький и тощий, как Нолло, по сравнению с холёной внешностью последнего он был грязнее. Его смех всегда следовал за язвительными комментариями МакДодда. Нолло нахмурился. Хотя и будучи на несколько лет младше, он не боялся насмешек старшего мальчика.

- А дракона тоже видел. И даже кормил! Они называются «вирмы»! – Нолло прикусил язык, будто сообразив, что сболтнул лишнее.

МакДодд набрал воздуха, готовя очередную саркастичную ремарку, как вдруг Кирск поднял руку, заставив большого задиру резко выдохнуть.

- Что? Думаешь, он говорит правду? Он такой же большой вун, как и его папка, - запротестовал МакДодд.

Он не мог противиться желанию повернуть на попытку Кирска заставить его замолчать. Но хотя и будучи больше в размерах, МакДодд не стал применять угрозы, так как спокойная уверенность Кирска нервировала его. Тот взглянул на Синдар, полуэльфийку, поймав взгляд её тёмно-синих, почти чёрных глаз, прежде чем повернуться к Нолло.

- Расскажи нам об этом своём драконе, Нолло, и чем ты его кормил, - Кирск произнёс эти слова с мягким подбадриванием.

Нолло улыбнулся и начал рассказывать:

- Я дал ему оленьего мяса, и немного остававшейся в отцовском котелке рыбы. Он был очень голодным, поэтому я стащил ещё одну рыбу из корзины, скормил и её, целиком. Зубы такие большие! Он раскусил её пополам, и сразу же проглотил оба куска!

Нолло пальцами изобразил раззявленные челюсти разделившего с ним ужина существа.

МакДодд больше не мог сдерживаться.

- Это самая глупая вещь которую я когда-либо слышал, и это при том, что Крастер говорит очень много глупостей.

Крастер начал смеяться после комментария МакДодда, затем смущённо почесал шею чёрными ногтями. В своих потрёпанных штанах и залатанной тунике он выглядел попрошайкой.

Задира тем временем продолжал:

- Все знают, что драконы предпочитают коров, лошадей и эльфов. Особенно эльфов, - он ехидно улыбнулся, уставившись на Синдар.

Та спокойно выдержала его взгляд и парировала:

- Тупой тут только ты, МакДодд. Настолько, что дракон бы на тебя даже не позарился. Вообще-то они едят диких животных, подошедших слишком близко к их логову. Иногда могут залезть в чей-нибудь сад, если захотят сладких фруктов. Мама рассказывала о драконах то, что прочитала в своей книге, - Синдар говорила голосом женщины, окружённой ещё не ставшими мужчинами мальчишками. Киркс улыбнулся, когда она показала язык качавшему головой МакДодду.

- Объясни-ка ещё раз, зачем мы пустили её к нам на дерево? Фрукты? Она говорит, драконы едят фрукты? Похоже у эльфов между ушами фрукты. Гнилые и мягкие, - МакДодд показал на ухо. - Откуда твоей матери знать, она же покинула эльфийское королевство ради того, чтобы жить в дурацкой деревне дровосеков. Не думаю даже, что у неё есть книги. Какой от них там толк? А сейчас ты скажешь, что она всё ещё учит тебя магии, да?

- Да, учит, олух! Однажды я превращу тебя в жабу, и ты будешь умолять меня расколдовать обратно, а я откажусь, потому что буду слышать только кваканье, скину тебя в лужу и забуду.

Лицо Синдар порозовело от злости - хоть она и была одарена неподвластными времени красотой и изяществом черт матери-эльфийки, в девочке уже проявлялся темперамент и волевой нрав отца, человека.

- Успокойся, МакДодд, - вмешался Кирск. - Если Синдар говорит, что знает магию, значит, однажды покажет. Нолло наш гость, дай ему закончить.

Мальчик ждал возражений, но задира уступил, посмотрев на рассказчика, прежде чем стукнуть его по плечу.

- Ну ты слышал его. Так что ещё съел этот твой дракон? Кого-то из этих глупых зверьков, которых твой отец пытается выдать за монстров? Его надо за это арестовать.

- Нет, - потёр Нолло руку, - он свернулся и уснул.

Любопытство Кирска взяло над ним верх.

- Нолло, драконы обычно не едят рыбу с рук людей. Почему дракон не съел тебя?

- Потому что он был в клетке. Я бы не стал кормить дракона, если бы он был не в клетке. Это глупо.

Этот ответ был настолько быстрым, что Кирск почти поверил ему.

Крастер снова засмеялся, следом получив тычок от МакДодда.

- В клетке? - допытывался здоровяк. - Не думал, что ты видел дракона в клетке. Они ведь огромные, размером с замок, и летают так высоко, что их не видно.

МакДодд ждал ответа от мальчика, поэтому как будто удивился, когда Синдар поддержала его:

- Нолло, это выдумка, и ты это знаешь. Драконы слишком сильные. Если они могут поднять лошадь вместе со всадником, то легко смогут сломать и клетку.

Она улыбнулась младшему мальчику, будто поощряя дальнейший рассказ, но при условии, что он будет правдивым.

Нолло вздохнул и выглянул в резное окно домика на дереве, в которое задувал тёплый ветерок. Стоявший на полу фонарь отбрасывал на стену тени.

- Удержать их в клетке можно, если они достаточно маленькие, - произнёс Нолло так тихо, что остальные едва расслышали его.

- Что значит «достаточно маленькие»? – уточнил Кирск. – Ты имеешь в виду детёныши?

Нолло нервно поднял взгляд и медленно кивнул.

- И где же этот детёныш дракона сейчас? – улыбнулся Кирск.

Маленький рассказчик достал нож из кармана своих мягких брюк. Поправив свою элегантную расшитую рубашку, он вытер с отполированных ботинок грязь и начал ковырять дерево у ног.

- Я не должен говорить, - насупился он. – Папа рассердится.

МакДодд открыл было рот, но Синдар его опередила:

- Это было на одном из тех восточных карнавалов? Ты говорил, отец возил тебя вдоль южного края пустыни. Моя мама рассказывала, что племена людей, целые кочующие палаточные городки, живут около песков. Там ты его видел?

Нолло покачал головой, молчаливо отрицая, и продолжил кромсать пол домика.

Ко всеобщему удивлению, именно Крастер задал невысказанный вопрос:

- Ты хочешь сказать, что у твоего папы в том амбаре пойманный дракон?

Нолло взглянул на него слишком быстро, выдав себя выражением лица.

- Кто тебе это сказал? – набросился он. – Нет там никакого дракона, я просто... один раз его видел. Ты всё выдумал!

Кирск положил мозолистую руку младшему другу на плечо:

- Всё нормально, Нолло, мы знаем, что в амбаре. Каждый год ты и твой отец проводите там неделю, подготавливая припасы для путешествия на запад, к Побережью Мечей. Каждый год мы слушаем твои рассказы, и каждый год они о встреченных вами чудовищах, волшебниках и варварах. Нам без разницы, правда это или нет, нам они просто нравятся. Уж точно лучше, чем слушать как МакДодд рыгает и портит воздух весь день.

Как Синдар, так и Крастер захохотали, заставив большого задиру покраснеть и погрозить Кирску кулаком. Крастер немедленно переметнулся и стал подначивать:

- Давай, врежь ему МакДодд, выбей ему зубы!

Девочка-полуэльфийка закатила глаза, а Кирск, знакомый с угрозами забияки, сидел неподвижно.

- Однажды, Кирск, - пригрозил здоровяк, опустив руку, - однажды ты получишь, что тебе причитается.

Не обратив на задиру внимания, Кирск посмотрел на Нолло и сказал:

- Расскажи про амбар. Если тебе запрещено рассказывать, значит, у твоего отца там что-то особенное. Что же? Говорящая птица? Как-то раз ты обещал показать говорящую птицу, но когда мы пришли, она только и сделала, что нагадила Крастеру на волосы. Было весело, правда только потому, что всё время после этого говорил Крастер.

Синдар хихикнула, услышав знакомую историю, а МакДодд стукнул грязную по плечу – просто так.

- Ничего особенного, только... животные, - пробормотал Нолло, уставившись в окно.

- Ха! – МакДодд наконец-то нашёл цель для своего недовольства. – Как тогда, когда ты хвастался, что у вас там бехолдер – летающий глаз, который может обратить нас в камень. Только когда мы пришли, он не летал и не пучил глаза. Это были просто несколько тыков, собранных в одну гигантскую тыкву, с прогнившей дырой на месте рта и стеблями, которые ты называл глазами. В прошлом году ты клялся, что у твоего папки в клетке девочка-дроу. Синдар так испугалась, что даже не пошла. Она поверила тебе, но я-то нет. Забавно, что злой тёмный эльф оказался измазанной грязью и сажей дочерью Граппера. Вы заплатили дочери трубочиста, чтобы она притворилась дроу. Твой папа такой жулик, что даже не приклеил ей поддельные уши!

МакДодд засмеялся, а Крастер подпевал ему:

- Да, жулик! И глупый!

Нолло покраснел, но его смущение превратилось в злость под градом насмешек.

- Это вы глупые лесорубы! – взорвался он. – Вы не отличите дворфа от гнома, а гнома от халфлинга. Я кормил дракона. Сегодня ночью. И я уже говорил, что они называются «вирмы»!

Он осёкся, увидев удивлённые взгляды четвёрки друзей. Они никогда ещё не видели его таким сердитым.

- Мне... Мне надо идти, - сказал Нолло. – Папка разозлится, если я опоздаю во второй вечер подряд.

Как только мальчик двинулся к верёвочной лестнице, свисавшей с одной стороны домика, рука Кирска мягко остановила его.

- В вашем амбаре и правда детёныш дракона?

- Д-да, - заикаясь, подтвердил Нолло.

- Мда, уважуха, - протянул МакДодд. – Три обмана за три года, и каждый больше предыдущего.

Кирск снова посмотрел на Синдар, произнёсшую вслух общую мысль:

- Давайте сходим посмотрим.

- Нет! – покачал головой Нолло. – Я обещал папке, что никому не расскажу. Это большой сюрприз на карнавал. Каждый год он расстраивается, что никто не приходит посмотреть на животных, поэтому он решил раздобыть что-то настолько необычное, что все будут умолять его остаться и показывать зверей весь год. Пожалуйста, я целый месяц не смогу сидеть, если он узнает.

Остальные переглянулись, затем МакДодд заявил:

- Я пойду, только чтобы доказать, что ты врун.

Нолло взглянул на Кирска; выражение его лица поменялось, когда ему в голову пришла новая идея.

- Если он считает меня вруном, я докажу, что он неправ. Только вы должны будете заплатить по монете, чтобы посмотреть. Две, чтобы погладить, - Нолло ухмыльнулся, уверенный в том, что отец не будет злиться, если он заработает на этом денег, как и учили.

- У меня нет монет, - заскулил Крастер.

МакДодд снова стукнул его по тому же плечу.

- Ты дурак. Мы не будем платить за ящерицу в клетке. Гарантирую, что это ящерица с крыльями из тряпок, потому что его отец глупый жулик.

- Да, глупый жулик, - моргнул грязнуля, потирая ушибленное место.

Обменявшись незаметными улыбочками с Синдар, третий мальчик протянул руку в ночную темноту.

- Предлагаю сделку, Нолло, - сказал он. – Ты отведёшь нас к амбару и покажешь дракона. Мы заплатим по монете, если решим, что он настоящий, - МакДодд хотел было выругаться, но полуэльфийка ущипнула его, позволяя Кирску закончить. – Более того, если рыба ещё осталась, я заплачу больше за возможность покормить. Справедливо, а, хозяин карнавала?

Польщённый титулом Нолло улыбнулся, залезая на лестницу.

- А то! И лучше пересчитайте пальцы – их может не хватать, когда представление закончится!

Младший мальчик проворно спустился вниз, пока Кирск помогал Синдар залезть на лестницу. Пара ещё раз переглянулась, прежде чем Крастер задул фонарь, и ночь поглотила их.

Нолло подвёл их ко гнутым обшарпанным дверям, моргнув, когда проржавевшие дверные петли заскрипели. Затхлые запахи сена, ездовых животных и масла для фонарей поприветствовали детей внутри. В плохо освещённой полутьме они слышали ржание караванных лошадей. Нолло пробирался вперёд, ведя их к одному из фургонов с закрытой тканью клеткой.

Затем он развернулся к ним и сказал:

- Помните? По одной монете с каждого за просмотр, по две – если хотите погладить.

МакДодд погрозил кулаком:

- Ты получишь два кое-чего другого, если не пошевелишься.

Нолло не обратил внимания на угрозу и выпятил грудь, готовясь к выступлению.

- Во всех королевствах вы не найдёте чудища настолько страшного, угрозы настолько... настолько... грозной, зверя настолько отвратительного, что он способен навеять ужас одним лишь своим именем!

Юный конферансье сделал широкий жест рукой, когда Синдар шёпотом спросила у Кирска:

- А разве дракон может быть страшным и отвратительным одновременно?

Кирск ухмыльнулся, когда Нолло повысил голос:

- Отвернитесь, мои добрые друзья, ибо невозможно вынести вид того, что я собираюсь вам явить...

Тут МакДодд потерял терпение. Оттолкнув младшего товарища, он схватил и дёрнул покров, обнажив выдавшую виды стальную клетку. Прутья все погнулись от постоянных ударов, а крыша была испещрена дюжинами трещин и следов от когтей.

Эта клетка выглядела куда более впечатляюще, чем пятнистое коричневое создание, свернувшееся внутри. Тусклые чешуйки облепляли туловище, а длинный толстый хвост плотно обвернулся вокруг спящего существа.

- Боги, как оно воняет! – охнул МакДодд, наморщив нос от отвращения. – Это самая уродливая ящерица из всех, что я видел.

Нолло безуспешно пытался отпихнуть крупного мальчика от клетки.

- Это дракон, ты, бухоголовый! И это ты воняешь.

Синдар подобралась поближе, изучая зашевелившегося из-за голосов зверя. Один глаз рептилии приоткрылся, изучая собравшихся. Чудище распахнуло наполненную зубами пасть в ленивом зевке, высунув кожистый язык.

- Видите? – указал Нолло. – Ни у какой ящерицы нет столько зубов. Это драконьи. Суньте палец и сами убедитесь. Только будьте уверены, что оставшихся пальцев хватит, чтобы пересчитать монеты.

Усмехнувшись шутливым угрозам Нолло, Кирск взглянул на Синдар.

Та пожала плечами, снова посмотрев на клетку:

- Я только читала о них в маминой книге, но никогда не видела. Я ожидала увидеть что-то... что-то...

- Побольше, да? – закончил за неё МакДодд. – Дракон должен быть больше этого амбара, а не меньше моей собаки.

Словно отвечая ему, существо издало звук, больше похожий на писк, чем на рёв. Оно резко дёрнуло хвостом туда-сюда, встряхнув клетку, и выжидающе уставилось на Нолло. Ненадолго скрывшись за другой повозкой, мальчик вернулся, с трудом таща ведро, пахнущее вчерашней рыбой. Схватив склизкое содержимое, он вытянул кусок перед клеткой.

МакДодд вырвал еду у него из рук.

- Хорошо, что это не дракон, а то ты был бы слишком слаб, чтобы уследить за ним.

Когда задира просунул лакомство между прутьями, существо оживилось. Синдар и Кирск переглянулись, когда тонкая мембрана на секунда оторвалась с одной стороны его тела, прежде чем вновь зарыться в чешую.

Но МакДодд ещё не закончил развлекаться; как только зверюга открыла рот, собираясь схватить рыбу, мальчик со смехом отдёрнул её.

Нолло, разозлившись, попытался отнять угощение.

- Не дразни его. Отдай!

Кирск тоже хотел возразить, но шутник заглушил его:

- Ха! Дракон выхватил бы рыбу прямо из моих рук. Они двигаются так быстро, что ты станешь мертвецом ещё до того, как увидишь их. А это просто ленивая жирная ящерица.

Задира отпихивал Нолло одной рукой, другой медленно размахивая закуской.

- МакДодд, хватит, - предупредила Синдар, но её никто не услышал.

- Смотрите, я помогаю ему охотиться, - сказал хулиган. – Оно двигает шеей.

МакДодд шлёпнул рыбой по морде, попав по кончику носа. Существо заклекотало и шарахнулось назад, удивительно проворно почесав место удара когтем. Встрепенувшись, оно снова вытянуло шею и попыталось спрятаться от запаха, когда МакДодд, смеясь, наклонился ближе к клетке. Кирск как раз решил, что пришло время той самой драки между ними, когда зверь неожиданно и яростно фыркнул.

Язык пламени вырвался из его пасти, тут же охватив шевелюру обидчика.

МакДодд – с дымящимися волосами – выпрямился, затем заорал так, будто увидел ходячих мертвецов.

- Тушите! Тушите! Тушите!!! – кричал он, бегая кругами и хлопая себя по голове.

Крастер застыл в оцепенении, Синдар зашлась истерическим смехом, Нолло побежал к клетке, проверить вирма. Кирск же мог просто наблюдать, искривив губы в потрясённой улыбке.

– Горячо! Горячо! Горячо! – верещал МакДодд, продолжая суматошно бегать, по-прежнему хлопая себя по голове.

Кирск, оправившись от изумления, крикнул Крастеру, чтобы тот схватил ведро, стоявшее на полу амбара рядом с кормушкой. Мальчишки погрузили вёдра в воду в тот момент, когда МакДодд подбежал к ним, крича, что он всех убьёт. Одним движением он согнулся пополам, открыв макушку головы на обозрение, как раз когда Кирск выплеснул воду в то место, где до этого была горячая голова. В то же самое мгновение Крастер столкнулся с МакДоддом, вымочив того от пояса до ступней. Выплеснутая Кирском впустую вода расплескалась на полу за спиной задир.

МакДодд завизжал, а его голова продолжала дымить. От вида вопящего обидчика дракон взбудоражился ещё больше, мечась по тесноте клетки.

Синдар наконец отсмеялась и перевела дыхание, но тут заметила, что кончики её волос поднялись в воздух и потянулись к ним рукой. В этот же момент и Нолло почувствовал, как волосы на шее встали дыбом. Кирск и Крастер были слишком заняты сбиванием огня с МакДодда, чтобы заметить; в свою очередь сам МакДодд тоже был слишком занят – отбивался в ответ, стена от боли и злости.

Нолло отпрыгнул от клетки, когда возбуждение вирма переросло в яростное беснование. Зверь забился головой о потолок так сильно, как никогда до этого.

Низкое гудение наполнило сарай; полуэльфийка попыталась что-то сказать, но её голос потонул в звуке, когда тот усилился. Волосы девочки поднялись ещё больше, чем у её друзей. Вдруг гудение прекратилось.

Окружающий их мир взорвался дождём щепок и обломков.

Вся задняя стена здания обрушилась внутрь; писк детёныша прервался, когда в проломе появилась огромная тень. Дети увидели морду с рогом на носу, венчавшую чешуйчатую шею. Морда эта раскрылась, обнажив ряд устрашающих клыков. Рычание, начавшееся низко и уробно, быстро усилилось до оглушительного рёва, полного необузданной ярости. Синие чешуйки поблескивали в лучах лунного света, заливавшегося внутрь сквозь дыры на месте крыши и исчезнувшей стены.

МакДодд поднялся с пола и сел в нескольких метрах от того места, где стоял ранее, не заметив даже, что порыв ветра, наконец, погасил пламя на голове. Сейчас его любимое оружие – острый язык и дерзкие угрозы – было бесполезным.

Пару мгновений стояла тишина, затем скрежет металла возвестил о том, что детёныш вирма всё-таки выбрался из своей темницы.

Вслед за этим звуком последовал новый рёв синего дракона, вынудив всех зажать уши. Одним массивным когтем вскрыв крышу фургона, зверь обнаружил сломанную клетку и потерявшего сознание Нолло среди обломков. Человеческий мальчик не заинтересовал дракона, но зато он резко повернул голову на звук пробежавших по полу когтистых лапок.

МакДодд рыдал, прикрыв лицо руками, пока Синдар неуверенно поднималась на колени; рана на её голове кровоточила. Кирск тоже поднялся, шатаясь. Его сердце едва не остановилось, когда он увидел, что синий монстр двинулся вперёд, и девочка оказалась у него на пути.

Не зная, насколько близок он был к смерти, мальчик призвал все силы и бросился дракону наперерез. Схватив подругу, он вместе с ней откатился в сторону, когда монстр протопал мимо на тяжёлых когтистых лапах. Он прошёл прямо над МакДоддом, едва не сметя того увесистым хвостом.

Синдар безудержно тряслась, а Кирск пытался не потерять контроль над собственными ногами. Лошади в амбаре издали дикое ржание, которое парень не хотел бы больше никогда услышать снова, и в ужасе вырвались из деревянных дверей своих стойл.

Когда животные поскакали к большим двойным дверям, ведущим наружу, каждый из детей почувствовал, будто весь воздух выбило у них из груди. Всё вокруг снова задрезжалось – Кирск даже не слышал собственного дыхания. Воздух, казалось, устремился к большому дракону, затем отхлынул в сокрушительной ярости. Луч ослепительно белого света полетел к воротам, прожёт дыру и умчался дальше в ночь. По пути он прошёл через одну из лошадей – животное жутко заржало и забилось в смертельных судорогах, горя и исходя дымом.

Державшемся за голову Кирску все окружающие звуки казались далёкими. Тут коричневатая, кожистая фигурка проскользнула по полу под ближайшим к рваной дыре в дверях фургоном. Маленький вирм посмотрел на мальчика с девочкой и вякнул.

Несмотря на огромного дракона, крушащего хвостом деревянные перегородки, Кирск всё же крикнул:

– Синдар, нужно бежать, нужно унести его отсюда!

Полуэльфийка всхлипнула, но, когда её друг рванул с места, побежала тоже. Мальчик схватил вирма, запищавшего ещё громче. Его крики привлекли внимание синего, который снова взревел и развернулся в их сторону.

Пихая трепыхающееся существо в руки Синдар, Кирск прокричал во всю мощь лёгких:

– Что бы ни произошло, не выпускай! Беги к мельнице! Беги изо всех сил!

Синдар взвизгнула, когда парень вытолкнул её через разрушенную стену, а потом и вовсе закричала, почувствовав, как когти детёныша впились в кожу. Кирск закрыл глаза, молясь всем богам. Подгоняемый страхом, он выбежал на открытое пространство перед драконом. Чудище из кошмаров в длину было как вся цепь повозок, но двигалось намного быстрее. Протестующе рыча, оно последовало за Кирском.

– Беги! – крикнул тот Синдар. – Беги и не оборачивайся!

Быстрые ноги девочки понесли её, но детёныш дракона был тяжёлым, а из ран на руках, нанесённых острыми когтями, уже текла кровь.

– Кирск! – плакала она. – Больно, Кирск!

Но она все равно бежала к видневшейся над деревьями ветряной мельнице. Ветки и ежевичные плети цепляли и рвали её платье, а глаза жалили слёзы, застилая обзор.

С другой стороны амбара Кирск мчался к самому толстому из деревьев, петляя вправо-влево и отчаянно выискивая хоть какое-то укрытие. Но дыхание его спёрло, а воздух начал потрескивать и гудеть. Сделав последнюю отчаянную ставку, Кирск нырнул вперёд. Весь лес перед ним осветился ярким белым светом, затем раздался рёв и щелчок, после чего наступила тьма.

Синдар боролась с пищащим вирмом на пути к тяжёлой двери мельницы. Врезавшись в неё своим тощим телом, заставила открыться, затем, навалившись совместным с дракончиком весом, смогла закрыть.

Волосы снова встали дыбом. Закричав, девочка упала на колени – как раз в тот момент, когда разряд молнии пробил дверь и прошёл в метре от неё. Ударившись в большую железную пилу, магический снаряд рассыпался каскадом искр. Когда слепящая вспышка погасла, Синдар побежала к лестнице, ведущей на мостки наверху. Раздавшийся снаружи рёв едва не оглушил её; девочка стиснула зубы, заставляя ноги двигаться.

Полуэльфийка бежала по деревянным дорожкам, перебираясь через кучи свежесрубленных деревьев. Запахи древесины и смолы смешивались с запахами горелых волос и крови. Всё здание сотряслось, когда мощный удар расколол дверь. Вторым взмахом хвоста синий дракон расширил щель. Рогатая морда монстра протиснулась внутрь и теперь медленно поворачивалась из стороны в сторону.

Маленький вирм снова пронзительно твякнул, из-за чего большой дракон резко развернулся в их сторону, клацнув челюстями. Слезы стекали по щекам девочки, пока она бежала, надеясь найти ещё какую-нибудь лестницу, ведущую вниз и наружу. Когда она огибала неровные мешки с опилками, чья-то тёмная фигура появилась в проходе, и девочка взвизгнула, когда руки Кирска схватили её.

– Синдар! Это я! Я, – подтянувшись на цепях, свисавших до земли, мальчик забрался до конца и отмахнулся от мечущегося хвоста вирма. – Мы можем отпугнуть дракона, но сперва послушай. Мне нужно будет, чтобы ты стояла точно там, где я скажу, и оставалась там, несмотря ни на что. Обещаю, ты будешь в порядке.

Синдар затрясла головой, но остановилась, когда поняла, что вирм перестал шевелиться и смотрел на неё явно всё понимающими глазами.

К Кирску пристала грязь, листья, от него пахло горелой кожей, но девочка встретила взгляд его глубоких синих глаз своими зелёными, черпая в них силы.

– Я верю тебе, Кирск, – сказала она решительно.

Прокравшись обратно по мосткам, полуэльфийка переместилась напротив бьющего хвостом дракона, неспособного взлететь над высокими горами брёвен.

Неслышно спустившись до заваленного пилами и топорами стола, мальчик схватил один из топоров и отступил, пока синий оставлял длинные отметины от когтей на брёвнах, пытаясь вскарабкаться по ним.

Глубоко вдохнув, Синдар, с дракончиком на плечах, оббившим её талию своим длинным хвостом, стояла абсолютно неподвижно. Её губы тихо шевелились, повторяя слова, читанные ранее много раз, снова и снова. Голос становился всё

громче, и синий дракон шумно вдохнул воздух, опустившись на все четыре лапы при знакомых звуках колдовства.

Существо сделало несколько шагов назад, намереваясь снести полуэльфийку с помоста, но в этот момент разноцветные светящиеся сферы начали плясать перед его мордой. Резко отдернув голову и ожидая укуса заклинания, синий дракон недовольно заревел на безобидно пляшущие огоньки, мерцавшие в воздухе.

В этот момент Кирск появился там, где должен был, заноса тяжёлый топор и изо всех сил обрушивая его на хвост монстра. Топорище треснуло напополам, когда лезвие расколело чешуйку и вгрызлось в жёсткую плоть под ней.

Взвыв от неожиданной боли, дракон обернулся и увидел стоящего на четвереньках над сломанным инструментом мальчика. Обрушившийся вниз толстый хвост прорезал воздух и поднял грязь. Сбитый с ног Кирск полетел через всю мельницу – как и деревянная распорка, удерживавшая гору брёвен на месте. Вес стволов внезапно сместился, и всё пришло в неостановимое, словно поток водопада, движение.

Синий дракон вновь взревел, когда первое из неуправляемой лавины брёвен прижало его хвост. Развернувшись, он с силой выдернул попавшую в ловушку часть тела, оставив дюжину чешуек – только чтобы оказаться лицом к лицу со следующим деревянным снарядом, попавшим прямо в морду и затем отскочившим обратно.

Пытаясь избежать следующего столкновения, существо развернуло крылья в интуитивной попытке сбежать. Но как только они коснулись пола, тут же были завалены катящимися и крутящимися стволами. Когтистые лапы искали опору на колышущейся массе, но тоже подкосились, отправив бьющегося дракона на пол.

Потеряв всякое чувство направления, монстр пытался подняться и удержаться на неустойчивой поверхности катящихся деревьев. Возмущённо взревев, он наконец высвободил крылья и, тратя остатки сил, устремился наверх, впечатавшись всем весом в крышу мельницы. Доски и балки посыпались вниз, и лишь единственный визг ознаменовал его свободный полёт в ночном небе.

Синдар бросилась к распростёртому телу Кирска. Беззвучные слёзы стекали по её щекам, она почти боялась коснуться его. В лунном свете она увидела струйку крови, стекающую изо рта, а губы дёргались, силясь набрать воздуха. Обняв маленького героя, слушая, она ждала следующего вдоха. Когда она была вознаграждена прерывистым выдохом, из её глаз хлынуло ещё больше слёз.

Но её радость была преждевременной. Лунный свет заслонила тень, и полуэльфийка вновь услышала хлопанье тяжёлых крыльев. Распахнутыми от ужаса глазами она увидела, как крыша прогнулась, когда дракон уселся на повреждённое здание – остававшиеся балки протестующе трещали и скрипели.

Чудище сдвинулось, впуская внутрь свет луны, и просунуло вниз, в неровную дыру, чешуйчатую шею, заканчивавшуюся окружённой плотной пластиной головой. Несмотря на страх, Синдар заметила, что чешуйки отливают медью, а не синевой. Детёныш громко пискнул и потянулся к медному дракону.

Заметив малыша, зверь взревел с облегчением. Когда он протянул вниз огромный коготь, радостный детёныш взобрался по нему.

Синдар крепко схватила Кирск, ожидая смерти. Огромное создание опустило морду ещё ниже, разглядывая лежащих посреди обломков мельницы детей. Девочка

почувствовала, как её спутавшиеся волосы шевелятся при каждом пахнущем дымом выдохе медного дракона, и осмелилась посмотреть смерти в лицо.

Дракон долго смотрел на неё, прежде чем убрать голову. Потянувшись когтем к животу, он отодрал одну из чешуек, которая свалилась вниз и вонзилась в твёрдую землю. Затем, подняв тучи пыли, чудище поднялось на могучих крыльях в воздух. Крыша, которая, казалось, вот-вот обрушится ещё раз, едва выстояла.

Вся трясась, неспособная даже плакать, девочка гладила брови Кирска. Когда пыль осела, она посмотрела на чешуйку. В застывшем спокойствии этого момента она заметила её необычную форму и две кожаные полосы, прицепленные изнутри. Кусочек кожи дракона всё меньше и меньше казался чешуёй животного, и всё больше – великолепным щитом.

Беккард Реллок бежал к амбару, не обращая внимания на крики большинства жителей поселения лесорубов, несшихся к деревянной мельнице. Вместе со своей командой помощников, они метались в разные стороны, отлавливая переживших атаку синего дракона лошадей. Мужчина бежал между деревьями, надеясь, что не найдёт то, что больше всего боялся найти. Но он резко остановился, когда пара одетых в перчатки рук схватила его на ходу и развернула, поставив перед двумя теньями. Одной из них оказался бородатый человек в тусклой кольчуге, с парой мечей на поясе и топором на спине. Другой был стройный, но выглядевший не менее опасно эльф. Гибкая кожаная броня облекала его фигуру, а в руках он держал длинный лук с подготовленной стрелой.

Беккард отступил на шаг и страх его усилился, когда он понял, что не сможет сбежать от двух незнакомцев, не являвшихся частью городка лесорубов.

Первым заговорил человек.

– Ты совершил ошибку, Реллок, большую ошибку.

Эльф что-то тихо сказал, и в витиеватых фразах, пусть и на эльфийском, Беккард чувствовал обращённый на него гнев.

Бородатый кивнул, не отводя взгляда от Беккарда, и добавил:

– Ты знаешь, кто мы, Реллок, и знаешь, чем мы занимаемся.

Беккард сглотнул, затем кивнул, поняв, что он может и не умрёт в итоге, но такая возможность вполне себе имелась.

– Пожалуйста, там мог быть мой сын... Мне нужно найти его, – попросил мужчина, указав в сторону разрушенного амбара.

Эльф снова заговорил.

– Ты купил не какую-то двухголовую кошку, а чью-то жизнь, – перевёл следопыт. – Как твою, или мою. Ты же всерьёз не верил, что будешь таскать его в Сюзейл или Глубоководье как обычное животное, которое показывает трюки за еду?

Беккард покачал головой, отчаянно высматривая у амбара хоть какое-то движение. И больше всего его пугало отсутствие такового.

Он перевёл взгляд обратно на парочку и ответил:

– Я знаю. Поэтому я и пришёл сюда. В отдалённое тихое место. Я не ожидал, что кто-то найдёт меня здесь. Мне нужно было время, чтобы решить, куда идти. Я видел, - он указал на эльфа, - что его народ следовал за нами, но когда мы добрались сюда, они пропали. Я не знал, кому ещё рассказать.

Эльф сказал что-то в последний раз, посмотрев на небо, а потом на Беккарда.

- Кое-кто нашёл тебя, - сказал бородач. – Кое-кто большой, синий и злой. Медные – естественные враги синих. Повезло, что мать тоже явилась, она отогнала синего прежде, чем тот разнёс ваше поселение по кирпичику. Если сегодня кто-то погиб, эта кровь – на твоих руках.

Беккард ещё раз кивнул, ему не терпелось бежать дальше, к амбару. Рейнджер снова схватил мужчину.

- Если когда-нибудь хочешь заполучить такое правильным путём, то прекращай принимать эгоистичные решения и начни – самоотверженные.

Следопыт развернул воротник подкольчужной туники, сверкнув булавкой, вырезанной в форме полумесяца и арфы; каждый из символов был украшен блестящей пылью.

Булавка скрылась из виду так же быстро, как и появилась, и оба Арфиста поступили так же. Беккард едва успел заметить, как они исчезают в темноте, прежде чем кинуться к амбару.

Мужчина поднял расщепленные доски и обнаружил тело сына. Обхватив его руками, он выдохнул, когда Нолло приоткрыл один глаз.

- О боги, Нолло!

Мальчик что-то невнятно пробормотал, потом напрягся.

- Всё в порядке, сын, ты в безопасности, - прошептал Беккард. – Большой улетел. Улетел.

Мужчина поразился, когда Нолло вспрыгнул на ноги, не обращая внимания на порезы и ушибы, и огляделся.

- Папа, детёныш...

Беккард крепко обнял сына, поняв, чего ему едва не стоило проделанное путешествие.

- Сбежал. Мать забрала его, и они улетели.

Сначала обняв отца в ответ, Нолло внезапно отстранился и сказал:

- Папа, не злись! Я запомнил!

Мальчик доковылял до МакДодда, которому помогали встать другие. Ловко выхватив кошелек задиры, Нолло вернулся, развязал его и отсчитал три медных монеты.

- Одна за него, - показал он на Крастера, лежащего в повозке, - и две за него, - в этот раз на МакДодда.

Беккард слишком растерялся, чтобы расспрашивать подробнее, но его сын улыбнулся и объяснил:

- По одной с каждого за просмотр, и ещё одна сверху – для него, - он вновь ткнул с сторону забияки.

- За что сверху? – задал очевидный вопрос отец.

- Потому что, пап! Вирм «потрогал» его!

КНИЖНЫЙ ДРАКОН

Джим Питрат

Середина Хаммера, Год Дикой Магии (1372 ЛД)

Красный Волшебник Нусэйр Даркул уставился в стоявший перед ним хрустальный шар. Образ его мастера, Неврона, зулькира Призывания, уставился в ответ. На волевом лице зулькира застыла древняя, сердитая полуулыбка, на расстоянии веявшая могуществом не меньше, чем при личной встрече. Нусэйр проглотил комок в горле, который, как ему казалось, всегда сопровождал ночным разговорам с всеильным призывателем. Зулькир не так часто пользовался услугами Гильдии Иностранной Торговли, куда он назначил Нусэйра. По мнению последнего, это была организация, предназначенная едва ли не только для шпионажа за Самас Кулом, её амбициозным главой. Неврон обычно выражал своё презрение волшебнику гневными тирадами. Но этой ночью зулькир внимательно выслушал доклад Нусэйра. Его сердитый голос гудел в шаре:

- Что нового даёт это открытие?

- «Скаламагдрион» ближе к нам, чем вы представляете, Мастер – он отделён от нас всего лишь Аламбером и находится в Малхоранде, – ответил Нусэйр настолько почтительным голосом, насколько мог, чтобы избежать возможных насмешек от зулькира.

Он отследил путь могущественной книги от самого её обнаружения в Миф Дранноре двести лет назад до места, где она теперь находилась – в доме коллекционера в самом центре столицы заклятого врага Тэя, Малхоранда. Контакты Нусэйра в анклавах помогли в обнаружении артефакта. Он даже немного жалел о том, что пришлось рассказать зулькиру об открытии, но возможность выслужиться перед Невроном была слишком соблазнительной, чтобы ей противиться. Провести остаток жизни бюрократом средней руки в гильдии или заслужить расположение Неврона, одного из семи самых могущественных Красных Волшебников Тэя – находка «Скаламагдриона» могла послужить разницей в этих двух вариантах.

- Самас Кул? – спросил зулькир, очевидно, интересуясь, не поделился ли Нусэйр этим секретом с ненавистным гильдмастером.

– Он ничего не знает, – уверил волшебник своего истинного мастера. Если бы Самас Кул узнал, перед кем на самом деле отчитывается Нусэйр, то не факт, что даже сам Неврон смог бы его защитить.

– Было бы глупо тратить такую силу на эту проклятую гильдию. Я, разумеется, могу придумать сотни других применений, – сказал Неврон, чьи губы вновь скривились в маниакальной усмешке.

– Конечно, лорд Неврон, – согласился Нусэйр. Несомненно, все эти другие применения были как-то связаны с соперниками зулькира и их союзниками, подумал он – возможно даже включая и самого Самас Кула. Книга с заключённой в ней магией – действительно ужасающее оружие. Кому нужны наёмные убийцы, если их работу выполнит дракон?

– Я не подведу вас, мастер! – добавил прислужник.

– Разумеется не подведёшь, – угрожающе прорычал Неврон; его глаза вспыхнули, когда он вперил свой взгляд в слугу через стекло, – ведь последствия для тебя тогда будут весьма неприятными. Всё ясно?

– Кристально ясно, мастер, – затрясся Нусэйр, склонившись над сферой.

Все знали, что Неврон мог призывать чудовищ из нижних миров и заставлял их выполнять его волю. Нусэйру не хотелось бы увидеть ни кусочка злобного исчадия преисподней.

На этих мыслях властный зулькир исчез из виду, всё ещё с ухмылкой на лице, словно врезавшейся в разум Нусэйра.

После неуютной встречи с мастером-призывателем, Нусэйр поспешил в свою библиотеку. Несмотря на требования Неврона, волшебник не сможет раздобыть «Скаламагдрион» самостоятельно. Самас Кул точно ястреб наблюдал за ним, ожидая, что он будет выполнять свои обязанности в гильдии в Безантуре. Нет, взамен он отправит свою лучшую ученицу, Сауру Умакру. Маг-рашеми была безжалостной. Что важнее, она ещё была тем, кого он мог контролировать. И это играло критическую роль в задумке Нусэйра.

Наконец-то после стольких лет целования ног Самас Кула волшебник почти ощущал свежий воздух свободы, которую могла дать лишь сила!

Саура Умакра нетерпеливо ждала, глядя через высокие арочные окна на море Аламбер, практически чёрное в приглушённом лунном свете и бьющееся о скалы внизу. Зимние ветра мчались над поверхностью воды, неся с собой те жалкие крохи естественной влаги, которые получало засушливое побережье Тэя. Скоро скудные дожди понесут красные потоки грязи к изумрудному сундуку Амберли. «Земля постоянно меняется, – думала она. – Ничто не остаётся прежним. Ничто».

Ветер свистел, протискиваясь в узкие щели окон Башни Даркул. Тепло ревущего камина позади грело спину, в то время как от исходящего от окна морозца щеки девушки покраснелись. Эта страна была обжигающе жаркой летом и такой же ледяной, когда зима покрывала поцелуями бесплодные равнины. Саура плотнее укуталась в плащ, пытаясь не пропускать холод.

Библиотека Нусэйра была самым большим помещением башни, обустроенным в уютной, хоть и мрачноватой, манере. Гобелены цвета чешуи багрового дракона тянулись от потолка к низу, закрывая все стены в попытках сохранять тепло и не давая холоду закрепиться внутри. Там, где гобеленов не было, ряды полок с книгами в кожаных обложках выстроились вдоль стен, словно красные кирпичи, обитые золотом. Ковёр того же цвета, что и драпировка на стенах, растянулся на каменном полу. Удобные стулья, обитые мягкой кожей расположились вокруг каменного камина, а в центре комнаты, будто драконий саркофаг, стоял тяжёлый деревянный стол с затейливой резьбой, изображавшей переплетённых драконов. На столе лежало несколько старых книг и наполовину скатанных свитков, и ещё стояли свечи. Маленькие огоньки метались и трепыхались в воздушных потоках, просачивавшихся из окон; их свет терялся в яркости разведённого в камине огня.

Большая дверь, единственный вход в помещение, распахнулась, оторвав внимание Сауры от зрелища за окном. В проходе стоял хозяин башни. И улыбался во все зубы.

Рашими посмотрела на наставника с плохо скрываемым презрением. Конечно, Нусэйр был красивым мужчиной. Высокий и стройный, как и большинство муланцев, он всё же был силен, в отличие от многочисленных последователей Искусства, размякших от постоянного обучения. Бритая голова его, густо украшенная причудливыми магическими татуировками, поблёскивала в свете огня. Маг носил красную мантию из лучшего шу-лунгского шёлка, которая заканчивалась почти у самого пола, слегка приоткрывая мягкие чёрные ботинки. Саура отметила, что он держался с высокомерностью эльфийского короля, при этом ничем подобным и близко не являясь.

Слишком долго ученица находилась в его тени и делила с ним постель, дожидаясь, когда получит в награду красные одежды. По мнению самой Сауры, всё, что разделяло её и заветную цель – это презрение Красного Волшебника к её рашеменскому происхождению. К сожалению для неё, чтобы заполучить одеяние, ей приходилось выполнять его приказы. Поэтому пять долгих лет девушка проглатывала свою гордыню. Саура не знала, сколько ещё сможет выдержать, но вездесуде станет быстрым, когда время придёт.

– Я ожидала вашего возвращения, как вы и требовали, – сказала она, вставая перед мастером на одно колено.

– Всё верно, – согласился мужчина, взмахом позволяя ей встать. – Не нужно жалеть об этом.

– Как скажете, мастер, – она натянуто улыбнулась.

Нусэйр шагнул вперёд и мягко коснулся её лица, проведя наманикюренными пальцами по щеке сверху вниз. Вытатуированный вокруг левого глаза драконий коготь внезапно сердито вспыхнул, как и всегда, когда волшебник трогал её. Внутренне Саура ослабилась, проглотив нахлынувшее от этого касания отвращение.

– Я наконец-то преуспел там, где провалились другие, – похвалился он.

Отвернувшись от девушки, он уставился на огонь, а его рука повисла вдоль тела. Нусэйр был человеком необычных даже для Красного Волшебника желаний. И Саура знала о них лучше прочих. Она болезненно отчётливо представляла себе его странные предпочтения под шёлковыми одеялами спальни, его вкус к горькому двергарскому

элю и его одержимость всем драконьим. Непреодолимая жажда обладания древними артефактами и хорошо спонсируемые экспедиции мага были хорошо известны остальным Красным Волшебникам, а также частенько становились объектом шуток.

– Какие же великие предметы вы обнаружили? – поинтересовалась она, веря лишь наполовину.

Но когда он снова повернулся к ней и взглянул прямо в глаза, все сомнения в правдивости результата очередного глупого предприятия внезапно исчезли – при виде уверенного и победного выражения его лица.

– Тебе нужна мантия, – сказал он, проигнорировав её вопрос.

– Конечно, – согласилась девушка, стараясь, чтобы её голос звучал ровно.

– Тогда у меня для тебя последнее задание, – шёпотом поделился он, будто боясь, что кто-то может услышать его секрет даже здесь, в глубине его собственного дома. Маг снова потянулся и коснулся её щеки, дразняще проведя ногтями по причудливой татуировке, вившейся вниз по нежному горлу и скрывавшейся затем под вырезом туники. Когда его рука добралась до горла, он вонзил заточенные ногти в плоть ученицы. – Я уверен, что его будет легче переварить, чем некоторые из других моих просьб.

Саура в этом не сомневалась. Годы службы в постели волшебника стали суровой ценой за обучение.

– И что бы это могло быть? – промурлыкала она игриво, стараясь не замечать нарастающей боли.

– Если у тебя получится, дорогуша, я исполню твоё самое сокровенное желание, – он позволил обещанию повисеть в воздухе долгое мгновение, прежде чем добавить: – Но Самас Кул не должен ничего узнать.

Рука Нусэйра задержалась на хрупком горле девушке ещё на пару секунд, затем он шагнул мимо неё и заглянул в арку большого окна. Саура облегчено выдохнула, когда хватка на шее пропала. Или истоком этого облегчения было то, что ей только было обещано? Она наконец-то получит красную одежду, о которой так долго мечтала – но мудро ли было скрывать информацию от опасного главы гильдии?

Саура поразмыслила об этом пару мгновений, потом кивнула и поинтересовалась:

– Что мне нужно сделать?

За мантию и завершение проклятого ученичества она готова была почти на что угодно.

– Я нашёл «Скаламагдрион»

Девушка резко выдохнула, не совладав с удивлением. Нусэйр разыскивал древний том всё время, что она его знала. И его ученица даже начала верить, что это всего лишь сказка, миф.

Книга являлась артефактом из самого тёмного прошлого Торила. Кто-то говорил, что её создали в Имаскаре, задолго до уничтожения этого древнего народа. Другие утверждали, что книга – родом из павшего Нетерила. Никто не знал наверняка. Рассказывали, что в артефакте был сокрыт секрет призыва диковинных, устойчивых к магии драконов из тайного места, недоступного иным другим путём. В руках нужного призывателя эта книга означала власть... и золото.

Её мастер улыбнулся ей, словно древний красный вирм, готовый поглотить свою жертву.

– Я отследил книгу от разграбленной крипты в Миф Дранноре до её теперешнего местоположения, Города Теней, - бахвалился он, имея в виду столицу Малхоранда. – Ты добудешь моё сокровище из Скальда.

В последний раз Саура посмотрела на дверь, её нынешнюю цель. К западу отсюда башни-близнецы Хорус-Ре вонзались в небо позади круглых оружейных башен Дворца Фараонов, точно два огромных клыка. Волшебница провела два последних дня, пытаясь найти таинственный магазинчик в глубине торгового округа Скальда, и уже теряла терпение. Почти невидимая в быстро наступающих сумерках и тумане, она ждала возможности забрать свою награду.

Когда тьма стала почти непроницаемой, а луна висела, почти полностью скрытая пухлыми дождевыми облаками, Саура выбралась из своего укрытия в узком переулке напротив здания. Низко натянув капюшон на глаза, она скользнула под защиту каменных колонн, к которым крепилась дверь.

Время комендантского часа давно наступило. Армия отбыла в Унтер, поэтому по улицам не позволялось шататься никому, кроме городской стражи и людей, выполняющих поручения фараона – ни под одну из этих категорий она не подходила. Малхоранд не очень любил Красных Волшебников в пределах своих границ. Если её поймут, то точно посадят в тюрьму. И скорее всего о ней больше никто никогда не услышит. Задвинув этот страх на задворки разума, девушка потянулась к запертой двери.

Когда она прошептала заклинание, замок отодвинулся, а дверь медленно и таинственно открылась внутрь. Ученица мага осторожно шагнула за порог магазина. Оказавшись внутри, она убедилась, что на обоих выходящих на улицу окнах закрыты ставни. Затем, раскрошив кусочек флуоресцирующего мха, чтобы призвать Искусство, она накинула простое заклинание света на зазубренный клинок своего кривого дирка. Комната осветилась жутковатым жёлтым светом, озарившим тысячи древних томов, инструкций, свитков и книг, беспорядочно разложенных и расставленных вокруг на площади около двадцати квадратных метров. В центре заваленной комнаты стоял маленький деревянный столик, почти пустой, за исключением потрёпанной бухгалтерской книги. Прямо напротив входной двери был ещё проём, ведущий прочь из помещения и прикрытый занавесью. Девушка догадалась, что проход вёл в жилую часть дома, и отвернулась, не рассматривая возможность того, что её цель могла быть и там. С коллекционером она разберётся позже. Не годится оставлять потенциальных свидетелей направо и налево.

Саура прошептала тайные слова и сложила пальцы в хитрые жесты заклинания, которое должно было определить все магические предметы в магазине. Почти каждая четвёртая книга обладала магической аурой, что удивило волшебницу. Решив искать самую яркую, она подошла к стопке книг и начала перебирать выявленные чарами,

выискивая ту, от которой бы веяло древностью и которая подходила бы под размытое описание Нусэйра – из кожи чёрного дракона и обитая медью.

Вскоре после начала ей пришлось прервать поиски, когда из-за висящей занавески донёлся голос, вспугнув её:

– Кто здесь? – неуверенно и с дрожью.

Какое-то мгновение Саура подумывала избежать прямого столкновения, но обещание красных одежд толкало её к обратному. Она убрала кинжал в ножны, тут же погрузив комнату во тьму.

Но так же быстро, как он исчез, свет снова полился в помещение, хотя был слабым и исходил из-за скрывавшего выход полога. Воровка быстро спряталась за большой кучей книг с кожаными обложками. Со своей позиции она наблюдала за осторожно вошедшим в комнату стариком с почти догоревшей свечой в одной руке, который другой водил перед собой магическим жезлом. Благодаря двум дням, проведённым в наблюдении, она знала, что это Мефнит Нандем, владелец лавки.

Мефнит был темнокожим и темноволосым. А ещё был бы высоким, если бы года не согнули его спину. Он казался испуганным. Саура решила, что он не очень опасен, и эта мысль вызвала слабую улыбку на лице волшебницы. Старик не являлся ни воином, ни магом, которого следовало бы бояться.

Саура выпрямилась и сказала:

– Я коллекционирую... интересные книги и древние записи.

– Или воруеть, – вздрогнув, ответил торговец и отпрянул, продолжая водить рукой. – Зачем ты пришла сюда, вломившись и колдуя в моём доме?

Пропустив вопрос мимо ушей, Саура заявила:

– Я ищу книгу, старик. По правде говоря, очень древнюю, с чёрно-медной обложкой.

Глаза коллекционера нервно метнулись влево, затем вернулись к женщине.

– Возвращайся утром, – попросил он. – Я не веду дела в ночные часы.

– Есть причина, по которой я пришла именно сейчас, – прошипела волшебница и откинула капюшон, обнажая выдающие тэйского колдуна татуировки.

– У меня везде охранные чары, – старик отступил ещё на шаг. – Придёт стража. Тебе следует уйти, маг. Вашему роду в Скальде не рады, – он продолжал сжимать магическое оружие потной ладонью. – Если тебя поймут, то убьют.

Терпение Сауры истоцилось. Она сомневалась, что старикашка имеет хоть какие-то познания в Искусстве – уж точно недостаточные для того, чтобы выставить охрану от той магии которой могла владеть девушка. Но она понятия не имела, удалось ли ему предупредить стражу. Время уходило. Она решила сыграть на его жадности и вытащила из складок плаща сумку, высыпав её содержимое на маленький столик. Десять выпавших красивейших рубинов покатались по столешнице. Глаза мужчины расширились от изумления.

– Щедрое предложение, – улыбнулась волшебница.

Мефнит колебался пару секунд – он явно заинтересовался. Но его ответ разочаровал девушку.

– Я уверен, что недостаточно, – кашлянул делец. – Если выяснится, что я якшаюсь с тэйцами, то прирежут и меня.

– Я устала от болтовни, – нацепив угрожающий вид, Саура протянула руку, схватила старика за плечо и подтянула его лицо вплотную к своему. – Это моя цена, – прорычала она. – Следующее предложение будет гораздо выше!

Последнюю фразу она произнесла, выгнув бровь и хищно оскалившись – это была не угроза, а всего лишь констатация факта.

Взгляд перепуганного коллекционера вновь метнулся в сторону и обратно.

– К-как я могу верить слову... тэйского волшебника? – запинаясь, пролепетал он.

– Никак! – наконец потеряв терпение, выкрикнула девушка.

Её рука, словно атакующая кобра, метнулась вперёд и выбила жезл из трясущейся руки. Волшебница видела страх в глазах отступающего к выходу человека. Сначала она хотела убить его магической стрелой или другим заклинанием – быстро и чисто. Но передумала. Иногда Саура предпочитала простую сталь. С изяществом охотящейся хищной кошки она выхватила нож и принялась за работу.

Спустя три дня после убийства владельца лавки и похищения книги, коленопреклонённая Саура стояла перед Нусэйром, держа мешок с великим артефактом. Их снова окружали стены библиотеки.

– Я вернулась, мастер, – сказала она.

Дорога обратно в Безантур даже близко не была настолько долгой, как дорога в Скальд. Наставник снабдил ученицу камнем возвращения, позволившим бы ей телепортироваться на основную базу, когда та захочет. Естественно при условии, что она успешно справится с заданием и добудет «Скаламагдрион».

– Принесла? – потребовал он.

Ему стоило подумать над вопросом. Девушка никогда не вернулась бы без артефакта, подобный провал стоил бы ей жизни или, что хуже, обучения в Башне Даркула.

Тем не менее она подыграла:

– Да, мастер, принесла.

Саура поднялась и кинула сумку на большой стол; драгоценная книга наполовину выскользнула на потёртую поверхность. Глаза учителя загорелись, и девушка не смогла сдержать победное чувство, захватившее её.

– Теперь ваша часть сделки, – предложила она.

Нусэйр подошёл к столу, повернувшись спиной к своей красивой ученице, и положил руку на сумку с книгой.

– Да... насчёт этого... – начал он.

Победное чувство ухнуло куда-то вниз.

Позже ночью Нусэйр выскользнул из-под шёлковых одеял, позволив губам в последний раз невесомо коснуться уха Сауры. Она лучше кого бы то ни было знала, как ублажать его.

Какое-то время он раздумывал, не взять ли девушку с собой в библиотеку. Но это было бы глупо. Зачем давать ей ещё больше силы, чем у неё уже есть? Некоторые удовольствия стоили того, чтобы от них не отказываться, несмотря на цену. Кроме того, будь он проклят, если станет одним из немногих Красных Волшебников, кто официально позволит рашеми вступить в их красный круг. Он будет посмешищем, и потеряет все шансы приблизиться к Мастеру Неврону с тем же успехом, как если бы он просто спрятал «Скаламагдрион», намереваясь оставить себе. Приняв решение, маг настолько тихо, насколько мог, накинул свою красную мантию и покинул спальню, направившись в библиотеку и оставив девушку мирно спать в его постели.

Красный Волшебник открыл дверь и оглядел погружённый во тьму читальный зал. На столе, скрытый тенями, покоился «Скаламагдрион», чья обложка слабо светилась красным цветом. Маг подумал, а не развести ли огонь, чтобы прогреть остывшую комнату, но собственная нетерпеливость не дала ему это сделать. Он быстро пробормотал заклинание, и крошечные огоньки прыгнули с его пальцев на свечи, размещённые на столе и стенах, давая достаточно света для чтения.

Медные фермуары сжимали древнюю книгу словно сокрушительно мощные лапы страшного вирма. Нусэйру казалось, что фигуры драконов, на которые жутко было даже смотреть, корчились и менялись на переплёте, будто щёлкая челюстями на невидимых жертв, а их огромные когти и острые зубы загадочно поблёскивали в свете свечей. Но, странное дело, ничего подобного на обложке не было.

На секунду Нусэйр заколебался. Но книга обещала слишком многое. Он зашёл чересчур далеко, чтобы бояться какой-то жалкой иллюзии. Под обложкой ждали богатство и мощь за пределами даже его воображения. Древний том станет его определяющим открытием. Когда он раскроет его секреты и передаст книгу Неврону, он вполне может вознестись на самые высокие уровни тэйской иерархии... может даже станет управлять тарчем или станет доверенным помощником самого зулькира Призывания.

Твёрдо вознамерившись открыть с таким трудом добытое сокровище, Нусэйр проглотил комок страха, пробравшийся в его горло. Он трясущимися руками потянулся потрогать – осторожно – чёрную кожу. Сила и древность гримуара запульсировали под его пальцами, и маг отшатнулся.

Этот том был создан задолго до появления Малхоранда на Ториле, в тёмных и окутанных тайнами дворцах и шпилях Имаскара или, может быть, Нетерила, где теперь остались лишь коричневые пустыни и пустоши, свидетели разбушевавшейся мощи. Но это было очень давно, истоки позабытых государств почилы вместе с королями и фараонами прошлого. Властолюбивому Красному Волшебнику было чем заняться, вместо того, чтобы задумываться о стародавних погибших цивилизациях.

Он снова потянулся и схватил странную обложку дрожащими руками, позволив своим пальцам перебраться на металлическую застёжку. Затем откинул кожаную полосу, крепящую её. Внезапно маг понял, что его дыхание вырывается короткими выдохами. Чего ему стоило бояться? Его ожидали лишь слова на страницах, укорял он себя. И всё же все его инстинкты говорили ему оставить книгу закрытой. «Не буди вирма, пока он спит мирно», как гласила одна старая пословица.

– Пф! – громко фыркнул Нусэйр на всю пустую комнату. Он же Красный Волшебник, чепуха из женских сказочек и неоправданные страхи не напугают его.

Глубоко вдохнув, он нарочито медленно открыл книгу. Склонился вперёд, чтобы рассмотреть то, над получением чего он так долго трудился. Но когда переплёт коснулся дубового стола, страницы «Скаламагдриона» издали долгий глубокий стон, похожий на последний болезненный вздох умирающего.

Без каких-либо других предупреждений, кроме этого одиночного звука, огромная рептилия выпрыгнула из книги, чьё всё увеличивающееся тело сокрушило стол, послав дубовые щепки во все стороны. Дракон с мощными мускулистыми лапами и невзрачными крыльями был в два раза выше Нусэйра. Его хвост тянулся ещё на длину туловища и заканчивался пластиной-лезвием. Серо-серебристые чешуйки змея блестели точно платина в свете огня, а приоткрывшиеся челюсти обнажили ряды бритвенно-острых зубов, сверкавших как алмазы.

– Лореат Леветикс, – прошипело чудище, чей голос словно скрипел на языке; его горячее дыхание оведало лицо волшебника.

Нусэйр выдохнул. Сердце его застучало сильнее, грозя вырваться из грудной клетки. Он сразу же узнал эти слова: «Умри, Маг».

И комната погрузилась в тишину.

Нусэйр попятился, упал на спину и начал отползать, пытаясь увеличить расстояние между собой и ухмыляющимися челюстями. Скаламагдрион, смотря на него сверху вниз с ужасающим злорадством, приближался и следил за каждым движением волшебника.

Маг потянулся к своему разуму за подготовленными заклинаниями. Выбрав одно из них, то, которое должно было поджарить существо в адском пламени, Красный Волшебник пробормотал взывающие к Плетению слова. Ничего не произошло; его голос затерялся в магической тишине, наложенной драконом. Выругавшись про себя, Нусэйр бросился к двери.

Но так её и не достиг.

Дракон возник между волшебником и дверью, приземлившись на деревянный пол с громким хрустом, сотрясшим всю башню. Зверь полоснул было Нусэйра массивными когтями, но маг оказался слишком проворен. Уклонившись влево, он бросился на землю. Когти-кинжалы свистнули, пройдя в сантиметрах от головы человека. Красный Волшебник перекатился на спину и попытался встать. Но как раз в этот момент второй коготь пробороzdил его грудь.

Под ужасным ударом раздались как магические одеяния, так и плоть. Нусэйр беззвучно закричал со всей силы лёгких, когда кровь брызнула на пол, а рёбра затрещали точно связка прутиков под ногой.

Глотая воздух, с долбящей по вискам болью, он посмотрел наверх, на своего врага. Скаламагдрион выгнулся, готовясь нанести ещё один удар, но челюстями. Дракон смотрел на волшебника. Монстр, казалось, наслаждался паникой на его лице, пока его зубы блестели в свете оставшихся свечек. Нусэйр содрогнулся от ужаса, готовясь к неизбежному.

И в этот момент он вспомнил про волшебное кольцо, которое он носил как средство последней надежды. Слова не требовались для его активации, только лёгкое движение кистью. Что он и сделал, отчаянно надеясь, что хоть что-то сработает против его убийцы. Четыре синих шарика яркого света вырвались из кольца и

полетели стрелами в бронированную грудь дракона, испуская ослепительные белые вспышки при столкновении.

Но радость Нусэйра при виде успешности его атаки исчезла, когда мерцающая чешуя поглотила магическую энергию шаров. А затем, с той же скоростью, с какой они поразили дракона, сферы выскочили из его тела и полетели обратно в волшебника. Красный Волшебник лишь едва успел издать ещё один крик, поглощённый магической тишиной, прежде чем первый волшебный снаряд достиг его. Взрывы растерзали его тело. Он содрогнулся, когда сила зарядов хлынула в него, ломая, обжигая и заставляя корчиться от боли.

Жутко изуродованный, но всё ещё живой, Нусэйр перекатился и отчаянно пополз к двери. Его окровавленные пальцы оставляли царапины и блестящие багровые следы на твёрдом дереве пола. Но до того, как маг смог покрыть последние метры до выхода, дракон прыгнул на него, приземлившись прямо на спину; острые когти его беспрепятственно пронзили туловище, расщепив доски под ним.

В этот момент жизнь Нусэйра и оборвалась.

Дракон позволил покрову тишины спасть, перевернул безжизненное тело мага и заглянул в мёртвые глаза. Затем, взревев в последний раз, Скаламагдрион схватил тело и прыгнул на книгу, исчезнув промеж страниц. Всё, что осталось от когда-то влиятельного Красного Волшебника – это порванная красная мантия и кровавый след, рассказывавший о его судьбе.

Прошло ещё несколько мгновений, прежде чем из тёмного угла вышла обнажённая Саура с зазубренным дирком в руке. Она подошла к одеянию мага, содрогнулась, затем самодовольно ухмыльнулась. Присев над объектом своих сокровенных желаний, краткий миг она рассматривала последствия её предательства. Потом накинула потрёпанные и обгоревшие остатки мантии Нусэйра на гладкие плечи и подошла к закрытой книге.

– Ты недооценил мои способности, Нусэйр. Я узнала секрет Скаламагдриона задолго до своего возвращения, – сказала она, обращаясь к древнему тому, затем добавила: – Самасу Кулу наплевать на моё происхождение, и он будет очень рад твоему подарку.

Саура вышла из комнаты с древним артефактом в руках и с вожденной, хоть и порванной, мантией на теле.

ОБЕЩАНИЕ СВОБОДЫ

Эд Джентри

Киторн, Год Дикой Магии (1372 ЛД)

Древний синий дракон лениво перекатился на брюхо, полностью пробудившись от долгой спячки. Когда он встряхнулся, монеты и драгоценные камни, застрявшие в лазурной шкуре, осыпались и зазвенели по горе сокровищ, на которой он отдыхал. Огромными глазами зверь осмотрел пещеру, проверяя каждый из хранившихся здесь ценных предметов. Вздохнув, колоссальное существо развеяло остававшиеся защитные чары вокруг его жилища, позволяя посетителю войти в наиболее глубоко расположенную часть каверны.

– Приветствую, Геринвиох, – сказал незадачливый нарушитель, наконец появившись в поле зрения и стряхивая песок и пыль с фиолетового плаща.

Слипшиеся от пота короткие, седеющие волосы настолько плотно прилипли к крутому лбу, что казались продолжением лица, будто плоть превращалась в серые полосы. Вышитые на рукавах мантии символы выдавали в человеке обитателя Эстамунда.

– Ты ведь Геринвиох, не так ли? – уточнил мужчина, продолжая отряхивать одежду.

В течение долгих секунд дракон рассматривал стоявшего перед ним человека, судя по виду – волшебника. Затем Геринвиох моргнул и протяжно зевнул.

– Дракон! Ты будешь меня слушать!

Старый вирм вскочил на лапы и дёрнулся вперёд, остановив однорогою голову в каких-то сантиметрах от лица ошарашенного человека. На губах зверя расплылась улыбка, когда он медленно убрал голову назад.

– Я задам несколько вопросов, дракон, – сказал маг, когда его тело постепенно расслабилось.

Утробный хохот Геринвиоха отразился радостной какофонией от каменных стен его обители.

– Стал бы ты давать аудиенцию муравью? – отозвался дракон, затем продолжил, не давая человеку возможности ответить. – Желаеть забрать часть моих сокровищ себе? Где же твои сообщники-воры, насекомое?

– Сокровищ? Зачем мне нужна такая куча бесполезного барахла, как эта? – удивился волшебник, обводя рукой накопленные в пещере богатства. – Тем, что я ищу, тебе никогда не завладеть, для этого требуется истинная сила.

Геринвиох молча смотрел на человека, чувствуя, как в нём поднимается любопытство.

– Этот предмет где-то здесь, в Пыльной Пустыне, – начал человек, прокашлявшись. – Ты живёшь в этих краях уже много лет, поэтому я подумал, что могу воспользоваться одним реликтом, – продолжал волшебник, лучезарно улыбаясь, – чтобы найти другой.

Геринвиох вернул улыбку:

– Видимо и правда ты думаешь, что эта вещь так ценна, раз пришёл как мне, Великому Синему, – протянул он, сделав ударение на последних словах. – И что же ты ищешь, человек?

– Оно называется «Эвизе Джонтил». Это божественный дар Сета его последователям, – насмешливо объяснил человек, очевидно, сомневаясь в религиозном происхождении артефакта.

Геринвиох быстро опустил взгляд.

– Ты слышал о нём, – скорее заявил, нежели спросил волшебник. – Где он? Ты должен мне сказать! – его нижняя губа задрожала.

– Ты не захочешь им владеть, маг.

– Где он? – настаивал собеседник, чуть ли не бросаясь вперёд.

– Лучшие клирики Сета и нанятые ими колдуны не смогли его контролировать, – возразил дракон, довольный волнением человека.

– Там, где не справились они, Кинас Бронихим преуспеет, как и всегда.

– Бронихим? – переспросил вирм, чей громахующий голос резко оборвался. – Из Эстамунда...

– Да, – подтвердил волшебник, медленно повернув голову.

– Ты – тот, кто сразил Древнего Зелёного, Ронацинадерина? – спросил дракон, надеясь, что человек заглотиёт наживку.

– Да, я разобрался с хныкающим трусом, – похвалился Бронихим, приосанившись и в то же время покраснев. – Где ты об этом услышал?

– Весь мой род на расстоянии сотен километров знает об этом, – отозвался Геринвиох, изо всех сил стараясь не улыбнуться, услышав ложь нарушителя его покоя. Вирм поздравил себя с успешной уловкой. Смерть Ронацинадерина – от старости, напомнил себе змей – сегодня послужит на благо развлечения. Конечно, зелёный вирм не был Геринвиоху другом, но ни один дракон не заслуживал того, чтобы его смерть была на счету какого-то человеческого вредителя. – Однажды и я бился с Ронацинадерином, – продолжил старый дракон, подняв громадное крыло, под которым скрывался глубокий бледный шрам в виде двух длинных неровных полос. Если уж врал человек, то почему ему нельзя?

– Вижу, у меня получилось лучше, – протянул маг, разведя руки и медленно покрутившись на месте.

– Похоже на то, – согласился Геринвиох.

– Так где артефакт? Я пришёл сюда не за тем, чтобы обсуждать бесполезную жалкую ящерицу, – сказал человек, явно отчаянно стараясь вернуть беседу в интересующее его русло.

– Зачем ты его ищешь? – потребовал дракон, не сводя глаз с гостя. – Хочешь его силу?

– Полагаю, по той же причине, по которой ты собираешь сокровища. Потому что я его хочу, и он должен принадлежать мне, – растолковал маг, на чьём лице уже собирался пот.

– Его мощь слишком велика, человечиска. Никто не сможет контролировать его вечно, – Геринвиох медленно опустил веки и испустил долгий, усталый вздох. – Никто.

– Я, в отличие от многих, – возразил Бронихим, искоса взглянув на дракона, – более чем способен покорить его тайны.

Тихое рычание зародилось в горле змея, нарастая до скрипучего рокота – хотя он всего лишь хотел рассмеяться. Человек оказался восхитительно самоуверен. Его руки

начали двигаться в жестах заклинания. Дракон замолк и медленно шагнул назад. Движения рук прекратились.

Геринвиох едва не потерял выдержку, но, пожурив себя, продолжил отступать.

– Ты должен сказать мне, где найти этот предмет, – не успокаивался маг, его голос приобрел бархатную вкрадчивость, словно он уговаривал ребёнка.

Геринвиох мог наслаждаться этой игрой часами, поэтому ему пришлось напомнить себе о том, как недолго люди могут концентрировать своё внимание на чём-то. Пора было дать ловушке захлопнуться.

– Покинув моё жилище, отправляйся на юг, держась горной цепи. Когда доберёшься до самой высокой вершины, поверни на восток. Через некоторое время увидишь необычно большой камень, поднимающийся над песком. Артефакт будет рядом, – объяснил вирм, слегка опустив голову.

– Куда дальше от камня? – выкрикнул волшебник, подходя ближе к дракону.

– Я оставил Эвизе Джонтил там много лет назад и не помню точного расположения, – отозвался Геринвиох, отступая.

– Если я пойму, что ты обманул меня, вирм... – Бронихим не стал договаривать и развернулся, чтобы уйти.

– Его магия станет твоим концом, Груантэ, – предостерёг дракон, наслаждаясь тем фактом, что это предупреждение лишь подстегнёт идиота.

– Это какое-то унижительное прозвище для людей на твоём языке, вирм?

– Мои извинения. Это имя, – объяснил Геринвиох, скрывая усмешку. – Ты напомнил мне кое-кого.

Волшебник бросил последний хмурый взгляд через плечо, прежде чем уйти.

Когда нарушитель скрылся, большой дракон снова улёгся на своей горе сокровищ, нежась в их холодных объятиях, и начал смеяться. Груантэ понравился бы этот Бронихим, подумал он. А может и нет. Общие цели вроде бы объединяли людей, хотя вирм полагал, что общая жажда власти скорее вызовет разногласия. Ну да не важно. Все равно для всех, кто обладал глупым желанием обладать таким могуществом и был настолько ограничен, что не мог распознать собственное безрассудство, всё всегда заканчивалось одинаково. Теперь Геринвиох убедился в этом на примере уже двух таких глупцов.

Кинас Бронихим парил в нескольких сантиметрах над обжигающим песком пустыни, забираясь на очередную дюну. Наконец он заметил камень, который искал. Его грубая форма вырывалась из песка, поднимаясь на высоту в три раза больше роста человека. Быстро осмотрев окрестности, маг продолжил идти на восток, решив, что для начала поисков это направление ничем не хуже прочих. Но, прочитав малое обнаружение чар, он не обнаружил поблизости ничего магического.

Бронихим посмотрел вверх, на палящее солнце и вполголоса пробормотал проклятия синему дракону. Он покинул логово много часов назад и уже начал думать, что его обманули. Отвернувшись от светила, он заморгал, пытаясь избавиться от пятен перед глазами, затем продолжил поиски. Внезапно он сместился влево и упал

на песок, стараясь избежать столкновения со стеной маленькой хижины. Поднявшись и отряхнувшись, он захолопал глазами, не веря им – маг увидел яркие разноцветные домики с покрытыми соломой крышами повсюду. Там, где всего лишь миг назад была пустыня, теперь раскинулся маленький городок.

Повернувшись, он увидел убегающую с криками женщину. Скрипучие двери многих жилищ слегка приоткрылись, когда их обитатели выглянули на улицу. Выйдя из боковой улочки, к магу подошёл темнокожий мускулистый юноша с улыбкой на лице.

– Что это за место? – спросил Бронихим, всё ещё вытягивая шею, чтобы рассмотреть всё вокруг.

– Пожалуйста, пойдёмте со мной, я отведу вас к тому, кто сможет ответить на все вопросы, – позвал встречающий.

Маг последовал за ним к одному из домиков ближе к центру городу и вошёл в плохо освещённую комнату. Воздух наполнился запахами благовоний, а мебели здесь хватало в избытке. Женщина с широким разрезом глаз сидела на кушетке почти в середине помещения. Она кивнула спутнику мага, и тот поспешил уйти. Её острое, угловатое лицо хранило в себе приятную теплоту, но казалось почти суровым в сочетании с необычайно гибкой фигурой.

– Я – Мориандро из Лииресса, – представилась женщина.

– Кинас Бронихим из Чевииондата. Что это за место? Я не знал ни об одном городе в Рорине.

– Это неудивительно, – отметила женщина.

Пару мгновений Бронихим разглядывал собеседницу. В её глазах была доброта и, как ему показалось, жалость. Маг не мог себе даже представить, почему она могла жалеть его.

– Я ищу...

– Эвизе Джонтил, – закончила она.

– Значит ты знаешь, где он? – широкая улыбка едва не поглотила всё лицо мужчины.

– Здесь, в центре города, – признала она, поникнув головой.

– Имеешь ли ты право распоряжаться им или продать? – спросил Бронихим.

Высокая женщина рассмеялась и покачала головой, затем предложив сесть.

Бронихиму, как и всему его народу, нравилось торговаться. Он сомневался, что женщина будет представлять хоть какой-то вызов, но, усевшись, все равно начал осторожно складывать пальцами узоры заклинания, которое позволило бы ему понять, если она попытается схитрить.

– Нет, стой! – вскрикнула та, наклонившись вперёд и с неожиданной скоростью и силой схватив его ладони.

Несколько секунд маг потрясённо молчал, наблюдая, как Мориандро успокаивается. Он не смог заставить себя пожаловаться на эту выходку, выглядевшую как оскорбление. Её касание было тёплым и искренним. Женщина остановила его не для того, чтобы помешать приобрести нечестное преимущество в переговорах. В этом мужчина был уверен.

– Ты из Чевииондата, в Эстагунде, – сказала она через какое-то время, затем спросив: – Тебе знакомо имя Аниолона Груантэ?

При упоминании произнесённого драконом имени глаза Бронихима расширились.

– Знакомо, не так ли?

Волшебник нахмурил брови и провалился ещё глубже в кресло напротив приятной женщины.

– Вирм использовал... – начал он, но Мориандро прервала:

– Геринвиох.

– Ты знаешь... – сделал ещё попытку маг, но горло перехватило.

– Да, нам здесь известно его имя. Хорошо известно. Меня не удивляет, что он поддразнил тебя, упомянув Аниолона, – закричала женщина зубами.

– Да кто такой этот Груантэ? – взорвался волшебник, чья изначальная цель сейчас казалась очень далёкой.

– Позволь мне рассказать о нём и о тех наших предках, которые последовали за ним и встретили свою судьбу в Год Разящих Заклятий.

– Этому городу триста девяносто шесть лет? – уточнил Бронихим, в чьём голосе явно сквозило недоверие.

– Значит, вот как давно это было? – ужаснулась женщина, опустив плечи. – Несколько поколений назад наш народ устал следить за ходом времени, а без записей о тех годах начинать заново бесполезно.

– Как вы могли не...

– Обещаю, я всё объясню, но позволь мне сделать это по-своему, – попросила она.

Кинас Бронихим кивнул, не зная, что бы он ответил, даже если бы хотел возразить.

Мориандро на минуту притихла, сделала глубокий вдох и начала рассказ.

Аниолон Груантэ шёл через недавно основанный им, совсем молодой город, наблюдая за его людьми, кующими свою новую жизнь посреди пустыни. Рабочие выкапывали ямы под фундаменты домов и смешивали глину для стен с пигментами разных оттенков, что должно было придать жилищам яркий цвет. Низенький человечек провёл пальцами-сосисками по редующим чёрным волосам и улыбнулся ему.

– Аниолон, ты уверен, что это единственный способ? – спросила рыжеволосая женщина за его спиной.

Основатель обернулся посмотреть на неё, и его глаза заскользили по её соблазнительным изгибам, скрытым под несколькими полосками ярко-красного шёлка, едва-едва позволявшими соблюдать хоть какое-то приличие.

Мужчина наклонился к ней, провёл пальцами по не закрытым тканью бёдрам и ответил:

– Лиира и Шаресс благословили наше путешествие и наш город. Что может пойти не так?

Тут высокий старик, одетый так же, как и сам Аниолон, подошёл к паре.

– Аниолон, ты не поклоняешься ни одной из этих богинь, так что оставь эту религиозную ерунду, – попросил он, затем вздохнул: – Мы глупцы. Проклятые наёмники раджи рано или поздно найдут нас, и, видят боги, скорее всего это случится рано. Нужно встретить их.

– Нужно идти за нашей мечтой, мой друг, – возразил основатель подошедшему, давая понять, что услышал его, хотя всё ещё не сводил глаз с прелестной молодой последовательницы Шаресс. – Мы не сможем победить его наёмных магов, этих несчастных бедолаг. Их интересует только то, чем их треклятый повелитель приказал им интересоваться, ну и, разумеется, оплата. Именно от этой мании служить и подчиняться вельможам мы и бежим. Ты не хуже меня знаешь, что они никогда не прекратят охоту.

– Правда в том, что ты понятия не имеешь, что делать, ты просто хочешь вести за собой... и чувствовать себя важной птицей, – возразил собеседник. – Просить о помощи дракона? Аниолон, это безумие.

– Я веду вас к спасению, – настаивал основатель города, наконец-то повернувшись к старику.

– Мы можем победить этих колдунов, – не уступал тот.

– Дракон один, а наёмников раджи много... слишком много, – сказал Аниолон, отходя от женщины.

– Да что мы вообще можем предложить дракону за помощь? – спросил старец.

– Сокровища, или что угодно, что сможет его заинтересовать, – отмахнулся мужчина, затем повернулся и крикнул рабочим:

– Друзья, мы уходим! Молитесь Лиуре и Шаресс, чтобы я нашёл путь к нашей свободе!

Стоявшие рядом с магом обменялись обеспокоенными взглядами, когда он оставил только «я» во втором предложении. Толпа же радостно взревела. Кто-то махал, кто-то желал уходящей группе удачи, а кто-то просто воспользовался возможностью отдохнуть.

Аниолон продолжал смотреть, как некоторые из них решили предаться ещё более приятному времяпрепровождению во время перерыва. Он наблюдал, как низкий мужчина и молодая женщина – на много лет младше него – обнялись и страстно поцеловались. Их руки исследовали тела друг друга, медленно избавляя их от скудной одежды. Многие горожане остановились поглазеть на любовников, некоторые из них сформировали парочки или группы, занявшись тем же самым. Маг-основатель впитывал в себя это зрелище и широко улыбался. Он знал – сцена, подобная той, что сейчас разворачивалась перед ним, в Эстагунде была бы сродни ереси.

Он нашёл всех этих людей, и они показали ему другой подход к жизни. В свою очередь он пообещал отвести их в место, где они смогут поклоняться кому угодно и жить как считают нужным, не боясь так называемых «благородных правителей» Эстагунда. Всё что от них требовалось – принять его. Аниолону приходилось признать, что ему нравилось их почтение. И правда приятно, думал он. Маг-основатель ругал правителей-тиранов Эстагунда в своих речах, обращённых к народу, надеясь, что люди попросят вести их. В конце концов, свобода бесценна.

Один из последователей, стоявших рядом, хлопнул волшебника по плечу. Аниолон кивнул, едва слышно вздохнув, и отвернулся от приятного зрелища перед ним, готовясь начать своё путешествие. Лидерство – тяжкое бремя, решил он.

Аниолон и выбранные им спутники прибыли к логову зверя спустя несколько часов. Магический полёт весьма ускорил дорогу. Компанию ему составляли два бывших воина из Эстагунда, два священника Ллииры, жрица Шаресс и старый маг, с которыми они вместе изучали план Аниолона.

Имп, которого маг-основатель призвал несколькими днями ранее – маленькое злобное существо по имени Кионо – рассказал ему о местоположении дракона и предупредил, что логово будет под охраной чар. Меньшего Аниолон и не ожидал. Они вместе со старым волшебником изучали вход в пещеру. К их большому удивлению, маги не нашли ни следа каких-нибудь активных магических ловушек или заслонов.

Войдя внутрь, группа обнаружила большой одиночный туннель со стенами настолько гладкими, что они явно не могли быть образованы естественным путём. Аниолон задался вопросом, как же дракон смог так идеально их обработать. Магия? Дворфы-рабы? Таких работников молодому магу было бы жаль. Быть в рабстве у того, в кого даже не веришь – такое быстро разрушает самую суть естества. Аниолон устремился вперёд, ещё более решительно, чем прежде. В течение долгого времени вся делегация шла по хаотично виляющему туннелю, неуклонно ведущему всё ниже.

Ни разу за сотни лет его жизни живое человеческое существо не проникало в жилище Геринвиоха. Конечно, однажды заявился лич, разыскивая зачарованные сапфиры для какого-то впечатляющего колдовства, но личи вряд ли могут считаться живыми. Впрочем, с правильной комбинацией контролирующих чар они становились отличными стражниками таких убежищ, как это. Ментальным усилием дракон снял охранные сгилы и прочую защиту жилища, включая особенно раздражающее и несмолкаемое заклинание, самым первым оповестившее его о присутствии нарушителей. Превосходное, но все равно раздражающее.

Было очевидно, что ими движет. Вирм обвёл взглядом свой дом, и блеск гор бесчисленных сокровищ отразился в его глазах. Люди и их жадность. Геринвиох покачал головой и приготовился немного повеселиться.

Семеро? Только семеро гостей, отметил дракон. Настоящее оскорбление. Он чуял смрад от них и знал, что они появятся на входе во внутреннее отделение в любую секунду. Огромный синий вирм твёрдо упёрся лапами и выгнул толстую шею. Чешуйки на туловище прямо-таки гудели от переполнявшей его мощи, и знакомый запах его тела наполнил ноздри. Нарушители завернули за последний угол и, наконец, появились на виду. Дракон сомневался, что они могли видеть также хорошо, как он, в темноте его дома.

Он раскрыл пасть и выпустил вместе с дыханием молнию. Энергия полилась из его горла, пульсируя между челюстями. Это бодрило.

Как и ожидалось, люди были плохо готовы к нападению. Только один избежал прямого попадания – маленький человечик как-то умудрился отпрыгнуть и укрыться в глубоких тенях за сталагмитом.

Другой лежал на земле; дым поднимался от его одежды, но человек всё же был жив, наверняка благодаря какому-то заклинанию. Рыжеволосая женщина корчилась в последних секундах тихой агонии у стены пещеры, два других трупа пустыми глазами уставились на потолок, а их мантии сплывали с кожей. Оставшиеся двое стали просто кучками неузнаваемой обугленной плоти.

– Пожалуйста! Мы пришли поговорить! Мы не желаем тебе зла! – прокричал из-за камня избежавший удара мужчина.

Геринвиох, с удивлением на морде, медленно приближался к нему.

– Помоги нам, – простонал человек.

– Помочь? – переспросил дракон, одновременно заинтригованно и озадаченно. – Выходи.

Мужчина выполз на четвереньках. Его лицо напомнило дракону монету – настолько идеально круглым оно было. Мантия и прочее снаряжение выдавали в нём волшебника.

– Пожалуйста, помоги моему городу и... – маг запнулся, – и мне. Ты должен помочь моему городу.

– Ты пришёл просить о помощи? – вирм пристально рассматривал нарушителя.

– Да. М-меня зовут Аниолон Груантэ, – лепетал тот, поднимаясь на ноги. – Мы... мы не можем их остановить. Ты должен нам помочь.

– Кого вы не можете остановить? – спросил Геринвиох, кружа вокруг трясущегося человека, моргавшего при каждом тяжёлом шаге. Всё это тянуло на самое необычное и развлекательное событие за многие годы драконьей жизни.

– Эстагунд... Охотников из Эстагунда. Посланных самим раджой.

– Ты хочешь, чтобы я уничтожил их для тебя?

Маг кивнул, и его голова, казалось, готова была отвалиться в любой момент.

Повисла долгая тишина, пока человек наконец не продолжил:

– Мы можем заплатить сокровищами. Мы даже можем работать в шахтах для тебя.

– Почему бы просто не сбежать? – спросил дракон, всё ещё расхаживая.

– Нет! Он не должен им достаться! – выкрикнул мужчина, яростно мотая головой.

Геринвиох остановился и широко улыбнулся.

– Что же такого в этом городе, чем вы так дорожите?

– Сам город. В нём нет ничего ценного, – ответил волшебник. К его собственному удивлению, дракон поверил человеку. – Кроме сокровища, которым мы хотели тебе заплатить, разумеется, – добавил тот, сжав губы и опустив глаза в пол.

«Ну, полуправда лучше, чем явная ложь», – подумал Геринвиох.

– Этот твой город, полагаю, где-то рядом. Долго же я спал, иначе он бы никогда не был построен, – протянул дракон, обращаясь больше к себе, чем к собеседнику. – Почему бы мне не пойти и не уничтожить его собственноручно? – добавил он, не сводя взгляда с мага.

– Нет! – вскричал Аниолон, шумно задышав. – Прошу, не делай этого. Это моя мечта.

- Вот как? И о чём же насекомые мечтают?
- О свободе, – ответил человек, опустив голос до шёпота.
- О свободе? Этого вы так отчаянно жаждете?

Человек лишь кивнул.

Геринвиох едва не рассмеялся. Свобода. Что это могло значить для людей? Возможно, есть способ выяснить, решил вирм. Сдерживать улыбку было тяжело.

- Ты – глава города?

Аниолон снова закивал.

- Так это ты привел свой народ сюда из Эстагунда? В поисках свободы от чего?

- От тиранического правления безумца, – отозвался человек, словно повторяя заученную фразу.

- А твоё собственное правление, значит, другое?

- Моё правление идёт во благо, – возразил маг. Затем потряс головой и быстро поправил себя: – Мы правим сами собой, никто не отдаёт нам приказов.

Геринвиох улыбнулся и кивнул. Эти люди оказались теми ещё наглецами. Желать завладеть сокровищами – и так серьёзное оскорбление, но возжелать власти? Что же вообще способно было их удовлетворить, задумался великий змей.

- Понятно. Свобода – достойный подарок твоему народу, – согласился он, решив исполнить желание человека. В конце концов, жажду нужно утолять.

- Да. Это верно, – человек широко распахнул глаза. – Я рад что ты... Спасибо, – в итоге поклонился он.

- Я помогу тебе, Груантэ.

Аниолон от удивления едва не свалился.

- Правда? Это... это же чудесно! Спасибо, – человек уставился в темноту пещеры, очевидно, глубоко задумавшись. – Это чудесно, – повторил он тихо и с улыбкой на губах.

- Не правда ли волнительно ощущать свою власть над другими? – поинтересовался вирм, уже не пряча ухмылку.

- О да, – рассеянно отозвался Аниолон, всё ещё глядя в пустоту. – Определённо волнительно.

«Потрясающе несведущие существа», – подумал Геринвиох, покачав головой и хмыкнув.

- Ты сразишься с ними? – маленький человечек очнулся от своих грёз.

- Не будет необходимости. Я приду в твой город и наложу защитное заклятие.

Аниолон пожал плечами и кивнул.

- Плата за мою помощь будет высока. Тебе нужно будет раздобыть предмет, скрытый в пустыне. А ещё оставить остальных мне, – потребовал дракон, кивнув на тлеющие тела спутников.

Маг поморщился, но согласился.

Геринвиох рассказал, где найти артефакт, Эвизе Джонтил, который должен был закрепить сделку, и объяснил, как с ним связаться после выполнения задачи. Когда Аниолон ушёл, дракон обследовал первую часть оплаты.

Второй мужчина, очевидно, тоже называвший себя волшебником, всё ещё был жив, но неподвижен. Геринвиох понюхал добычу, позволяя запаху горелой человеческой кожи полностью захватить его.

– П-пожалуйста, – взмолился человек.

– Мольбам одного я уже сегодня вял. Думаю, с меня на сегодня благотворительности достаточно, – отозвался Геринвиох.

– Ты собираешься п-помочь ему? – спросил полуживой волшебник, сглатывая полный рот крови.

Геринвиох склонил голову набок.

– Ты собрал все силы, чтобы задать один вопрос, и выбрал именно этот?

Мужчина кивнул.

– Людям нужно усвоить, что опасно следовать своим желаниям. Они вторгались в мою пустыню больше раз, чем я могу сосчитать. Я парил в небесах за пределами пустыни и видел, что ваша гниль распространилась на многие виденные мною земли. Я устал от вашей бесконечной суеты и поисков, от ваших открытий и улучшений, от ваших вторжений и нашествий. В вашей природе «преодолевать» себя, как вы говорите. Что вы делаете, так это обгоняете, переступаете через себя всё сильнее и сильнее каждый день. Я устал от этого, – подытожил вирм, постепенно замедляясь. – Он хочет свободы от правителей, в то время как всё, что люди делают – это порабощают всё вокруг в погоне за своими грязными жадными желаниями? Да будет так.

– Но наш город м... – начал искалеченный волшебник, но вспышка боли оборвала его голос, – ...мал. Нас совсем немного.

– Может и так, – согласился Геринвиох. – Однако всё когда-то начинается.

Человек хотел возразить, но резко смолк, когда огромная челюсть медленно, с щелчком распахнулась и опустилась к нему. Маг закричал так громко, что в итоге захрипел и сорвал голос.

– Я ответил на вопрос, человек, утолил твою тягу к знаниям. А теперь ты утолишь мой голод, – сказал Геринвиох, прежде чем медленно погрузить в тело жертвы зубы, наслаждаясь дёргающимся деликатесом.

Аниолон вернулся в город и поделился новостями с последователями. Люди предвкушали грядущие события и оплакивали потерю спутников мага. Тот, естественно, не рассказывал о путешествии в подробностях, но настаивал, что дракон защитит их новый дом.

Группа из двадцати человек отправилась из поселения к местонахождению руин, показанному вирмом, где когда-то был храм злобного бога Сета. Аниолон сказал им, что артефакт должен быть там.

В ожидании разведчиков маг-основатель наслаждался вниманием своего народа – одной из наград, положенных ему за то, что он был хорошим лидером.

Когда искатели вернулись почти десять дней спустя, бесстрашные герои рассказали о своих испытаниях и тяготах пути. Чары и прочие защитные механизмы вокруг артефакта удивительным образом всё ещё работали пятьсот лет после того, как храм был заброшен, и забрали жизни почти дюжины человек. Ещё четверо погибли на обратном пути, когда группа наткнулась на бродячего ифрита. Остальные

едва унесли ноги. Аниолон внимательно слушал, добавляя сочувственные комментарии в местах, казавшихся ему наиболее важными, стараясь смягчить для рассказчиков потерю друзей. Разумеется, позднее он не забудет отблагодарить их за хорошо проделанную работу. Когда-то просто маг, а ныне предводитель, он отнёс артефакт дракону. Вернувшись, он снова пообещал людям, что они будут в безопасности.

На следующее утро огромный зверь прилетел к границе новообразованного города, держась на расстоянии от беспокоящихся обитателей.

– Благодарю за то, что ты пришёл. Мы уважаем твою щедрость, – громко поприветствовал Аниолон Великого Синего так, чтобы все услышали лёгкость в его голосе.

Волшебник вёл величавое существо к центру города, улыбаясь последователям и ободряюще кивая. Геринвиох достал раздобытый поселенцами артефакт – как будто прямо из воздуха. Аниолон внимательно наблюдал, но всё равно не смог даже предположить, где и как дракон его прятал. Вирм поместил предмет на песок перед лапами и кивнул основателю города.

– Эвизе Джонтил нужен тебе для заклинания? – уточнил тот.

– Он жизненно необходим, чтобы вас защитить, – ответил дракон.

Маг с любопытством посмотрел на дракона, затем пожал плечами. Огромный зверь поднялся на дыбы, обнажая зелёно-золотое брюхо. По сравнению с мерцающей лазурью на остальном теле, здесь чешуйки казались тусклыми и лишёнными жизни. Аниолон отметил, что дракон стоит на двух лапах так же уверенно, как и на четырёх.

Змей начал читать заклинание на языке, который волшебник не узнал, иногда формируя большими трёхпалыми лапами жесты. Маг обернулся и увидел, что его последователи с опаской наблюдают за огромным зверем. Он улыбнулся, зная, что скоро они все окажутся под защитой, которую он выторговал. Все они будут у него в долгу и должны будут организовать ему приятное, вольготное существование до конца его дней.

Дракон смолк и повернулся мордой к основателю:

– Всё готово.

– Что делает твоё заклинание? – с сомнением в голосе спросил Аниолон, взглянув на оставшийся неподвижным предмет на земле.

– Магический барьер сделает ваш дом невидимым и неосязаемым. И если те, кто за вами охотится, не смогут вас увидеть... – начал дракон.

– ...То они пройдут мимо и будут искать дальше в другом месте, – закончил за него Аниолон, по чьему лицу расплылась широкая ухмылка.

– Но они наверняка обнаружат магию, питающую сам барьер, – вмешался мужчина с седеющими волосами по имени Умбесо, ранее соперничавший с Аниолоном за место наверху в иерархии власти Эстамунда.

Как и многие из магов в новом городе, Умбесо жаждал освободиться от необходимости преклоняться перед благородным классом воинов. Многие эстамундцы превозносили воинов, но у тех довольно часто вспыхивали политические конфликты с последователями магических искусств, которые многое делали для страны, но при текущем правительстве особо не ценились.

Аниолон с красным от злости лицом развернулся к заговорившему, но прежде чем он успел ответить, Геринвиох ответил:

– Я скрыл эманации магии, естественные как для чар, так и для артефактов, подобных этому. Однако нужно будет добавить заключительную часть – когда я уйду.

– Но они всё ещё смогут понять, что здесь находятся люди, – опять вставил Умбесо.

– Умбесо, хватит, – предупредил Аниолон.

– Это осмысленные вопросы, Груантэ. Я отвечу на них, – успокоил мага Геринвиох.

– Я скрыл город и всех находящихся здесь от обнаружения любым способом.

– Они могут набрести на нас. Если город невидим, преследователи могут думать, что просто идут по пустыне, – не унимался Умбесо.

Аниолон заметил, что горожане переводят взгляд со спорщика на дракона и обратно, и внезапно почувствовал себя совершенно ненужным. Знакомое чувство, которым он отнюдь не наслаждался.

– Барьер не позволит им пройти, – ответил вирм, не сводя взгляда с пытливого мага.

– Но если кому-то изнутри, – спросил Умбесо, обводя рукой собравшуюся толпу, – понадобится покинуть город, эта стена позволит им вернуться обратно?

Аниолон вмешался прежде, чем дракон смог ответить.

– Тихо, Умбесо! У нас с Геринвиохом договор. Всё уже решено, – уставился он на старшего волшебника.

Великий змей посмотрел на Умбесо, и тот отступил на шаг.

– Мудро с твоей стороны окружать себя столь компетентными советниками, Груантэ, – похвалил синий дракон.

Аниолон снова повернулся к крылатому спасителю города.

– Да. Хорошо. Спасибо за помощь, Геринвиох, – сказал он, не обратив внимания на драконью ремарку. – Я свяжусь с тобой, когда будет готов первый взнос, – добавил маг, надеясь, что его неформальный тон не разозлит большого вирма, но успокоит его последователей.

Геринвиох улыбнулся и перевёл доселе неподвижный взгляд от Умбесо к самому магу-основателю.

– Наслаждайтесь вашей драгоценной свободой, – сказал дракон, затем наклонился к Аниолону и вполголоса – насколько это возможно для такого огромного создания – добавил: – И продолжай наслаждаться властью, Груантэ. Я точно буду, – и на его морде медленно расплзлась широкая улыбка.

Геринвиох развернул свои крылья, похожие на крылья летучей мыши, и сильно хлопнул ими. Зависнув на высоте около десяти метров над землёй, он сложил последний жест и проревел последнюю магическую фразу. Аниолон, вскинув брови, наблюдал, как великий дракон улетает.

Услышав волну охов от собравшихся горожан, он повернулся и увидел, что до сих пор недвижно лежавший на земле артефакт начал потрескивать. Внутри копился оранжевый свет, испуская пульсирующие вспышки, пробивавшиеся через тусклую поверхность. Магический предмет медленно оторвался от земли, поднялся на двадцать метров над песком, остановился и начал крутиться на месте.

Небо вспыхнуло ярко-оранжевым, похожим на солнечный, светом, и всё как будто бы вернулось на круги своя, за исключением тихого шуршания крутящегося артефакта над головой.

Аниолон повернулся к своему народу:

– Мы спасены!

Осторожные радостные крики раздалась над толпой, когда все собрались вокруг спасительной реликвии. Маг-основатель раздавал приказы, начиная подготовку к праздничному ужину, и его последователи спешили подчиниться. «Это будет отличный праздник, ведь им есть чему радоваться, много что отметить», – подумал волшебник. Его люди закатят пир в честь спасителя, отмечая победу. Аниолон улыбнулся. Его люди.

На следующий день Аниолон проснулся от криков. Покинув дом, он поспешил на юг. Разгульное празднество длилось много, много часов. Повсюду валялись остатки еды и питья. Бесчувственные тела лежали тут и там, некоторые даже в общих кучах истощившейся похоти. Заметив возбуждённую группу людей, молодой маг поспешил к ним. Протолкнувшись через охающих зевак, он обнаружил кричащего юношу, поддерживаемого двумя другими мужчинами. Из правой его руки, вытянутой вперёд, исходили нескончаемые потоки воздуха.

– Я не могу остановиться! – стонал парень хриплым голосом. – Не могу остановить заклинание! Я использовал простой порыв ветра, чтобы очистить улицу от мусора, а теперь не могу остановить его!

Аниолон заметил, как дёрнулась и коротко вскрикнула женщина.

– Я попыталась развеять чары и... – она резко замолчала, снова содрогнувшись.

Когда взгляды всех свидетелей этой сцены устремились на основателя города, тот мог смотреть лишь на трясущуюся женщину. Её лицо сморщилось – казалось, будто по нему, как по воде, расходились кругами волны.

– Кто-нибудь остановите это! Из-за чего это всё? – услышал Аниолон чей-то крик. Этим вопросам эхом вторила толпа.

Умбесо прошёл через ряды людей, возникнув прямо перед Аниолоном.

– Мальчик может быть просто неопытен. Однако она, – он указал на страдающую женщину за спиной, – точно нет. Что-то не так, Аниолон. Многие из нас пользуются такими простыми чарами каждый день. Конкретно эти два заклинания абсолютно непохожи одно на другое. Так что это точно не что-то с магией.

Толпа роптала, но маг-основатель её не слышал. Он знал, что это проблема не с магией. Молодой волшебник посмотрел в глаза бывшего соперника. Тот стоял спокойно и с поджатыми губами, будто ожидая ответа на заданный вопрос.

– Тогда что же? – тихо спросил Аниолон. Ему хотел наорать на собеседника, но в голосе не было силы. Сейчас не время играть в учителя.

– Думай, Аниолон! Что изменилось? – спросил казавшийся теряющим терпение мужчина.

– Говори! – вскричал Аниолон.

Прежде чем Умбесо успел ответить, душераздирающий вопль перекрыл недоумённый гомон толпы. Маг-основатель повернулся и увидел голую женщину с отскакивающими от плеч рыжими косами, бегущую к собравшимся. Люди расступились, пропуская её к центру.

– Дарон... – задыхаясь, женщина назвала имя жреца, уважаемого всей деревней. – Дарон умирает!

– Говори, дитя, – мягко попросил Умбесо.

– Дарон помолился Шаресс, прося... – она смолкла, покраснев. – Помолился, прося её... усилить удовольствие от нашей... – тут она снова запнулась, – нашей утренней активности.

Умбесо кивком побудил её продолжить.

– В середине молитвы он упал. И больше не дышит! – сказала она.

– Теперь ещё и божественная магия? – повернулся Умбесо к Аниолону.

Больше не говоря ни слова, маг-основатель протолкнулся сквозь толпу и побежал к городской площади, над которой висел Эвизе Джонтил. Он не хотел бы, чтобы его догадка подтвердилась, но артефакт был единственным новшеством за последнее время. Магический восьмиугольник пульсировал ярче и крутился быстрее, чем раньше.

Аниолон смотрел в тишине, зачарованный моментом и загипнотизированный оранжевым светом. Затем почувствовал руку на плече.

– Должно быть, это Джонтил. Согласен? – спросил старший маг.

Аниолон слабо кивнул.

– Что нам делать?

– Ты – наш лидер, Аниолон. Тебе и решать, – улыбнулся Умбесо.

– Побери тебя Ад! Предлагай! – возопил молодой маг, развернувшись лицом к лицу. – Сейчас неподходящее время.

Бывший соперник шагнул назад и тяжело уставился на волшебника.

– Конечно, ты прав. Нужно обсудить это со всеми, кто умеет обращаться с Плетением.

Некоторое время спустя Аниолон принимал у себя дома наиболее сведущих в Искусстве мастеров города.

– Как все мы видим, что-то – вероятно, артефакт – заставляет прочитавшего заклятие повторять его снова и снова до бесконечности, – сказал старый волшебник по имени Сой, несколько лет назад обучавший Аниолона.

Комната наполнилась бормотанием. Молодой основатель шикнул на собравшихся, намереваясь дослушать старика.

– Со временем любое заклинание убивает колдующего, – продолжил Сой, указав на мёртвого юношу, который пытался очистить улицу, и всё ещё дёргающуюся женщину в углу комнаты. – Было ещё четверо. Жрец Дарон, два его молодых послушника, объединивших усилия, чтобы снять с него эффект, и старейшина Граштио. Старый дурак решил самолично избавить нас от Эвизе Джонтила. Каждая попытка лишь заставляла проклятый артефакт крутиться всё быстрее и светиться всё ярче.

– Значит, нужно покинуть это место, – предложил Умбесо.

– Нет! – вскричал Аниолон.

– Груантэ, нужно уходить. Нас здесь сотни, и магия поддерживает нас, давая еду, воду и даже укрытие. Без неё мы умрём, но сейчас даже само колдовство убивает нас! – воззвал к нему Умбесо.

Маг-основатель обвёл присутствующих взглядом и увидел согласие в каждой паре глаз. Тогда он просто кивнул и в течение следующего часа выслушивал планы по оставлению города. Решено было выслать вперёд разведчиков, чтобы найти другое подходящее для города место, где-нибудь в пустыне.

Не больше часа спустя после отправления разведывательной группы, темноволосая женщина, одна из группы разведчиков, ворвалась в помещение с докладом.

– Там стена... невидимая стена, – отрапортовала она с видимым смущением на лице.

– Стена? – переспросил Умбесо.

– Да. Мы пошли на восток, глубже в пустыню. Не больше чем полтора километра спустя мы наткнулись на барьер. Кажется, будто там ничего нет, но дальше просто нельзя пройти. Доказательством тому служит шишка на лбу одного из моих людей.

– Тогда попробуйте запад, юг или восток! – потребовал Аниолон, вскочив так быстро, что его стул опрокинулся на пол.

– Мы пробовали, сэр, – покачала разведчица головой.

– Значит, мы в ловушке, – тихо подытожил Сой, когда все остальные притихли. – В ловушке Эвизе Джонтила. Невидимый барьер сдерживает нас, но при попытке обезвредить его, мы оказываемся в его власти, – добавил он, снова махнув в сторону погибшего юноши в углу.

– Палочки! – вырвалось у Аниолона.

Остальные озадаченно на него посмотрели.

– Мы ещё не пробовали на нём палочки и другие магические приспособления, – пояснил тот.

Собравшиеся волшебники принялись обсуждать это между собой. Маг-основатель наблюдал за киванием и качанием голов, за яростными жестикованиями, сопровождавшими обсуждение теорем и постулатов, наблюдал и за Умбесо. Его соперник стоял в одиночестве, не обсуждая предложение ни с кем.

– Я попробую, – сказал он, перекрывая приглушённые разговоры.

Комната погрузилась в тишину.

– Умбесо, ты уверен? – спросил Сой.

Старший маг подтвердил свои намерения.

Несколько минут спустя группа мастеров Плетения собралась в центре города, под светом Эвизе Джонтила. Один из них отдал Умбесо магическую безделушку, купленную у продавца-калишита много лет назад. Это была брошь в виде полированного оникса в серебряной окантовке, и предполагалось, что она содержит мощные чары развеивания. Человек поделился словом-командой и присоединился к остальным товарищам в нескольких метрах поодаль.

Многие горожане тоже собрались посмотреть, и Аниолон слышал, как они шептались – почему же не он рискует своей жизнью ради их благополучия? Ведь он же их лидер. Молодой волшебник старался не обращать на них внимания, но понял, что ничего другого и не слышит.

Умбесо взглянул на оранжевый свет, пляшущий вокруг восьмиугольника, и сделал глубокий вдох. Поднял брошь, сказал нужное слово. Спустя несколько мгновений он повернулся к остальным волшебникам и пожал плечами.

– Ничего не чувствуешь? – спросил один из них.

– Ничего, – подтвердил старший маг.

Когда остальные сгрудились вокруг него, восхищаясь его храбростью, брошь завибрировала в его руках. С быстротой мысли маг отбросил предмет подальше от людей. Крутясь в воздухе, он испустил яркую вспышку света и мягко упал на песок. Осмотр показал, что артефакт стал пустым и бесполезным.

Когда Умбесо принесли и другие артефакты, он перепробовал их все. Волшебники пытались развеять, расстроить, разломать – даже вытолкнуть – Эвизе Джонтил. Каждая попытка завершалась лишь ещё одной поломанной вещью и всё больше усиливающейся усталостью рук мага. Восьмигранный артефакт казался непоколебимым.

Подошедший, покрытый пылью мужчина прервал эксперименты, доложив, что попытки устроить подкоп также пока не приносили результатов.

– Я, разумеется, открыт и для других идей, – сказал Сой, встав перед собравшимися. – Но за неимением оных, я вижу только один выход. Я не упоминал его ранее, потому что не уверен в его успехе.

Других идей не оказалось. Каждый брошенный на него взгляд ощущался Аниолоном будто булыжник, и совместный их вес медленно раздавливал его.

– Хорошо, – решил Сой. – Я попытаюсь телепортироваться прочь из города. Если всё получится, я вернусь и выведу остальных тем же путём.

Протестующие крики раздались над толпой, но старый учитель прекратил их, хлопнув в ладоши над головой:

– Я принял решение.

Сой взглянул на мага-основателя и закатил глаза, когда тот съёжился. Затем посмотрел на Умбесо и с улыбкой кивнул.

Старый маг прочёл слова заклинания. Простого, но действующего мгновенно. Его силуэт исчез. Спустя несколько ударов сердца толпа начала ликовать. Силуэт вернулся, но не шевелился. Крики радости мгновенно стихли. Маг снова растворился в воздухе. Сбитые с толку люди начали кричать. Сой снова вернулся, всё такой же неподвижный, и столь же быстро опять скрылся из виду.

– Он попал в ловушку, – повесил голову Умбесо, – Заклинание не может завершиться; Сой одновременно не здесь, но и не там, он постоянно перемещается.

Все молчали. Аниолон тихо протиснулся через толпу и вернулся в свою хижину. Там, обхватив голову руками, он рассмеялся. Молодой маг вспомнил Геринвиоха и то, что дракон сказал ему: «И продолжай наслаждаться властью, Груантэ. Я точно буду». Слова проносились в его мозгу снова и снова. Его мечта утрачена. Его народ никогда не посмотрит на него иначе, чем как на причину их гибели.

Позже вечером Умбесо зашёл к Аниолону домой и обнаружил того рыдающим перед большой миской воды.

Старый маг охнул. Со слезами на глазах он присел рядом с бывшим соперником.

– Я должен был знать, Умбесо. Должен был. Он всё отнял... – пробормотал Аниолон, не отрывая взгляда от посуды.

Умбесо кивнул, смахивая ещё больше слёз.

– Я понимаю, Аниолон. Что ты увидел в воде?

– Он смеялся, – всхлипывая, ответил молодой волшебник, перед чьим мысленным взором предстал большой синий дракон, который посмеивался себе под нос, готовясь к очередному долгому сну.

– Он умер вскоре после сеанса провидения, которое забрало последние капли его жизни, – закончила рассказ Мориандро, наконец подняв глаза и снова встретив взгляд Бронихима.

Тот выбежал из маленькой хижины, недоверчиво и отчаянно тряс головой. Бросив короткий взгляд на Эвизе Джонтил, висевший в воздухе неподалёку, он побежал в сторону большого камня, служившего ему ориентиром. Пробежав мимо пары домов, он наконец увидел его в отдалении. Но внезапно он оказался на земле с гудящей головой. Маг успел понять, что с чем-то столкнулся. Перекатившись набок, он увидел бегущую к нему женщину – прежде чем свет его сознания погас.

Когда на следующий день он очнулся, то обнаружил себя на диване в доме Мориандро. Она принесла ему свежую воду. Лёгкая ткань её одежды колыхалась от небольшого ветерка.

– Где вы берёте воду? – спросил Бронихим.

Вздвогнув от неожиданности, женщина попыталась не расплескать содержимое, поставив миску на стол в углу комнаты.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась она.

– Голова болит.

– Представляю себе, – мягко улыбнулась поселенка.

– Так откуда? – снова спросил маг.

Мориандро вздохнула и села напротив.

– Эвизе заставляет бесконечно повторять любое заклинание, Кинас.

– Да, но...

Женщина подняла бровь и чуть наклонилась вперёд.

– Так ты имеешь в виду... – протянул искренне поражённый мужчина.

– Да, Кинас. Когда возникает нужда, один из нас добровольно жертвует жизнью и колдует, обеспечивая остальных едой, водой и всем необходимым. Мы собираем и храним всё, что было произведено таким образом, – она протяжно выдохнула, встала и подошла обратно к чаше. – Иногда забредает какое-нибудь пустынное животное, и тогда на некоторое время появляется еда, которая не требует жертв.

Бронихим кивнул и встал рядом с красавицей.

– Кто-нибудь присоединялся к вам, как я? – спросил он, придвинувшись ещё ближе.

– Ты имеешь в виду... наткнувшись на нас? – повернулась Мориандро к нему лицом, явно удивившись тому, как близко маг стоял.

Тот кивнул и улыбнулся.

– Приходили маленькие группы людей, не больше двух-трёх в каждой. Кроме одного случая, двадцать лет назад, когда пришло целое кочевое племя – больше сотни человек – на своём пути через Рорин, – рассказала она, слегка покраснев. – С тех пор мы все привыкли к образу жизни других, и теперь мы одно целое с ними, а они – с нами.

Бронихим провёл много дней, встречаясь с остальными горожанами и осматривая различные строения. Многие новшества, придуманные для того, чтобы лишней раз не использовать магию, являлись настоящими чудесами.

Проходили месяцы, и маг привык к жизни в Лиирессе. Каждый день, после выполнения своих новых обязанностей, он сидел под Эвизе Джонтилом, наблюдая за тем, как оранжевый свет проходит по нему, словно кровь по венам. Волшебник чувствовал необходимость понять артефакт, который привёл его сюда. Когда-то он искал его ради могущества. Теперь же желал свободы.

А ещё он чувствовал, что начал понимать Геринвиоха. Вирм увидел в Аниолоне Груантэ худшие аспекты человечества, хотя Бронихим был вынужден признать, что в своё время знал многих людей, гораздо больше заслуживавших наказания, чем несчастный маг. Возможно, даже сам Бронихим был одним из таких. Дракон увидел всё то же самое и в нём, думал маг, и может быть даже был прав. Здесь было не так уж плохо. Здешний народ стал его народом. В его жизни не было расписаний и ограничений. Кроме возможности уйти, узник артефакта мог говорить, ощущать и делать всё, что он хотел, и для этого ему были предоставлены место и свобода действий.

– Кинас, уже поздно, иди спать, – раздался за его спиной голос Мориандро, когда он сидел в центре города в один из вечеров, спустя месяцы после прибытия.

Бронихим оторвал взгляд от крутящегося восьмиугольника и повернулся к женщине.

– Скоро, – пообещал он с улыбкой.

Красавица повернулась, чтобы уйти, но остановилась.

– Пути наружу нет, Кинас. Неужели жизнь здесь так плоха?

Маг взял её за руку.

– С каждым днём всё лучше и лучше, – успокоил он.

Женщина слегка покраснела и провела руками по лицу мужчины.

– Тогда почему ты всё ещё сидишь здесь, уставившись на проклятую штуку?

– Всегда есть выход, Мориандро, – ответил он, когда они ушли с площади.

Он бросил назад один последний за этот вечер взгляд, позволяя свету Эвизе Джонтила выжечь себя в его мозгу. Маг знал, что будет грезить об этом свете. Грезить о нём так же, как каждую ночь на протяжении многих недель до этого.

– Всегда есть выход, – прошептал он тихо.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Джеймс П. Дэвис

Флеймрул, Год Дикой Магии (1372 ЛД)

В поздний час между полночью и рассветом улицы Зазеспура были пустынно. Граф Келмар Даргрэн и его люди терпеливо ждали, изнемогая от летней жары, царившей даже в отсутствие солнца. Келмар не отрывал глаз от своей добычи, и каждый нерв его был на пределе, пока он ждал малейшего движения.

Его помощники, все в тёмной одежде и со скрытым оружием, уже привыкли к длинным ночам и осторожно следили за ним. В последнее время граф вёл себя эксцентрично, был скрытен, а также склонен к вспышкам неконтролируемого гнева. Все они были лояльны ему из-за его принадлежности к Школе Скрытности, гильдии ассасинов Зазеспура, но в последнее время начали сомневаться в том, доверяла ли ему сама гильдия.

Келмар видел и чувствовал испытывающие взгляды их недоверчивых глаз, слышал шепотки, но ему было всё равно. Он знал, что до тех пор, пока золото монет греет их ладони, они будут выполнять свои обязанности. А если нет – гильдия ассасинов знала, как приструнить своих членов. Любые его угрозы бледнели в сравнении с методами Школы Скрытности.

Большинство из них сейчас задавалось вопросом, а не выбрать ли смерть полегче, совсем отказавшись участвовать в этой охоте.

За последнюю неделю в окрестностях Торгового округа произошла серия леденящих душу убийств. Почти невозможно было сказать, что тела когда-то принадлежали человекоподобным существам, и только лица оставались безупречно нетронутыми – ни порезов, ни синяков. Лица, на которых застыло выражение непередаваемого ужаса.

Даже бывалым солдатам, участникам гражданской войны, изменившей политический ландшафт Тетира, становилось плохо при виде трупов. Они отмечали, что кровь оставалась глубокого красного цвета долгое время после смерти – явный признак долгих пыток, тяжёлых минут или даже часов ужаса перед концом. Это был не просто ассасин или случайный убийца, не какой-то уличный грабитель или разбойник. На такие зверства был способен только свирепый, хладнокровный злодей.

Опытные ассасины, рассеявшиеся на всё ещё тёплых булыжниках тёмной аллеи, заглядывали в глаза графа и понимали, что у него есть какой-то ключ к тайне беспричинных убийств. Они все видели знакомую искорку смерти в его глазах, и втайне боялись её.

Келмар терял терпение. Его рука в беззвучной ярости сжимала рукоять сабли. Чёрные волосы прилипли ко лбу, а на сдвинутых бровях собрались капельки пота. Быстрым, отточенным движением, свидетельствующим об умении пользоваться их неслышным языком, он подал сигнал четырём ассасинам за его спиной, заставляя разбиться на две группы. Каждая из них будет патрулировать одну улицу, тщательно стараясь избегать стражи – что стало сложнее, ведь с началом убийств количество стражников почти удвоилось.

Спутники кивнули и тихо разошлись, прячась в тених и держа руки у кинжалов и смазанных ядом коротких мечей. Проводив их взглядом, Келмар выпустил долго сдерживаемый выдох; боль пронзила его голову, переходя на шею. Эта боль теперь повторялась часто и была настолько сильной, что могла поставить его на колени. И вместе с болью приходили видения.

Он старался не думать о кошмарах, осаждавших его в моменты сильнейших страданий – образы окровавленных, мёртвых лиц, чьи рты застыли в молчаливой муке. Тепло разливалось по груди при звуке шумящей в ушах крови. Потянувшись к тунике, граф вытащил амулет, который он раздобыл, когда всё только началось. Большое рубиновое сердце светилось и билось в унисон с каким-то неведомым ритмом. Спрятав это тепло в кулак, он озирался по сторонам, надеясь заметить убийцу, который, как он знал, прямо сейчас бродил по этим улицам.

Келмар не мог не вспомнить самое первое из этих жутких видений – видение собственной смерти.

А вспомнив, граф содрогнулся.

Бориал был рад избавиться от графа на несколько часов. Эта одержимость убийцей казалась ему странной и немного беспокоила. Его товарищ Фаэрдрал, похоже, особо не переживал – он никогда не отличался сообразительностью и уж тем более стройными размышлениями. Они пробирались над улицей Слоновой Кости, в западной части Торгового округа, повторяя путь другой пары, над параллельной Храмовой улицей, и сейчас остановились на крыше заброшенного склада, чтобы осмотреть местность, прежде чем двинуться дальше.

– Фаэр? – прошептал ассасин.

– Чего, Бор?

– Как думаешь, к чему это всё? – Бориал с излишним оптимизмом ожидал осмысленного ответа от своего совсем не смышлёного напарника, но решил, что попытаться спросить всё же стоило.

– К чему? Я просто решил, что сверху будет лучше вид, – Фаэрдрал продолжил осматривать всю длину улицы своими хорошо видящими в темноте глазами. Многие из братьев в гильдии из-за его прекрасного ночного зрения подозревали, что он хранит в себе частичку крови эльфов.

– Да нет, я имею в виду, почему новый граф так хочет остановить этого убийцу? Я слышал, что он и сам не боится запачкать руки в крови, ходят слухи, что он свёл в могилу даже собственного брата, графа Лукана.

Фаэрдрал прищурился, обдумывая вопрос. Несмотря на то, что думали о нём его собратья, он вовсе не был тупым – просто не торопился. Хорошенько подумав над ответом, он наконец ответил, слегка напугав Бориала, который уже успел сосредоточиться на осматривании окрестностей:

– Полагаю, вопрос в деловой репутации.

– Репутации?

– Ага. Граф вложил в несколько предприятий в этом округе, значит, должен платить налоги и подати Дюку и Совету Лордов. Тела на улицах денег не приносят. И гульдера не заработаешь, если все будут бояться приходить сюда и тратить.

Бориал признал наличие смысла, он и сам видел не одного предпринимателя, сразу же буквально зверевшего, если прибыли проседали хотя бы немного.

– Не говоря уже о менее легальной деятельности графа на стороне. Не знаю, как ты, а я насчитал не меньше трёх патрулей городской стражи, от которых нам пришлось скрыться на пути сюда. Хранить подпольные операции в тайне становится накладно.

Бориал посмотрел вниз на улицу и согласно покивал. Но всё же что-то было в глазах Келмара более тёмное, излишняя осмотрительность, несвойственная торговцу, просто потуже завязывающему кошелек.

Странный звук полностью завладел их вниманием. Они позабыли о разговоре, напряжённо вслушиваясь и пытаясь определить источник. Вот снова – приглушённый стон совсем недалеко к востоку. Быстро, как кошки, ассасины спустились по стене здания, двинувшись в сторону нарушенной ночной тиши.

Пробираясь по краю тёмного переулка, Фаэрдрал знаком велел остановиться – оба мужчины услышали затруднённое дыхание из аллеи. Высунувшись из-за угла, готовый в любую секунду сдёрнуть кинжал с пояса, Фаэрдрал взгляделся в тени.

Но его глаза увидели лишь спящего бедняка, завернувшегося в потрёпанный старый плащ и прислонившегося к стене. Разочарованный ассасин прислонился к каменной стене и расслабился. Бориал раздражённо закатил глаза, но продолжил осматривать улицу, надеясь заметить хоть что-нибудь, о чём позднее можно будет доложить графу. Фаэрдрал выпрямился и начал переходить улицу, направляясь к следующему зданию, его приятель последовал за ним.

В тот момент, когда Бориал посмотрел на север, в сторону перекрёстка, что-то тёплое и мокрое попало ему на правую щеку и шею. Повинуясь инстинкту, он повернулся, левой рукой доставая метательный кинжал из ножен. Но там стоял только Фаэрдрал – с широко раскрытыми глазами и тихо хватая ртом воздух. Два необычных костяных лезвия торчали у него из груди, приподнимая его над землёй; носки его сапог слегка дёргались над булыжниками дороги, пока жизнь вытекала из него вместе с кровью.

Только когда нож несчастного выпал из его руки, Бориал заметил, что оружие при падении не издало ни звука, хотя должно было звенеть громче сотни мечей в неподвижном ночном воздухе. Необычное оцепенение разлилось по венам ассасина, и необъяснимый ужас парализовал всё тело, позволяя двигаться лишь глазным яблокам.

Он заметил покрытую толстой чешуёй, шипами и острыми костяными отростками конечность, выходящую из-за спины Фаэрдрала. Она тянулась до фигуры

сейчас вполне бодрствующего бродяги, причудливыми изгибами скрываясь под потрёпанной одеждой, словно змеиный хвост. Бедняк лежал на животе, опираясь на обтянутые серой кожей руки. Из-под капюшона его грязного плаща виднелись только два светящихся, словно поздний закат, глаза и улыбающийся рот, полный острых зубов-иглоков.

Каждая мышца в теле Бориала велела ему двигаться, но пульсирующие волны могучей силы исходили от бьющегося в конвульсиях тела нищего. Бесконтрольный ужас навалился на ассасина, заставив упасть на колени. Его собственное оружие беззвучно покатило по камням улицы, когда его руки обмякли.

Наблюдая за тем, как человеческая фигура вырастает, шея удлиняется, а на плаще выступают тонкие сосуды, и одежда натягивается на увеличивающихся костях, Бориал внезапно осознал, что ни разу в жизни не молился ни одному богу, кроме Тиморы, Леди Удачи.

Он увидел, как тело его товарища дёрнулось как тряпичная кукла и упало, когда невысказанно длинный хвост высвободил из него своё двойное остриё.

Когда чудовище сложило крылья, ассасин взглянул в светящиеся глаза, окружённые маленькими колючками и острыми шипами и теперь намного бóльшие в размерах, а также на клыки, точно костяные мечи блестящие в лунном свете.

Больше он никогда не молился. Последним увиденным им зрелищем стало красно-оранжевое сияние над рядами острых зубов.

На следующий день Келмар одевался, будучи очень злым – полный провал прошлой ночи всё ещё был свеж в памяти. Ассасины не только не смогли заметить монстра по прозвищу Мрак – двое из них даже позволили себя убить, ещё выше подняв уровень тревожности в городе. На его взгляд, эта охота стала привлекать к себе слишком много внимания.

Голова всё ещё болела после использования амулета. Откуда-то он знал, что предмет либо был напрямую связан со Мраком, либо его магия помогала обнаруживать подобных ему. Граф не был до конца уверен, стоили ли боль и кошмары от его активации безумства охоты на существо.

Он застегнул пояс и повесил на него изящную саблю с серебристой рукоятью, заслужившую ему внушительную репутацию за прошлые года.

Много лет он был ничёмным младшим сыном семьи Даргрэн. Никем в тени покойного брата, графа Лукана. Келмара тошнило от набожности его семьи и лояльности её трону, поэтому он проводил время за выпивкой и дуэлями. Его умение обращаться с клинком заинтересовало Школу Скрытности, увидевшей в нём возможность заполучить ещё один контакт среди знати. Сам же граф видел в Школе полезного и выгодного союзника.

Он спустился по лестнице в общую залу «Шепчущей Девы», одной из более новых таверн, построенных в Садовом округе в рамках послевоенного восстановления. Мужчине нравились роскошь и уединённость этого места. У него имелось собственное поместье в нескольких километрах от города, так сказать, родовое

гнездо, но он предпочитал оставаться в городе. Так было проще присматривать за делами.

Сейчас общая комната пустовала, но улыбочивый трактирщик любезно подал приготовленный для графа завтрак, хотя время уже давно перевалило за полдень. Келмар кисло уставился на перепелиные яйца с беконом на тарелке – головная боль отразилась и на его желудке. Но он жадно выпил пряный эль, которым это заведение прославилось, и заказал ещё. Со времён молодости его тяга к спиртному поутихла, но не исчезла насовсем.

Нервная служанка принесла вторую кружку, стараясь не привлекать внимания известного своим крутым нравом и выходками человека. Тот не обратил на неё внимания, уставившись на пенную шапку напитка – благо его мысли сейчас находились далеко от таверны. Келмар снова попытался приподнять завесу памяти между ним и недавним прошлым, пытаясь раскрыть секреты, спрятанные от него самого.

С яростным рёвом боль в голове вернулась; граф закричал, сжав кулаки, и сбил заказанным им эль со стола. Служанка дёрнулась, и хозяин отправил её на кухню, бросив обеспокоенный взгляд на буйного посетителя. Тот глубоко задышал, плотно закрыв глаза и сосредоточился на настоящем вместо прошлого.

Когда боль уменьшилась, снова нахлынули видения. Амулет нагрелся и светился под чёрной шёлковой рубашкой; мужчина схватил его вместе с тканью под напором очередного потока гротескно-кровавых картин, наполненных ужасом глаз и вкуса крови во рту. От последнего ему чуть не стало плохо, но он держался до тех пор, пока и изображения не погасли.

Пришла пора пробовать другие варианты, решил он.

Было глупо использовать Школу Скрытности. Без знания истинной природы их цели они не были готовы к сражению с чудовищем, но Келмар твёрдо был намерен сохранить сущность Мрака в тайне до той поры, пока он не узнает больше об обстоятельствах, которые привели это создание в Зазеспур. У него имелись и другие подозрения – ощущения, шевелившиеся в самом сердце, от которых стыла кровь – но в них он пока не готов был признаться даже себе. Ему нужно было узнать больше.

Покинув таверну, граф пешком добрался до Коврового округа, наслаждаясь взглядами простого народа, когда он проходил мимо. Келмар никогда не опровергал слухи о том, что он убил брата, но и не подтверждал их.

Пусть думают, что хотят, размышлял он, ведь слухи и страх могут быть могучими союзниками.

Он держался северо-восточных улиц, избегая света раннего заката и болезненной рези от него в чувствительных глазах. Ковровый округ до войны имел дурную репутацию, но сейчас, благодаря реконструкции и новым законам, почти весь Зазеспур старался создать более достойный образ этого района. Рассматривая восстановленные магазины и деятельных горожан, потихоньку возвращавшихся домой, Келмар покачал головой, смакуя тёплые воспоминания. Он кивнул небольшому патрулю, отметив невысокую численность стражников в дневное время – и раздражаясь при мысли об её увеличении в ночное.

Наконец он пришёл к маленькому каменному зданию – когда-то двухэтажному, но пожар уже давно позаботился о верхнем этаже. Первый же был обитаем, хоть граф и ненавидел туда заходить.

Распахнув без стука слегка обугленную дверь, он взгляделся во тьму, высматривая знакомую съёжившуюся фигуру. Келмара поприветствовали запахи жасмина и сандалового дерева, смешанные с какими-то ещё, которые лучше было не идентифицировать. Голос раздался у него за спиной, когда граф захлопнул дверь и задвинул засов.

– Я могла убить тебя, племянничек, – сухой шёпот пронёсся по комнате, словно эхо от водопада.

– Ты знала, что я иду, дорогая тётушка, иначе не оставила бы дверь незапертой, – улыбнулся Келмар, повернувшись к говорящей тени.

– Пф, – всё что он получил в ответ, не считая шевеления и тихого ворчания по поводу высокомерных юнцов.

Граф взял с маленького столика у двери лампу и переставил её на каменную полку камина, перед которым его тётя обычно сидела в ветхом кресле, заваленном подушками. От нового она отказалась, когда племянник начал заведовать финансами семьи, а последний, в свою очередь, больше не настаивал. Предложил он тогда чисто машинально – на самом деле ему не было особого дела до её удобства.

– Пираса! – сказала старуха магическое слово, заставив фонарь загореться, хотя внутри уже многие годы не бывало масла.

Келмар бесстрастно и без эмоций, несмотря на её безобразность, взглянул на тётку, сестру-близнеца его матери. Она давно полысела, а один глаз перестал видеть из-за пепла, падавшего сверху тогда, при пожаре, уничтожившем верхнюю часть дома. Старая женщина не выносила целителей, поэтому глазница оставалась пустой и окружённой зарубцевавшейся кожей.

Тётя тоже осмотрела племянника, отметив шрам, который тот носил с гордостью – тонкая полоса на щеке, напоминание о давней дуэли и неопытной руке. Это был его первый и последний шрам. Он всё ещё носил угольно-чёрные волосы почти до плеч, резко контрастировавшие с бледной кожей – результатом ночной жизни, которую он предпочитал.

Под её молчаливым взглядом Келмар начал ощущать, как зачесалась кожа, а маленькие щупальца боли начали пробираться по венам. Женщина читала его, находя в самом его естестве ответы, которые, как она знала, нужны были её племяннику. Он наблюдал за ней, тоже читая её и выжидая, когда же она найдёт боль и кошмары.

Её единственный глаз сузился, когда наткнулся на то место, где под рубашкой покоился амулет. Граф ощущал, как предмет нагревает кожу, становясь горячее, когда магический взор приближался. Боль в голове снова начала пульсировать, совпадая с волнами жара от амулета. Он заставил себя сидеть неподвижно и плотно закрыл глаза, борясь с этими ощущениями.

Женщина охнула, когда заклинание коснулось границ кулона. Её тело напряглось, а сама она закричала – сдавленный и скрипучий звук, словно треск наэлектризованного воздуха. Затем, содрогаясь, закашлялась. Келмар услышал, когда его тётка почувствовала силу амулета, и непрощеная улыбка возникла на его тонких губах. Он не мог объяснить, почему, но его захватила острая радость от её страданий

после касания. Эта внезапная, сбивающая с толку эмоциональная вспышка тоже стала для него болезненной, доведя боль до границы того тёмного места, где скрывались видения, кошмары и предзнаменования с привкусом крови и ужаса.

Её беззвучное заклинание распалось, и теперь женщина сидела, сгорбившись. Её дыхание с трудом пробивалось через морщинистые губы, покрытые маленькими каплями крови. Цена за чары оказалась высокой, ведь она использовала больше силы, чем того хотела. Подняв на племянника взгляд, старуха ждала ответы на вопросы, касающиеся того самого тёмного места, места, куда она не посмела войти.

Когда его собственная боль поутихла, Келмар открыл глаза и небрежно кинул:

– Его зовут Ксесиллидаугримм, для меня просто Мрак. Шипастый дракон. Я чувствую его голод, иногда вижу его глазами и ощущаю то, что ощущает он, но всё это ценой жуткой боли. Я не помню, как повстречал этого монстра, но просто знаю то, что знаю, – он смолк, посмотрев на родственницу.

– Есть что-то ещё, ведь так? – хлестнула она быстрым вопросом. – Что ты чувствуешь? Что ты знаешь?

Она ни разу не отвела взгляда от мягкого свечения амулета, теперь видимого под рубашкой.

Келмара передёрнуло от собственных мыслей; злость вскипела в нём, а губы скривились в тихой ярости, когда он ответил:

– Думаю, он забрал мою душу.

– Это возможно, но душу не так просто забрать. Особенно шипастому дракону, кто больше известен за так подходящие ему прозвища, нежели за владение изощрённой магией душ, – графу показалось, что тон её смягчился, и это вызвало у него подозрения, что женщина что-то скрывает. – Хотела бы я, чтобы моя сестра была жива – она как раз и была волшебницей душ, и больше знала в некромантии, чем я.

Затем она бросила на племянника косой взгляд.

– Ты снова будешь на него охотиться сегодня ночью?

Но решительный вид мужчины ответил на её вопрос даже до того, как она его задала.

Медленно, скрипя суставами, старуха поднялась с кресла. Дошаркала до старинного шкафчика, забитого бутылочками и мешочками, источниками смутного запаха, стоявшего в комнате. Вытащила оттуда пять шнурков, в которые были вплетены стебли чёрной травы без запаха. Вернувшись к креслу, она осторожно передала их племяннику.

– Обвяжи эти обереги вокруг рукоятей пяти мечей, крестовым узлом. Когда дракон вступит в битву, развяжи их и высвободи магию – она защитит тебя и твоих людей и причинит много вреда зверю.

Келмар недоверчиво осмотрел бечёвки, вспоминая лица мёртвых ассасинов, повстречавшихся с вирмом.

– И следи за этой безделушкой на шее, – добавила женщина. – Не знаю, где ты её раздобыл, но похоже она хочет свести тебя и Мрака вместе. Она найдёт дракона для тебя, хотя ты, возможно, хотел бы обратного.

Граф встал и кивнул своей тётушке, всё ещё считая, что она что-то недоговаривает – но решил, что у неё есть на то свои причины. Не говоря ни слова, он

развернулся и вышел из неуютного каменного жилища во тьму раннего вечера. Забавно, но засов за ним быстро вернулся на место.

Во тьме заброшенной лавки в Торговом округе, Мрак притаился, приняв стесняющую личину бедняка и оглядывая улицу из разбитого окна. Видения снова пришли, когда он здесь проснулся.

Он видел старую бабку в маленькой каменной халупе; она составляла свои маленькие человеческие колдунства из своих маленьких человеческих слов. Он почувствовал, как разум графа потянулся к нему, используя силу загадочного амулета. Боль от этих поисков была ошеломляющей, однако Мраку нравилось её ощущать. Кровь горела, а сама душа корчилась в агонии, пока он становился сильнее, могущественнее. Смертоноснее.

Запах страха снаружи и стук бьющихся сердец дал дракону понять, что граф нашёл его. И послал своих людей подготовить ловушку. Четверо убийц пытались укрыться в тенях окружающих зданий. Очевидно, Келмар так и не раскрыл им истинную природу Мрака. Тонкие, пепельно-серые губы растянулись в улыбке, открывая невозможное число острых зубов.

«Замечательно, – подумал он, – сейчас я им покажу засаду».

После чего встал и пошёл к двери хромой походкой, которую он отточил, будучи в теле нищего. Медленно добравшись до центра улицы, вирм остановился в свете Селуны, ожидая атаки охотников. Не почуяв присутствия графа, он тихо обругал Келмара за трусость.

Быстрые щелчки арбалетов повеселили Мрака; он ощутил толчки от болтов, ударивших в грудь и плечи. Яд на снарядах пах сильно и едко, но был бесполезен против него. Дракон стряхнул дротики – они лишь слегка оцарапали его прочную кожу.

Дразня ассасинов, он использовал свою способность подражать звукам и запел песенку, которую пела маленькая девчушка, на которую он охотился пять ночей назад. Детский голос плыл над тёмными улицами; бодрая и жизнерадостная мелодия охлаждала летний ночной воздух. Наёмники непроизвольно содрогнулись и крепче взялись за рукояти мечей, готовясь развязать верёвочки, выданные им графом.

Как только они коснулись магических оберегов, песня Мрака прервалась, а его игривое настроение улетучилось перед лицом этих чар. На его место пришла ярость; дракон выпрямился и сосредоточился – он не уступит высокомерию насекомых, ищущих смерти.

Они тихо набросились с четырёх сторон, окружая вирма. Быстрее, чем мог уследить глаз, Мрак ринулся навстречу ассасину слева, более не сохраняя человеческий облик. Границы тела размылись, когда оковы колдовства ослабли – хвост хлыстом вырвался из-под разорванной одежды, которая превратилась в крылья.

Дракон сменил опору, опустившись на все четыре конечности и повернув длинную шею к трём оставшимся ассасинам – четвертый оказался разрезан

напополам несущим смерть хвостом. Мрак видел сияние магии на клинках, однако внезапный ужас замедлил их движения, когда дракон явил себя полностью.

Теперь он стал воплощением ночного кошмара; каждая чешуйка его двенадцатиметрового тела, казалось, служила только двум целям – резать и кромсать, а усыпанную клыками пасть окаймляла корона колючек и острых костяных наростов. Короткие крылья не годились для дальних полётов, но отлично справлялись с быстрыми ударами и прыжками. Приближаясь к нападающим, вирм подобрался, словно большая охотящаяся кошка, а его глаза засветились от ярости при виде их храбрости.

Человек слева, чья вера в магический клинок придала ему стойкости, бросился на врага. Но хвостовые клинки Мрака выбили меч из правой руки ассасина и аккуратно отсекали пальцы до самых костяшек. Несчастный едва только начал осознавать случившееся, как второй хлёткий удар выпустил ему кишки.

Пока Мрак ненадолго отвлёкся, охотник справа неслышно проскользнул вплотную к ящере, взмахнув зачарованным оружием и нанеся глубокий порез на правом плече, около сочленения с крылом. Мрак взревел от боли, вызванной магией, и рефлекторно полоснул обидчика; погрузившись глубоко в незащищённую доспехами грудь ассасина, его когти отправили того в полёт, превратив в кровавое пятно на ближайшей стене.

Все чувства оставили Мрака, когда боль в плече стала тупой и пульсирующей. Он вновь взревел, высвобождая драконовый ужас, до сих пор сдерживаемый внутри. Ощущение безысходности накатывало на последнего ассасина волнами, в такт биению мощного драконьего сердца, сокращая волю человека.

Убийца повернулся бежать, бросив меч. В этот момент Мрак бросился, болезненно взмахнув крыльями, и приземлился на спину беглеца. Его тяжесть легко выдавила жизнь из обречённого бедолаги, но охваченный жаждой крови дракон все равно растерзал тело на кусочки, ломая кости и разрывая нежную плоть своими крепкими когтями.

Затем остановился, услышав приближающийся шум за спиной – звук шагов человека, уверенно идущего в сторону жуткой сцены. «Наконец-то, – подумал Мрак, – сам граф пожаловал лично принять мою работу».

Завернув с северной улицы, одинокий стражник остановился, когда лунный свет выявил брызги крови и обезображенные трупы. Его желудок перевернулся при виде подобной жестокости. Взглянув налево, мужчина застыл, увидев, как приближается Мрак.

Дракон мысленно обругал себя за шум, которым сопровождалась кровавая вакханалия. Он привлёк внимание стражи. Скоро за этим одиночкой придут и многие другие.

Прыгнув вперёд прежде, чем человек успел закричать или убежать за подмогой, вирм сомкнул челюсти на груди жертвы, прокусив тонкую кольчугу и пустив кровь.

Одно из его лёгких оказалось прокушено драконом; стражник хрипел и булькал, пока чудовище проворно тащило его в укромный тёмный проход ниже по улице.

Укус шипастого дракона, как и всех его сородичей, высасывал жизнь, вытягивал саму душу в цепкой хватке смерти.

Стражник барахтался всё слабее, пока его жизненная сила залечивала ранения дракона, частично затягивая рану на плече. Но несмотря на целительный эффект, боль полыхала в его груди, заставляя ещё сильнее сжимать бездыханное тело, заставляя упасть на покрытую тенями землю. Эта боль была почти такой же, как раньше, но всё же немного другой, исходящей изнутри; непонятные изображения заполнили мысленный взор вирма.

Амулет, жемчужина его коллекции, которую он так давно оставил около Миф Драннора, плыл перед его глазами. Он забыл, что когда-то владел им, этим могущественным артефактом, оберегаемым столетиями. Вернулись древние воспоминания – в особенности о волшебнике, который пытался украсть его душу, используя амулет для усиления собственной некромантии.

Дракон вспомнил, что победил мага, но после этого память становилась изломанной и нечёткой. Враг за врагом приходили к нему, все с этим амулетом, вызывающим страдания и кошмары. Наконец, когда муки от воспоминаний достигли предела, он вдруг увидел лицо только что убитого им молодого городского стража, всё залитое кровью и обрамлённое сияющим кулоном.

Искажённое мукой лицо приблизилось, и новые образы хлынули в его голову с силой древней магии. Воспоминания о детстве на ферме за стенами Зазесспура, запахи собираемого с полей урожая, желания научиться владеть мечом, помогать людям, стать кем-то большим, нежели простым фермером. Энергия жизни юноши, тёкшая по венам дракона, превращалась в огонь в его разуме.

Мрак потерял сознание, когда шквал боли стал невыносимым, а его мечущийся мозг слишком ослаб, чтобы противостоять таким чарам.

Кожа его натянулась, чешуйки исчезли, а клыки уменьшились в размерах.

Вечерняя тишина снова вернулась на свой пост, накрыв собой, словно одеялом, всех, кто совсем недавно нарушил её.

Вскоре с разных направлений прибыло три патруля городской стражи. Их командир, капитан Бегг, следил за осмотром места преступления и выносом тел. Один из офицеров подошёл к нему с рапортом.

– Сэр, наши люди вернулись из поместья графа Келмара, в котором, согласно показаниям слуг, он отсутствовал последние десять дней. В «Шепчущей Деве» тоже ни следа его. Стоит ли продолжать поиски?

Капитан Бегг медленно покачал головой.

– Забудь, какие-то охотники нашли вчера его тело, спрятанное рядом с тем местом, где был убит его брат.

– Сэр, но только вчера я видел графа в... – обескураженно начал было офицер.

– Я понимаю. И в то же время – нет, – капитан снова покачал головой. Непростая неделя. Он поднял взгляд и заметил одного из подчинённых, стоявшего с пустым взглядом рядом с местом происшествия. – Таэдрас? Ты где был? Что с тобой случилось?

Таэдрас повернул голову, взглянув на кровоточащий порез на правом плече. Солдат ощутил странное тепло на груди и какое-то ожерелье под туникой.

Краткая боль вспыхнула между глаз, когда он попытался что-нибудь вспомнить, чтобы ответить командиру. Боль усиливалась, и мужчина плотно закрыл глаза. А когда она начала затихать, то единственный образ предстал перед его мысленным взором. Картина его собственной гибели.

И при виде её Таэдрас содрогнулся.

КОРОЛЕВА ГОРЫ Джейли Джонсон

Когда великий вирм Амреннатед мирно и в одиночестве отдала горе последний выдох, деревня Орунн погибла.

Что он станет последним, она знала по тому, как сдвинулся камень, напоследок протестующе проскрежетав по чешуе и рёбрам, сдавленным настолько, что лёгкие могли вместить лишь то небольшое количество воздуха, которого могло бы хватить только трём взрослым людям. Прошедшие века меняли форму горы, заставляя её обхватывать извилистое тело, пока наконец острые сталактиты не вонзились глубоко в спину, запустив шипастые корни в позвоночник. Для жизни места уже не осталось, лишь для камня.

Амреннатед не видела, как менялась гора. Её зоркие глаза, давным-давно ослеплённые каменной толщей, не давали возможности следить за ходом времени.

Драконихе не было дела до приближающейся кончины, как не было дела и до потери зрения. Она все равно уже долгое время не видела ничего за пределами горы.

«Ты слышишь меня?»

Хоть её тело и умирало, разум Амреннатед был жив и работал так же яростно, как и всегда при встречах с врагом. Только теперь её врагом было время – его оставалось не так много, чтобы успеть передать её желания, её наследие. Мысли вирма были словно лихорадкой, бурной и непонятной для спокойной горы, а некоторые слова могли и затеряться в столкновении воль.

Горы, из-за самой их природы, не так просто заставить отвечать, даже драконам.

«Я была терпелива, – мыслеречь вирма грохотала, отражаясь от камня, трещала, как горящие угли. – Я ждала, пока ты заберёшь моё тело своим неспешным, обстоятельным способом – подарок, который я не дала бы ни одному живому существу. Пришло время забрать всё остальное».

И от горы, всё так же неспешно, пришёл ответ.

«Хоть ты и стара, мы отсчитываем столетия с разной скоростью. Я заберу тебя – со временем. Мы с тобой вместе превратимся в пыль тысячу лет спустя, пока облик Фаэруна будет меняться, и будет переделан вновь и вновь».

«Слишком долго! – скалы и отложения почувствовали удар драконьего отчаяния. – Должна быть определённость. Я должна знать – то, что наполняет мой разум и сердце, не будет разграблено».

«Если ты ничего не оставишь после себя, будет ли это значить, что Амреннатед никогда не существовало?»

На этот раз дракониха не была уверена, задала ли этот вопрос гора или же это были собственные предательские мысли.

«Это не имеет значения», – настаивала она.

«По меркам твоего рода ты потерпишь неудачу?»

«Я сама себе мерило!» – гордость не покинула разум Амреннатед, хоть гора и уничтожила её тело.

Перед камнем возникла яркая картинка. Не привыкшая к насыщенным краскам, свету и звуку гора содрогнулась под внезапным напором всего этого сразу.

Жентаримский шпион стоял на коленях, запрокинув голову в агонии; фиолетовый коготь прошёлся по его спине, разрывая чёрную одежду и сдирая толстый слой кожи.

Пульсирующее сияние переливалось изо рта человека в коготь. Мягкий мысленный голос Амреннатед сначала уговаривал, затем требовал, а несчастный визжал и хныкал, отдавая дракону последние остатки накопленных за его долгую жизнь заклинаний.

Изображение растворилось в его криках, но другое воспоминание возникло на месте предыдущего.

На грязном чердаке в Порту Черепа, Йамрас Сонмэр скрючился перед алтарём из металла и костей, воткнув остриё окровавленного кинжала в кривые доски пола у колен.

Светились руны, нарисованные на алтаре и на обложке толстого фолианта, лежащего сверху. Заключённая в них магия наполняла комнату с занавешенными окнами болезненно-зелёным светом. Йамрас дрожал и вытирал рукавом пот со лба, стараясь держать другую руку над книгой твёрдо. Кровь лилась на руны из корявого пореза на запястье, и книга жадно пила её.

Это воспоминание доставило Амреннатед удовольствие. Дракониха оставила человеку знание о местоположении книги и её могуществе, но забрала память о цене, которую нужно заплатить за то, чтобы её открыть. Маг истечёт кровью задолго до того, как заново узнает всё, что дракониха у него украла.

«Я забирала секреты людей по всему Фаэруну, делая своими сокровищами их, а не горы золотых монет, – прошептала вирм камню, как будто Фаэрун действительно решил выслушать. – У меня в голове знания, ради которых королевства дрались до последней крови – и будут, если им не позволить сгинуть со мной. Если моё тело и мой разум сольются с твоими, они будут в безопасности».

«В безопасности от судьбы, которой ты страшишься, от призраков украденных душ»

И снова Амреннатед задумалась, не был ли этот упрёк сказан её собственным голосом. В любом случае её когда-то острый и манипулятивный разум сейчас слишком устал, чтобы отрицать или исказить правду.

«Да. В безопасности. Они будут искать мои кости, но найдут лишь пустой камень. Никто не будет выпытывать секреты у гор. Я похороню их в глубоких ущельях, где обитают самые низшие из существ. Позволю лишь им узнать злодеяния Фаэруна и его красоты, позволю узнать, где таятся и дремлют величайшие силы. Эти существа, мудрейшие из всех, не будут раздумывать и обращать внимание на моё наследие. Таково моё желание».

«Никто не может знать, что оставит после себя».

Но гора почувствовала, что великий вирм угасает. Слова превратились во вздох, когда она, наконец, поддалась и раскрылась самой старой, самой глубоко сокрытой магии Амреннатед.

Слои за слоями камня, погребённые под другими слоями, задвигались и застонали, изгибаясь, плавясь и сгорая, меняя форму зонтов этого мира в одном маленьком месте ради зверя, дремавшего в недрах горы неисчислимы столетия.

Снаружи, на открытом воздухе в десятках метров над воссоединением, на зубчатом скальном уступе под тёплым солнцем гнездилась пара полосатых ястребов. Гора содрогнулась под ветками гнезда и когтями птиц, издав тяжёлый запах расплавленного камня и умирающего дракона.

Самка запищала и взлетела, когда неестественный запах достиг гнезда. Затем вихрем крыльев и разлетающихся перьев она кинулась обратно, ломая скорлупу яиц собственными когтями.

Облака перьев разделились на отдельные элементы и спустились на потоках ветра далеко вниз. Пёрышки закончили путь в мыльной воде у голых ног тихонько поющей женщины.

Старушка пела и тёрла одежду о деревянную стиральную доску теми же движениями, что она использовала для этого ещё с того молодого времени, когда пальцы её были прямыми и гладкими. Она выудила залетевшие перья из мыльной пены, добавила ещё мыла и начала тереть усерднее, пока костяшки не заскребли по дереву.

Она не заметила, что покрытая мхом скала позади неё изменилась.

Зелёный ковёр, соединявший камни с близлежащими деревьями, потемнел, становясь сиреневым, словно свежий синяк. Он покрыл деревья толстыми прожилками, загораживая падающие на спину лучи горячего солнца.

Неожиданно оказавшись в тени, старая женщина обернулась посмотреть, стоя на коленях – и тут первая волна магии обрушилась на неё.

Падая на землю, прачка перевернула ведро с водой. Сначала она подумала, что, возможно, её сердце, наконец, не выдержало – живя в одиночестве на склоне горы, женщина всегда думала, что именно такая смерть её ждёт. Она смирилась, даже

радовалась такой судьбе. Не самый плохой способ умереть, не самый зазорный. В конце концов, боль будет продолжаться недолго.

«Да боги смеются, это не оно», – подумала старушка, хватая ртом воздух и машинально схватившись за грудь, хотя на самом деле казалось, что именно голова вот-вот взорвётся от давления.

Образы мчались галопом перед её мысленным взором; гора – её гора – разговаривала с драконом, будто вырезанным из фиолетового камня.

– Ам... Амреннатед, – пересохшие губы смогли сформировать имя, и новая волна агонии накрыла её. Имя вызвало ещё больше видений в её разуме – в основном волшебников, высасываемых до пустой оболочки – одновременно наполняя женщину до краёв... чем? Для неё всё казалось сплошной болью, она тонула в страданиях.

Дрожа, старушка поднялась на колени и слепо поползла на четвереньках к горе, хватаясь за корни и камни и подтягивая тело на скользкой поверхности.

– Леди, пожалуйста, – всхлипывала она, как если бы дракониха могла её услышать, – мне всё это не нужно...

Корни с хрустом оборвались, и женщина снова упала, но на этот раз её лодыжка оказалась поймана юбками и горой. Раздался второй, более громкий хруст, и мир погрузился в благословенную тьму.

Старушка медленно пришла в себя от звука голоса – её собственного голоса, обращавшегося к пустому воздуху, тёмным деревьям и горе, возвышавшимся над её неподвижным телом.

– Леди, будьте милостивы. Я не знаю... что со всем этим делать.

Она с силой прижимала ладони к глазам, пока не поплыли звёзды. Воспоминания всё ещё кружились в её голове, и если она сильно сосредотачивалась, то могла рассмотреть их по отдельности.

Одно из них было о другом драконе под совершенно другой горой, мечущемся в лихорадочном, безумном сне о смерти. В другом – человек на коленях перед светящимся алтарём, закричавший от боли, когда его кровь, его жизненная сила полилась на камни. Были и другие, множество других...

Застонав, старая женщина свернулась калачиком. Её дрожащие губы снова начали выводить скрашивавшую ей работу песенку. Она пела – сначала тихо и неразборчиво, затем всё громче и быстрее, пока в итоге не закричала, стараясь заглушить образы, порхающие среди её мыслей, будто они всегда там и были.

За изматывающей болью и стуком сердца она не услышала, что гора начала трястись.

И когда хитрый ум Амреннатед наконец замедлил работу и объединился с милостью горы, камень начал дрожать.

Весь процесс занял не больше времени, чем длился последний прерывистый выдох драконихи, но снаружи сотрясающейся горы прошли сезоны, земля изменила форму... а деревня Орунн погибла.

25-ый день Флеймула, Год Дикой Магии (1372 ЛД)

– Ну тогда подожги дом, да выкури её! – маг прижал отчаянно трясущиеся руки к лицу и выругался, когда увидел на них полосы крови.

Барн ответил не сразу. Он стоял на краю высокой скалы и смотрел вниз на руины дома, который постигла подобная судьба.

С любой точки зрения, деревня Орунн уже достаточно настрадалась от огня. Поджечь ещё одно просевшее жилище казалось такой же жестокостью, как для ребёнка раздавить пятого муравья только потому, что раздавить первых четырёх ему показалось недостаточно. И всё же он понимал настроение Арлона. Диадри всегда отличалась характером.

Её нетронутый дом расположился в десяти метра от края, где мужчина сейчас стоял. Слегка кружащий голову вид прямо под ногами целиком заполняло озеро Лисье Ухо – сапфирового треугольника, замыкавшего собой подкову маленьких домиков и окружающих их ферм. Несколько лет назад жители деревни настояли на возведении забора из толстых досок вдоль опасного края скалы, для безопасности Диадри.

Он живо вспомнил гнев старой женщины от такого оскорбления.

– Они скорее боятся, что я столкну одного из их детёнышей с вершины в озеро. Но забор не поможет справиться с этим искушением!

Барн не был удивлён, увидев, что изгородь разобрана, и только несколько одиноких покосившихся досок торчат из земли.

– Твоя, эм, волшебничающая кухня, похоже, не очень рада тебя видеть, – сообщил он продолжавшему ругаться Арлону.

На самом деле Диадри возникла за спиной Арлона, когда они её искали, и с визгами запрыгнула на спину юноши. Прежде чем тот успел её стряхнуть, женщина схватилась обеими руками за его щёки и расцарапала лицо от глаз до костлявого подбородка. Затем забаррикадировалась в доме и отказалась выходить.

Арлон вытер пятно крови с ямки на подбородке и уставился на наёмника.

– Ты мог бы скрутить её, – предложил маг. – Ради её собственной безопасности, разумеется.

– Разумеется, – Барн наклонил голову, слушая продолжающуюся за дверью тираду Диадри. Со временем это всё перешло в нечленораздельные визги, перемежающиеся со стуками, похожими на звуки разбивающейся о стены мебели. – Я могу подавить её сопротивление, – согласился он. – Могу пригвоздить к земле своим моргенштерном, – наёмник проигнорировал явно полный надежды взгляд Арлона, – но у неё будет меньше шансов пострадать, если мы сперва позволим даме выпустить пар.

Он ненадолго замолк, когда из хижины донёсся очередной треск и вопль.

– Учитывая её текущее состояние, это не должно занять много времени.

Арлон с сомнением окинул трясущиеся стены взглядом, но спорить не стал. В ожидании усевшись на землю, он потёр красные усталые глаза и почесал тёмную короткую щетину на щёках.

– Из-за чего ты не спал? – поинтересовался Барн, имея в виду прошлую бессонную ночь на их пути в Орунн.

– Не из-за чего, сон разбудил.

Наёмник посмотрел в сторону двери жилища Диадри и заметил, что Алон смотрит на него, как будто молча ожидая, когда спутник посмеет рассмеяться. У него были глаза нарисованного портрета – двигались медленно, едва заметно. И всё же он как-то умудрялся занимать всё место и поглощать внимание людей вокруг настолько полно, что Барн невольно задумался, а отказывал ли кто-либо в чём-либо молодому волшебнику за его короткую жизнь? А если и да – то живы ли ещё эти смельчаки?

– Какой?

– Мне снилось, что земля трясётся.

– Это был не сон, – возразил наёмник. – Из-за этих сотрясений деревня теперь и опустела. Орунн был покинут пять лет назад. – Он указал на пустой участок противоположного берега озера, где когда-то сеяли зерно. Неровная трещина разрезала безжизненную почву, доходя до основания ближайшего дома. – Практически за одну ночь земля стала слишком нестабильной для земледелия и жизни.

– Из-за чего это произошло?

– Прихоть богов? Магия? – скрипнув бронёй, пожал плечами воин. – Ты, маг, лучше меня сможешь выдумать множество причин.

Арлон фыркнул.

– Ты хорошо справляешься со многими вещами, Барн, но быть заносчивым – не в их числе. Я нанял тебя за твои умения. Ты показал знание дорог к югу от крепости Железный Клык, при том что я и не подозревал, что есть наёмники, да ещё и образованные – тут он неопределённо ткнул пальцем в сторону двух нарисованных на лбу Барна точек, – которые много путешествовали по этой области.

– Я вырос здесь, – объяснил наёмник и мягко улыбнулся, когда маг напрягся. – И раз уж мы обсуждаем квалификации, – затем добавил он, – то я знаю, что у Диадри нет и не было семьи... и что она не волшебница.

Вот она, опровергнутая вслух ложь, которая следовала за ними от самого города дворфов, где Арлон нанял его проводником до Орунна, до Диадри. Барна удивило то, что чужак вообще знал о существовании маленькой деревушки.

Лицо мага озарило понимание.

– Сгоревший дом, на который ты смотрел со скалы...

– Мой.

– Не понимаю, зачем ты тогда согласился привести меня сюда?

– Я даже не думал, что мы найдём её, – признал наёмник. – Но, в случае, если всё же найдём – чтобы убедиться, что с ней всё будет в порядке.

– Ты считаешь, я собираюсь ей навредить?

– Мало кто приходил к ней с добром.

Включая и меня самого, подумал Барн.

– Но раз мы её нашли, что ты теперь собираешься с ней делать?

– Прежде всего остановить кровотечение, – Арлон избегал встречаться взглядом с наёмником, и снова заговорил тем беспечным тоном, который сопровождал их на пути в Орунн; его руки занялись обработкой ран. – И потом задам ей пару вопросов – конечно, в твоём присутствии. А что ты сам можешь о ней рассказать?

– Немного. Когда я был молод, Диадри редко покидала свой дом здесь, на горе, – в тени этого массивного пика, хотя и вовсе не выдающегося среди остальных гор

Алаореум и всего Тёрмиша, легко умещалось всё Лисье Ухо и примыкающая к нему деревня. Насколько было известно Барну, женщина жила на горе всю свою жизнь. – Она безобидна.

– Прости моё недоверие, – молодой маг коснулся кровавых отметин на щёках.

– Она просто рассердилась.

– Она выжила из ума, – возразил Арлон. – Долгая жизнь здесь – в мёртвой деревне, в одиночестве – стоила ей здравомыслия.

Вслед за этим утверждением наступила тишина. Взгляд Барна метнулся к дому старухи. Здание больше не тряслось.

Проводник переместился к передней двери как раз в тот момент, когда она распахнулась наружу, и из неё вылетела Диадри. Барн перехватил её за талию и аккуратно приподнял над землёй.

«Бог ты мой, косточки как птичьи», – поразился он. Интересно, сколько времени она нормально не ела?

Остальные её части выглядели ещё хуже, если такое вообще возможно – словно заросший сад после многих лет пренебрежения уходом. Её длинные седые волосы висели той же толстой косой, какую он запомнил с детства, однако не видали ни мыла, ни расчёски всё это время. Отдельные сальные пряди-сосульки выбивались отовсюду, падая на глаза и на обвисшую кожу шеи. Поверх грязных юбок женщина носила залатанный фартук – и всё это издавало неприятный запах, от которого сводило челюсти.

Диадри молотила в воздухе руками и ногами, но наёмник просто покрепче прижал её к закованной в броню груди.

– Рад тебя видеть, Диадри. Давно не виделись, – поприветствовал он.

Кости её захрустели, когда старуха завертела головой, пытаясь поднять её так, чтобы оказаться практически лицом к лицу с мужчиной. К его удивлению, в её молочно-голубых глазах сверкнуло узнавание.

– Барн? Сын Норинта?

– Ты меня помнишь?

– Задира Барн, – пробурчала она. – Толстый, с кривыми зубами, всё время заглядывал в мои окна вместе с такими же друзьями, пуская слюни. – Тут её глаза сузились. – За это я сломала метлу об твою голову.

– Правда? Да, Барн, согласен – практически безобидна.

При звуках голоса волшебника Диадри снова забилась в воздухе с удвоенной силой. Барн позволил ей соскользнуть пониже, но как только её ноги коснулись земли, с силой надавил, заставляя стоять смирно.

– Мы не причиним тебе вреда, Диадри, – успокоил маг вкрадчивым голосом, от которого у наёмника по шее побежали мурашки.

– В таком случае разворачивайтесь и идите вдоль трещин туда же, откуда явились, – огрызнулась старуха. – И смотрите не свалитесь в одну из них.

Она хотела отпрянуть от приближающегося волшебника, но споткнулась.

Барн поднял её и заметил тёмно-коричневые пятна по краям разорванной юбки.

– Ты ранена, – отметил он.

– Пустяки, это старое, – старая женщина съёжилась, когда Арлон наклонился осторожно пощупать кость. – Уже зажило, настолько хорошо, насколько могло. На ровной поверхности не чувствуется, но лазать вверх-вниз по горе – Девять Адов боли.

– Чудо, что ты выживала в одиночку столько времени, – сказал Барн.

– Почему? Из-за орков и прочих уродцев, иногда заглядывавших обчистить дома? – она презрительно фыркнула. – Они сюда не поднимались. Никто не поднимался. Никому это не нужно.

– Мы пришли забрать тебя отсюда. Ты нездорова, Диадри, – сказал Арлон, выпрямившись.

– Сумасшедшая, ты имел в виду, – неприятно усмехнулась старуха. – Да, я тебя слышала. Я – много кто, – она смолкла, подняв руку к щеке, чтобы поскрести въевшуюся в кожу тёмную грязь. – Может быть и сумасшедшая, – допустила она, будто никогда до этого не рассматривая такую возможность. Её глаза метнулись к лицу мага. – Но и ты много кто, и, может быть, среди твоих личин есть и настоящая. – Она наморщила нос. – Ты пахнешь магией, хотя и не выставляешь её напоказ. – Женщина кивнула головой на бледный, высокий лоб волшебника. – Уверена, что ты умён – для того, кто так сильно смердит Искусством – но ты ищешь не ту женщину...

– Но нужную гору, – прервал Арлон. – Я ищу жилище Амреннатед.

Диадри напряглась в руках Барна, затем отрезала:

– Амреннатед – это ещё меньше твоё дело, чем даже моя персона.

– Кто такая Амреннатед? – решил узнать наёмник.

– Дракониша. В местных легендах она упоминается как Королева Горы, – объяснил молодой маг. – Я пришёл сюда отыскать её.

– Из-за детских историй? – фыркнул Барн. – Зря потратил время. У горы нет другой королевы, кроме Диадри, а она не дракон, хотя и рычит похоже, – плечи старой женщины затряслись – возможно, от смеха, наёмник не был уверен. – А твоей королевой пугали детей, чтоб они вели себя хорошо.

– Никогда не работало, – буркнула старуха.

– Амреннатед – аметистовый дракон, старше и крепче, чем сам эта гора, – настаивал Арлон. – Согласно исследованиям, будучи уже старым вирмом, она пришла сюда и с тех пор редко покидала устроенное ею логово. – В голосе мага добавилось возбуждения. – Неужели ты не понимаешь? Когда ты был ещё мальчишкой, она уже была практически у тебя под ногами, а ты даже не знал.

Всё это не убедило Барна.

– И какое отношение это имеет к Диадри?

– Никакого, – вмешалась та, но волшебник улыбнулся ей.

Арлон развернулся, пробормотав что-то, что Барн не расслышал, и подошёл вплотную к каменной стене. Трава и пыль всколыхнулись, будто короткий порыв ветра пронёсся над ними, когда маг поднял руку в воздух. Двумя пальцами он держал грязный обрывок ткани.

Диадри издала приглушённый яростный звук. Наёмник узнал кусок окровавленной юбки женщины. Ветер выдернул ткань из рук волшебника и несколько секунд баюкал, прежде чем позволить плавно опуститься на землю. Поток воздуха заструился от скалы к задней стороне дома Диадри, ероша по пути цветы и кустарники в саду женщины.

– Сюда, – показал Арлон, следуя за дыханием магии.

За старой лачугой высилось скальное отложение. Тропинка, которой они следовали, обрывалась здесь, сменяясь крутой горной тропой.

– Заклинание кровавого следа, – объяснил молодой маг, когда сзади подошёл Барн, и показал на каменную поверхность.

Сбитый с толку наёмник прошёл ещё немного вдоль отвесной стены.

Корни небольших деревьев и кустов, вылезавшие там и тут, образовывали лестницу со своеобразными крутыми ступеньками-уступами. На полпути корни были вырваны, там же виднелась тёмная полоса, тянувшаяся вниз.

– Ты пыталась тут залезть? – спросил воин, обернувшись к женщине. – И здесь ты сломала лодыжку.

– Должно быть, она искала что-то ужасно важное, – подметил Арлон. – Интересно, что, а, Диадри? – его тон предполагал беседу, но он не сводил глаз с горы, будто силясь раздвинуть камни одной лишь силой воли.

Снова что-то пробормотав себе под нос, волшебник взлетел вертикально вверх вдоль отвесной стены; хватаясь за выступы, он не давал ветру нарушить его равновесие.

– Следуй за ним! – вскричала Диадри, схватив мужчину за руку, когда маг скрылся за границей скалы. – Ей не понравится, если он найдёт, где она спала!

– Кому не понравится? – спросил Барн, чьё терпение быстро истощалось. – Эта его дракониха? Она мертва, Диадри, если даже и существовала. В любом случае ей без разницы, кто придёт к ней на могилу.

– Он собирается пожить тем, что могло после неё остаться. Они все так делают, разве ты не понимаешь?

– Ну и пусть, раз он так хочет... – он замолк, когда лицо старушки побагровело от ярости.

– Глупое, наглое дитя! – плюнула она. – Зачем ты вернулся – да ещё и приведя жалкого напыщенного культиста? – женщина толкнула его. Воин почти ждал, что она потянется за ближайшей доступной метлой, как двадцать лет назад.

Барн поднял перед собой руки.

– Он нанял меня привести его – к тебе. Я не знал, кто он такой. Какая разница, что он там найдёт?

– Тебе нет разницы? Конечно, даже зрелище того, что твой дом по косточкам разобрали стервятники, тебя не тронуло, так чему удивляться? – Диадри с отвращением фыркнула и снова замахнулась.

Наёмник ловко поймал оба её кулачка и отвёл от своего лица.

– Просто груды брёвен, как я помню. Я лишь пришёл проверить, в порядке ли ты.

И если Арлон был культистом, как утверждала Диадри, то воин принёс ей куда больше неприятностей, чем она могла бы избежать, если бы он отказался.

Хватка старушки обмякла, но взгляд оставался суровым.

– Я тебя не понимаю.

Барн вздохнул и пригнулся, предлагая старой женщине забраться на его широкую спину.

– Как и я сам, большую часть времени. Я потащу тебя, но только пока торчат корни.

Диадри ненадолго закрыла глаза.

– Спасибо, – она обернула тонкие руки вокруг его шеи и добавила: – Я ошиблась. Ты немного изменился с годами. Теперь ты меньший дурачок, чем когда-то был, пусть даже и разгуливаешь тут с Культот Дракона.

– Откуда ты узнала, что он – культист? – поинтересовался наёмник, когда они начали карабкаться. – Он не безумен, в отличие от... – тут он осёкся, стиснув челюсти.

– От меня, – закончила Диадри, хихикнув. – Ты так же открыто относишься к миру, как и в детстве, Барн. В будущем стоило бы поостеречься. Ты же видел его взгляд. Амреннатед знала, что подобные ему рано или поздно доберутся до неё. И она подготовилась, не сомневайся в этом.

Но Барн всё же сомневался, хотя и не стал спрашивать, как же воображаемый дракон мог подготовиться к встрече с фанатиками культа, или откуда Диадри знала о нём. Тем не менее ему хотелось поспорить.

– Я уже не тот мальчишка, которого ты прогнала метлой, Диадри, – сказал мужчина.

– Это правда. Когда ты был ребёнком, у тебя не было этого, – старушка постучала по доспехам.

– У меня не было этого, *потому что* я был ребёнком. Я покинул Орунн, когда мне исполнилось тринадцать.

Женщина нетерпеливо помотала головой.

– Я имела в виду, что это не отец передал её тебе. Норинт был простым фермером.

– Да. После его смерти я стал наёмником.

Барн обернулся назад, когда почувствовал её руку на своём плече. Старушка с отсутствующим видом водила пальцами по спиральным узорам на наплечнике, похожим на вторую пару глаз, вырезанную на металле. Окрашенные лазурью вихри бело-голубыми парами испещряли всю броню, резко контрастируя с его сильно загорелым лицом и чёрными усами. Честно говоря, воину нравилось иметь дополнительные пары глаз для защиты, пусть это и смахивало на суеверие – хотя эти узоры не напоминали ни человеческие, ни эльфийские глаза.

Наблюдать за тем, как женщина разглядывает их было так же странно, как наблюдать за разглядывающим своё отражение в зеркале ребёнком.

– Почему ты осталась, когда все остальные покинули деревню? – тихо спросил наёмник.

Она подняла голову и улыбнулась.

– Потому что я стара. Всякие сорванцы и культисты свели меня с ума, а я слишком хрупкая, чтобы уйти, как бы сильно земля не трясла мои кости.

– Землетрясения могли убить тебя, – отметил Барн.

– Да, но ведь это не её вина, – вздохнула Диадри. – Будь благодарен за то, что хотя бы один дракон смог уйти из этого мира без особых потрясений, мальчик.

– Ты думаешь, это из-за смерти Амреннатед земля начала содрогаться?

– А почему нет? Сила умирающего дракона – тем более такого древнего и так сильно связанного с землёй – не может не ощущаться, неважно, насколько мирной стала смерть.

– Ты хочешь защитить её память, – покачал головой мужчина. – А ведь она уничтожила Орунн – пускай и не лично, но в результате своего ухода.

– Пришло её время, и она решила умереть так, как требовала того её гордость – большая, чем у армии жадных фанатиков культа. Я могу лишь надеяться, что мне когда-то будет предложена подобная милость. – Диадри напряглась. – Будь осторожен, сейчас ещё потрясёт.

– Что... – Барн выругался, когда камень под пальцами заходил ходуном, начав дрожать. Металлическая броня застучала об него, встряхивая обоих людей, но Диадре, похоже, это не сильно мешало.

Зацепившись локтем за самый толстый корень из тех, до которых он мог дотянуться, наёмник притянул женщину поближе и держал до тех пор, пока тряска не замедлилась и, наконец, прекратилась.

– Откуда ты знала? – спросил он, когда всё улеглось, а каменная поверхность успокоилась.

Диадри не ответила. Вывернув голову, Барн увидел, что женщина смотрит вниз, на свой дом. Отсюда было видно, что крыша жилища обрушилась внутрь.

– Диадри, – не сдавался он; старушка моргнула и отвернулась от печального зрелища.

– Продолжай лезть, – потребовала она. – Мы почти наверху.

Наёмник проследил за её взглядом до уступа наверху, выдававшегося из скалы в нескольких метрах над ними. В глубине его виднелся вход в пещеру.

Когда они достигли верха, Диадри соскользнула с его спины на землю. Снаружи прохода как раз было достаточно места, чтобы они вдвоём могли спокойно стоять. Когда Барн, прищурившись, заглянул в темноту, ему показалось, что он увидел отблески маленьких огоньков.

– Арлон! – позвал он, но огоньки не пошевелились. Достал факел из наплечного мешка и какое-то время возился с ним, поджигая. Когда он, наконец, сунул горящую деревяшку внутрь, старая женщина уже стояла в нескольких шагах впереди него и разглядывала стены тоннеля. В свете факела наёмник заметил цветную вспышку и заморгал, решив, что ему показалось.

– Что это? – спросил он, затем сам же и ответил: – Аметист!

Воин прижал свободную руку к камню. Глубоко внутри были поблёскивающие, закручивающиеся сиренево-белые узоры, не так уж и непохожие на узоры на броне.

– Иди осторожней, – предупредила Диадри, когда сухая земля и что-то более твёрдое захрустели под его сапогами.

Наёмник быстро отступил, подсветив факелом покрытую засохшей грязью кость, треснувшую почти наполовину под его весом. Также он заметил поблизости и череп.

– Человеческий, – отметил он. Вся задняя стенка черепа провалилась внутрь. – Сюда приходили и другие?

– Много других, – голос Арлона эхом донёсся из темноты впереди. Они услышали шаги мага, затем он появился в свете факела. – В каверне побольше есть и другие останки, – поведал он, затем победно взглянул на наёмника. – И два глаза, – добавил он, взмахом велел следовать за ним по тоннелю.

Вся троица несколько метров спускалась вниз, пока не оказалась в пещере с куполообразным потолком. Прямо перед ними виднелись два одинаковых алькова размером с человеческий рост, вырезанных в стене и глубиной с руку.

Пещера была полна сверкающих аметистов. Отдельные кристаллы выдавались из стен, а друзы устилали пол вокруг маленьким лабиринтом.

Арлон провёл рукой по самому большому кристаллу. Тот подсветил всё помещение болезненным лавандовым светом.

Барн мог различить и другие сверкающие предметы, разбросанные по земле – драгоценные камни разных цветов и размеров, серебряные и золотые монеты.

– Она была здесь, – радовался Арлон. – Это остатки её сокровищ. Скажи мне, где она! – потребовал он, накинувшись на старушку.

– Арлон, – Барн как бы между прочим вклинился между ними, игнорируя мрачный взгляд, брошенный волшебником. – Ты правда веришь, что она прячет Амреннатед в одном из своих карманов?

– Некоторое время я думал, что она и есть дракон, – он отвечал Барну всё тем же беспечным тоном, однако глаза его следили за каждым шагом Диадри по пещере – следили с возбуждением человека, не знающего, что за ним наблюдают.

Но воин наблюдал, и эти глаза рассказали ему более чем достаточно. Его рука скользнула к поясу, поближе к поджидавшей рукояти моргенштерна.

– Те, кто возвращался от горы, никогда не находили эту пещеру, – тем временем продолжал маг. – Они считали, что единственная живая душа здесь – это одинокая сумасшедшая старуха... старуха, отказавшаяся оставить Амреннатед. Они не знали, что она говорила о драконихе, Королеве Горы. Лишь немногие знали имя вирма.

Диадри остановилась и взглянула на волшебника, её рука застыла на кромке одной из каменных глазниц.

Барн вспомнил отражение Диадри в броне. Затем отмахнулся от воспоминания.

– Это бред. Она не дракон, она...

– Я знаю! – рявкнул Арлон. – Но ей известно истинное имя дракона. И она сама пыталась добраться сюда. Зачем? – волшебник схватил горсть монет, камней и грязи с пола и запустил в стену в сантиметрах от женщины. – Точно не за этим! Ты же не грабитель, не орк, ведь так, Диадри? Хотя и пахнешь так же. Где она? Где драконьи кости? – закричал он.

В пещере воцарилась тишина. Одинокая монета, всё ещё катившаяся после вспышки ярости волшебника, остановилась у носка сапога Барна. Наёмник взглянул на неё и краем глаза поймал какое-то движение.

Сперва воин решил, что левый каменный глаз моргнул, но это была всего лишь Диадри, беспокойно метавшаяся под низко висящей гребёнкой толстых сталактитов. Он открыл рот, собираясь позвать женщину.

И в этот момент одно из каменных копий оторвалось от потолка. Но это был не сталактит – это Барн понял в тот самый момент, когда уже крикнул старушке – и он не падал. Он полз вниз по стене.

Оторвавшись от груды камней, неведомая штуковина свалилась в круг сиреневого света, испускаемого зачарованным аметистом. Наёмник мог различить похожую на наковальню голову, раскачивающуюся из стороны в сторону как маятник, а также четыре каменных лапы, неуклюже ковыляющих по земле.

Тело существа вытянулось к Диадри, когда та отшатнулась.

Барн выхватил моргенштерн и побежал, намереваясь оттолкнуть женщину, но её лодыжка уже не выдержала.

Старушка свалилась на землю, и существо пронеслось над ней, зацепив её за бок каменным пузом. Диадри закричала, когда её протащило вперёд – голая плоть заскребла по осколкам камней и кристаллов.

Воин размахнулся оружием, попав по чуду с другой стороны и превратив передние лапы в облако пыли и обломков. Оно яростно заелозило, точно щенок на скользком полу, позволив старой женщине освободиться.

Барн развернулся для следующего удара, но остановил замах, заметив, что руки Арлона выводят быстрые узоры. Монеты, драгоценности и обломки, ранее запущенные им в стену, теперь поднялись в воздух и полетели в существо, словно дюжины маленьких метательных снарядов. Ещё больше кусков откололось от каменного тела монстра, когда магическая картель соприкоснулась с ним. Ужаленное создание сразу же переключило внимание на мага.

– Следи за ней, – прикрикнул он на наёмника. – Мне она пока нужна живой, – Арлон снова поднял руки.

Диадри в позе зародыша лежала у стены пещеры. Её рубаха вся была измочалена, и кусочки камня и острых кристаллов застряли в теле.

– Она защищается, – простионала старушка, пока Барн в приглушённом свете пытался обработать порезы.

– Арлон избавится от твари, – успокоил наёмник, про себя добавив: «И потом, возможно, примется за нас». – Похоже, твоя дракониха оставила пару зверушек охранять своё логово.

– Нет, – возразила старая женщина. – Они будто её дети, только не совсем. Она оставила куски самой себя.

– Эта нечисть явно не живая, – не согласился воин. – Она состоит из камня, золота и самоцветов. Это то, что я извлёк из ран, – он показал на покрытые кровью драгоценности рядом.

Старушка подняла голову и потянулась к мужчине, её пальцы нащупали и схватили тунику. Её жалобный взгляд, затуманенный болью, остановился на его лице.

– Можешь вытащить всё остальное?

Сердце Барна сжалось.

– Я уже точно всё вытащил, леди.

– Нет, не всё. Не Амреннатед. Что-то ещё здесь, – она с силой постучала по виску грязным ногтем. – Это не её вина, что кое-что досталось мне. Я упрямая – я любила гору не меньше её самой. Я не ушла.

– О чём ты говоришь? – Барн схватил женщину за плечи, когда та задрожала. – Куда делась Амреннатед?

– Внутрь горы. Дракониха была стара и не хотела, чтобы её кости растащили после смерти. Разве ты бы хотел этого, если бы жил хотя бы вполовину столько же? Я её не виню. Я видела, как это произошло с Орунном. Поэтому она слилась с горой. И это нарушило баланс... всего – трясась земля, эти трещины... Все, кроме меня, покинули деревню. Гора и я... почему-то всё смешалось, и теперь часть её во мне... а я просто хочу оставаться дома, в безопасности. – Глаза её наполнились слезами. – А может быть, это только её голос, её желания. Я не знаю. Не имеет значения, если он его убьёт, – простионала она. – Кусков всё ещё слишком много.

– Боги, Диадри, – протянул Барн, ощущая себя абсолютно беспомощным. Он гладил её по плечам, пытаясь успокоить рыдающую старушку.

Его руки внезапно остановились на месте, когда воин осознал её слова. Слишком много кусков.

Прищурившись, наёмник оглядел стены каверны, позволяя глазам привыкнуть к каменным уступам и теням. Он вспомнил, как ребёнком лежал на берегу Лисьего Уха и рассматривал форму облаков. И сейчас, пока он смотрел, глаза отмечали всё больше змеиных фигур, притаившихся среди неровностей по всей пещере. Пока они не двигались.

Позади него, Арлон упал на живот, когда каменный монстр дёрнулся, ударившись задней частью о скальный выступ на дальней стене. Тяжело свалившись на пол, чудище разлетелось на куски.

– Аметистовые драконы – сильные псионики, – поднялся с земли маг. – Я должен был догадаться – ожившие каменные вирмы. Амреннатед позволила своему телу слиться с горой, и её разум последовал за телом, совершенно невредимый. Но из-за твоей близости к ней и к горе, почему-то часть её души просочилась внутрь тебя.

Затем он пошёл к ним; на его лице застыло выражение триумфа, когда он начал читать слова следующего заклинания.

Барн не собирался ждать и выяснять, что бы это могло быть – в лучшем случае чары, которые убьют или обездвижат их обоих, или всё что угодно, что сохранит разум Диадри нетронутым.

Рука потянулась к оружию, но воин колебался. Волшебник находился слишком далеко. Если Арлон увернётся, если он не попадёт в цель, они с Диадри умрут.

Он изучал стену, следуя изгибам змееподобных, каменных тел, словно мог мысленно приказать им сдвинуться, спрыгнуть на мага.

Культист поднял руки.

Барн мрачно улыбнулся и запустил моргенштерн в пустоту между ними.

Арлон выпучил глаза. Его левая рука сильно тряслась, но он все равно продолжал выводить ею символы заклинания, даже несмотря на то, что правая рука слабо дёргалась, пригвождённая наверху к стене пещеры. Кровь стекала по скале на пыльный пол, но маг продолжал читать, выплёвывая слова заклинания вместе с брызгами слюны.

Он не видел, что камень за его спиной задвигался, разбуженный столкновением металла со стеной.

Ещё два змеевидных туловища развернулись и заметили движения заканчивающего колдовать культиста.

– Держись за мной, – приказал воин женщине, когда та попыталась принять сидячее положение.

Они смотрели, как маленький язычок пламени появился над целой ладонью Арлона, разгораясь до сине-оранжевого шара.

– Приготовься бежать, – прошипел наёмник, понимая, что Диадри не сможет убраться с пути летящего огненного снаряда.

Но сфера взорвалась там же, где и возникла, когда третья голова-наковальня оторвалась от стены рядом с вздетой рукой, одним движением смяв и магическую конструкцию, и самого мага.

Чары рассеялись, когда наковальня впечатала тело Арлона в стену, так же, как ранее моргенштерн обездвигил руку. Стукнувшись головой, человек обмяк и сполз вниз.

Барн всё ещё держался настороже и закрывал Диадри собой, пока вирмы спускались со стен. Они бродили по пещере, обводя её своими невидящими глазами и водя головами из стороны в сторону, как будто могли чуют добычу, как кровавые гончие, напавшие на след.

Наконец, не обнаружив ничего двигающегося, они остановились и свалились на пол каверны грудой камней. Спустя пару мгновений их уже было не отличить от обычных каменных образований.

– Он мёртв? – спросила Диадри, рассматривая неподвижное тело мага за спиной своего защитника.

Барн кивнул.

– Ты готова вернуться домой, Диадри? – шёпотом спросил он в ответ, боясь даже дышать, из страха, что каменные драконы снова оживут. – Амреннатеде снова заснула.

– Ещё нет, – отозвалась старая женщина. – Мне нужно побыть здесь.

Почему-то мужчина не удивился. Он сомневался, что она будет в состоянии проделать головокружительный путь обратно вниз. Глаза старушки затуманились и смотрели куда-то вдаль, а щёки её впали ещё глубже. До наёмника внезапно дошло, что не смотря на все эти вещи, она выглядела практически так же, как всегда, со времён его молодости. Она была старой тогда и оставалась старой сейчас. Он даже не помнил времени, когда она выглядела моложе. Воин с удивлением подумал – почему же он понял это только сейчас?

– Долго? – уточнил он.

– Столько, сколько потребуется, чтобы все воспоминания ушли, – сказала она. – Не спрашивай, сколько точно. Понятия не имею.

– Я имел в виду, долго ли ты тут жила, Диадри? На горе, – он заколебался. – Ты ведь лично знала Амреннатеде? И говорила с ней.

– Полагаю, ты думаешь, что и я, и она, и гора – все мы одного возраста? – она хрипло хмыкнула. – Нет, мальчишка. Я не такая старая, как эта вершина – не настолько. Амреннатеде сказала мне своё имя и обменялась со мной парой слов, потому что мы понимали друг друга – две старые женщины, желающие найти местечко, чтобы дожить и спокойно умереть. Гора нас объединила. – Её глаза потемнели, а взгляд потяжелел. – Разве ты не предпочёл бы того же, человек, или лучше быть нанизанным на копье или меч?

– Я не дракон, леди, – мягко ответил Барн, хотя в первый раз с тех времён, как он мальчиком заглядывал в окно, воин почувствовал себя неуверенно и даже слегка испугался старушки. Он сглотнул, прогоняя чувства и призывая на губы улыбку. – Как и ты, Диадри, несмотря на все убеждения.

– Это тоже не лучшая смерть, – её веки затрепетали; тьма покинула её лицо, а старый добрый юмор вернулся. – Не слушай меня. Если я пробуду здесь достаточно долго, она заберёт их, остальные кусочки. Надеюсь.

Барн не знал, что ответить.

– Я почию крышу, прежде чем уйти, – неожиданно предложил наёмник. – Подготовлю к тому времени, когда ты решишь вернуться.

– Как это приятно с твоей стороны. Оказывается, ты не такой уж и плохой. Я потрясена почти до опустошённости.

Старушка опустила голову на каменный пол горы и заснула с умиротворённой полуулыбкой на лице.

СИЛА ШУТА Мюррей Дж. Лидер

Миртул, Год Неуправляемых Драконов (1373 ЛД)

В тот день в таверну «Весёлый Жонглёр» стекались новости издалека и со всех сторон. Новости о драконах. В основном слухи, но в них виделось достаточное количество правды, чтобы довести всех до грани. С севера приходили смутные рассказы о новом Полёте Драконов, подобном произошедшему семнадцать лет назад над Лунным морем и Королевствами, только более широко распространившемся и смертоносному. Например, похожий на луковицу торговец из Хилстара поведал, что над городом сразили дракона настолько огромного, что его труп заблокировал выход из гавани на месяц.

Хальт сидел за пустым столиком и слушал. Большая часть посетителей таверны скользила по нему взглядами, но никто не осмеливался приближаться к эльфу или задавать вопросы. Подтянутый и гибкий как лев, с такой же рыжевато-коричневой гривой волос и с длинным кинжалом на поясе, он выглядел способным постоять за себя и готовым ввязаться в драку при первой же возможности. Татуировка на щеке означала, что он из диких, а значит опасен – репутация среди чужаков, которую его народ не особенно торопился развеивать. Тот факт, что вытатуирован был именно дракон, чей серебристый хвост тянулся с щеки на шею, наверно, привлекал некоторое внимание, но Хальт не собирался ни с кем объясняться. Берегост был торговым городишкой, обслуживавшим всех, кто пользовался Торговым Путём от Врат Балдура до Амна, и в нём, разумеется, побывало немало личностей, которых лучше было не тревожить расспросами.

Эльф не отводил взгляд от тёмного угла зала и двух фигур, устроивших там встречу. Если бы прочие посетители знали, кто это был и о чём они разговаривали, у них бы была причина внезапно стать более чем обеспокоенными.

Путешественник из Тёрмиша рассказывал историю, которую он слышал в Эрлказаре неделей ранее. Она касалась дракона, предположительно вылезшего из своего логова в горах около Сарадаша и уничтожившего большую часть города, прежде чем городская стража и два местных волшебника, наконец, уничтожили его. Тёрмишанец оставил наиболее шокирующую часть рассказа напоследок:

– Это был медный дракон.

Взгромоздившийся на высокий стул гном зашёлся в хохоте.

– Если это всё устроил металлический дракон, значит, Сарадаш сделал что-то особое, чтобы заслужить такую участь.

– Я бы не был так уверен, – возразил здоровяк-трактирщик. – Говорят, эти Полёты происходят на протяжении веков, и меня всегда интересовало, а почему это должно относиться только к злым драконам?

Глаза Хальта сузились. Одной из двух фигур в тёмном углу – одетой в сиреневое и с белой копной волос на голове – был человек, которому эльф доверял больше любого другого существа на Фаэруне. Но сейчас лицо Тринкуло, с которого редко пропадала широкая улыбка, выглядело мрачнее, чем когда-либо. Его собеседник, которого Тринкуло звал Чалинташем, отличался румяной полнотой и ржавого цвета волосами. Ему Хальт не доверял ни на грош.

Пара громко рассмеялась, но ненадолго, и вскоре снова посерьёзнула. Эльф задумался, что же такого весёлого они могли обсуждать.

– Послушайте себя, – запротестовал гном. – Ваши мозги плавно перешли к наихудшему сценарию.

– Он прав, – вмешался черноволосый купец из Глубоководья. – Если с драконами творится что-то доселе невиданное, правильные люди уже знают об этом и принимают действия по защите всех нас.

– Слова истинного глубоководца, – фыркнул уроженец Хилстара. – Доверять своим лордам и Чёрному Посоху. Скажи мне, что они предприняли в последний раз, когда это произошло? Что они сделают, чтобы защитить Хилстар?

– Я такое слышал об этой дыре, – объявил гном, – что даже жаль, что дракон не стёр её до основания.

– Охолони, приятель, – предупредил владелец заведения. – Берегост на попечении латандритов, а они не любят подобных разговоров. Поэтому ты или...

Гном спрыгнул со стула и направился к Хальту.

– Разве ты не знаешь? – рявкнул он. – Если бы ты пришёл в этот город, они швырнули бы тебя в тюрьму и скормили монстрам на арене!

Эльф ничего не ответил, продолжая смотреть на двоицу в противоположном углу комнаты, но всё же опустил руку на рукоять кинжала.

Парочка же, увлечённая беседой, не заметила беспокойства среди посетителей.

– Если не перестанешь оскорблять моих клиентов, – сказал трактирщик, почти не повышая голоса, – то сам проведёшь ночь за решёткой, вместо своей уютной мягкой постельки.

Гном, ворча, ушёл на лестницу, а остальные торговцы вернулись к прерванным беседам, внезапно решив переключиться на темы, бесконечно далёкие от драконов. Но напряжение осталось – как и рука Хальта на оружии.

Глупцы, думал он. Мир горит, а они обсуждают сплетни. Их мелочность стравливает их друг с другом. Воистину Ярость будит всё самое худшее во всех существах, драконах или нет.

Хальт заметил, что Чалинташ повернулся и посмотрел прямо на него.

Человек вытянул палец, указывая. И эльф увидел гнев, дремлющий в его глазах.

Порождая прохладный ветерок, шевеливший листья, дракон промчался среди ветвей, словно молния; его изящное тело огибало величественные деревья с невозможными скоростью и грацией. Длинный тонкий хвост метался туда-сюда, но не тревожил ни одно дерево. То небольшое количество солнечного света, что просачивалось через плотную листву, отражалось от гладких крыльев, серебристыми вспышками падая на погружённое в тени поселение внизу. Каждый труналор останавливался и наблюдал за разыгрывающимся между высокими деревьями спектаклем – даже те, кто видел его уже тысячи раз. Конечно, это было чудесное зрелище и само по себе, но для эльфов оно имело и гораздо более важное значение. Ведь это означало, что Тринкуло вернулся.

Каждый раз они думали, что он улетел навсегда. Немногие говорили об этом вслух, кроме разве что в те периоды, когда он исчезал и странствовал по Фаэруну годы напролёт. Ртутные драконы были созданиями, подчиняющимися воле прихотей и поддающимися сиюминутным желаниям и удовольствиям. Кто-то называл это свободой, другие – безответственностью, но в любом случае ртутных драконов сложно было удержать на месте. Узы дружбы и уважения, связывавшие Тринкуло с труналор, дикими эльфами Амтара, и правда были крепки.

Хальт Лаатин никогда не сомневался в том, что его друг всегда вернётся. Татуировка в виде великого змея на щеке была постоянным напоминанием об их связи. Он знал Тринкуло лучше, чем кто-либо другой, поэтому едва только зеркально-чешуйчатый вирм коснулся земли посреди зелёных теней, эльф знал, что что-то не так. Когда дети племени подбежали поприветствовать благородное создание, их встретили натянутая улыбка и безрадостный смех.

Хальт расставил последние силки на границе деревни и присоединился к встречавшим.

– Дитя Авачела, – обратился Ферла, вождь и шаман племени. Под его управлением труналор на протяжении веков удавалось пережить почти нескончаемые нападки многочисленных врагов, включая гноллов и других злобных существ, которых исторгали Врата Железных Клыкков на юго-западе, а также жителей Дамбрата, отродий дроу, нападавших на деревню ради развлечения. – Приветствуем тебя вновь в сердце нашего леса. Какие вести ты нам принёс из внешнего мира?

Серебристое туловище Тринкуло будто начало плавиться, когда он уменьшился в размерах, приняв внешность, которую он обычно использовал при встречах с труналор – внешность беловолосого, но молодого дикого эльфа в странных зелёно-фиолетовых одеяниях. Эта форма была более удобной в небольшом пространстве между деревьями, а ещё ему нравилось взаимодействовать с эльфами на их же уровне. Великий змей был настолько наполнен энергией, что с трудом мог оставаться неподвижным даже недолгое время. Этим он слегка действовал на нервы многим из труналор, но всё же был таким оживлённым и добрым, что это покоряло даже самых суровых сердцем.

– Много вестей, Древесный Лазун, – сказал вирм. Он часто дурачился, чтобы вывести из себя в основном невозмутимого Ферлу, но сейчас казался почти таким же

серьёзным, как и сам шаман. Начать с того, что он говорил медленно, что было для него нехарактерно – когда дракон был возбуждён, то мог тараторить так стремительно, что никто не понимал ни слова. – Я не смогу остаться надолго.

– Ты говорил так много раз, – возразил Хальт, возникнув за спиной вождя. – Даже тогда, когда в итоге оставался на десятилетия.

Звон живого смеха Тринкуло поднял настроение всех, кто его услышал. Дракон шагнул вперёд и обнял своего друга.

– На этот раз это правда, Хальт, – сказал он. – Я многое должен вам рассказать.

Когда все члены племени как следует поприветствовали дракона, он, вместе с Ферлой и Хальтом, направился в тенистую рощу шамана, посвящённую Риллифану Раллатилу. Тринкуло беспокойно ходил на месте и рассказывал быстрыми фразами. Он поведал, что виверна, с которой их скауты сражались около Земляного порога, оказалась не одной такой, сошедшей с ума. Вирм повидал ещё больше свидетельств того же феномена, а также подслушал, как что-то подобное обсуждали и путники на дороге к Трём Мечам. Наконец, он получил и магическое послание от своего союзника, медного дракона.

– Какая-то болезнь распространяется среди драконьего рода. Вспышки безумия охватывают всех нас. Это происходит не впервые, но на этот раз что-то изменилось... Не знаю, что именно. Деталей у меня нет – Чалинташ беспокоился за сохранность письма.

– Драконья болезнь, – повторил Ферла, словно пытаясь этим предотвратить последствия таких слов.

– Тебе грозит опасность? – спросил Хальт.

– Не думаю, – успокоил Тринкуло, привычно торопливо склеивая слова. Хальт засомневался. – Не знаю, скажется ли это на труналор. С вивернами вы легко справитесь, но в лесу могут гнездиться другие драконы, о которых я не знаю. Постарайтесь не привлекать их внимание. А если дело коснётся синих в горах Гнольего Дозора, останется лишь надеяться на то, что они обратят свои когти против Дамбрата, а не нас.

– Но ты не можешь остаться, чтобы помочь нам справиться с возможной опасностью? – уточнил шаман, в чьём голосе сквозила лёгкая тень обвинения.

– Нет, – сказал Тринкуло, опустив глаза. – У меня своя задача. Мне нужно встретиться с Чалинташем, чтобы получить больше информации. Боюсь, на этот раз я не способен буду выполнить своё обещание Авачелу.

Серебристый дракон на щеке эльфа не был изображением Тринкуло, хотя последнему и нравилось считать наоборот. Это был Шут. Некоторым он был известен под именем Аастериниан, но Хальт знал его только как Авачела. Много веков назад жестокая империя аркаиун – варваров, которые наткнулись на тёмных эльфов под поверхностью своего государства, смешались с ними и в конце концов стали дамбрайи – терроризировала соседей, не зная жалости. Они поработили кроткий народ Луирена, даже осмелились бросить вызов Халруаа и возжелали завоевать Лес Амтар, вторгшись под сень деревьев с силой пламени и топоров.

Но Авачел, большой ртутный вирм, обычно странствовавший где-то далеко, во время войны оказался рядом и присоединился к эльфам в их борьбе против аркаиун. Многие из труналор погибли, защищая родину, но всё же имперцы были отбиты и

больше не возвращались в Амтар в таком же количестве. Эреван Илесир, Незримый Трикстер Селдарина и бог эльфов-странников, заметил доблесть Авачела и сделал своим компаньоном. Со временем тот и сам стал божеством, почитаемым всеми добрыми лесными расами, а также неутомимым защитником диких эльфов по всему Фаэруну. Когда Тринкуло присягнул на нерушимую верность Авачелу, его дух навеки оказался связан с дикими эльфами, и сам он проводил большую часть своей жизни, сражаясь и проживая вместе с ними.

– Не буду врать, – сказал Ферла, – я бы предпочёл, чтобы ты остался. Наше племя ценит твои советы, твою помощь и твой дух. Я не могу удержать тебя здесь, но должен спросить – не это ли та опасность, от которой никто не смог бы защитить нас лучше тебя?

– Да, Ферла, – торжественно кивнул великий змей, – но теперь опасность повсюду. Я не хочу уходить, но думаю, что лучше всего у меня получится защитить нас всех, если я буду далеко отсюда. Чалинташ с союзниками хотят отправить меня на задание. Он сказал, что я могу помочь положить конец Ярости.

– Вижу, тебя не переубедить, – заключил вождь. – Тогда желаю тебе удачи и скорости. И пусть сила Авачела никогда не подведёт тебя.

– Надеюсь, ты пожелаешь мне того же, – вклинился Хальт. – Я буду сопровождать Тринкуло.

– Хальт, нет! – воспротивился тот.

– Ты нужен здесь, – напомнил шаман.

– Моему другу нужна помощь, – не сдавался эльф. – Он столько раз нам помогал, что сделать то же самое – значит поступить правильно. Я был взращён на историях о Незримом Трикстере, Авачеле, и их приключениях – разве Эреван оставил бы друга перед лицом беды?

– Скажи мне, Хальт, – спросил Тринкуло. – Как мне сдержать клятву Авачела, если я заберу у труналор одного из сильнейших воинов в час нужды?

– А ты скажи мне, Тринкуло, – в ответ потребовал эльф, – Как ты собираешься выполнить своё задание – каким бы оно ни было – без меня?

Дракон какое-то время собирался возразить, но это было бессмысленно. Он разразился хохотом, который, как подозревал Хальт, слышно было, наверное, даже в Дамбрате. Эльф повернулся к Ферле, направив указательный палец прямо на свою щёку.

– Эта татуировка призвана напоминать нам, что клятва связывает обе стороны. Мы должны Тринкуло намного больше, чем он нам.

– Порывистость юности, – вздохнул вождь. – Тринкуло, на твоё усмотрение.

Дракон покачал головой.

– Точно знаю, что потом об этом пожалею. Седлай.

– Над чем вы смеялись? – спросил Хальт. Тринкуло закончил беседовать с Чалинташем, и сейчас компаньоны вернулись в свою комнату в «Весёлом Жонглёре».

– Смеялись? – переспросил Тринкуло, расхаживая взад-вперёд. Дракон всегда отличался неугомонной энергией, но на сей раз эльф видел, что каждая вена в его человеческом облике вздувается и пульсирует. – Когда?

– В какой-то момент вы с Чалинташем рассмеялись. Над чем же?

– А, – понял вирм, остановившись на месте. – Над идеей. Абсурдной. Когти Справедливости охотятся на металлических драконов, отвергающих планы Ларета. «Справедливость и добро превыше всего» – вот их код чести. А ещё «Честь и уважение праведной невинности». И где в этом справедливость, где добро? Чалинташ рассказал, что два серебряных Когтя явились в его логово, и ему пришлось пролететь пол-Анаурока, чтобы избавиться от них. Мы просто изгои и дураки для Его Великолепия – только потому, что не хотим сунуть головы в песок, погрузиться в кататонический сон и надеяться на лучшее! Если уж это не смешно, то я тогда даже не знаю, что!

Он снова начал шагать по комнате.

Хальту решение Чалинташа встретиться с Тринкуло в таверне под названием «Весёлый Жонглёр» показалось глубоко циничным. Сам Чалинташ был медным драконом – вместе со ртутными они являлись самыми легкомысленными из драконов и славились любовью ко всяким шуточкам и проказам.

А когда подводит даже сила шута...

– Почему он показал на меня? – спросил Хальт. – И ты знаешь, о чём я говорю.

– Да, это. – Тринкуло опустил взгляд. – Это не относилось конкретно к тебе. Скорее в целом к эльфам. Никто, конечно, не говорит, что эльфы стоят за тем, что происходит именно сегодня. Вовсе нет. На самом деле...

– Что ты говоришь? – потребовал объяснений Хальт.

– Эльфы сделали это, – дракон посмотрел другу прямо в глаза. – Ярость. Эльфы создали её. Боги знают, как давно... но это сделал твой народ, Хальт.

– Зачем? – спросил воин. – Зачем эльфам это было нужно?

– Чтобы подвинуть нас, – эти слова, казалось, приносили Тринкуло физическую боль. – Драконы когда-то правили миром, а эльфы захотели занять наше место. Поэтому их верховные маги придумали это проклятие безумия. Вирмы становились безрассудными, дрались друг с другом, оставляя логова, чтобы быть убитыми. Оно даже заставляло их пожирать собственные яйца. Численность драконов уменьшилась, и эльфы смогли создать собственные цивилизации.

– Но ведь это касалось только злых драконов?

– Может быть, но я сомневаюсь, – сказал Тринкуло. – Сегодня проклятье влияет на всех – хороших, злых. Кто-то может даже сказать, что так и было задумано.

Цвет покинул смуглое лицо Хальта.

– Ты не знал об этом проклятии?

– Нет. Полёты уже случались, но причина была мне неизвестна. Чалинташ тоже не знал, пока с ним не поделился родственник, обнаруживший свидетельство в человеческих руинах на дне Лунного моря.

– И все равно он винит меня, – отметил эльф.

– Нет, – возразил Тринкуло. – Не винит. Как он может? Это произошло тысячелетия тому назад! И моя миссия... Я должен рассказать тебе о ней. Возложил

бы он её на меня, если бы ненавидел эльфов? – странно откровенная улыбка возникла на лице вирма, словно перечёркивая всё, что он до этого сказал. – Мы летим в Эвермит.

– Эвермит? – не поверил Хальт. Когда он был моложе, Лес Амтар посетил эльф с бронзовой кожей, верхом на белом пегасе. Труналор вежливо отклонили его предложение оставить древнюю родину, за которую много раз была пролита их кровь, но его рассказы впечатлили Хальта – разве могло быть хоть какое-то место таким, как чужеземец описывал?

Тринкуло кивнул.

– Высшая эльфийская магия породила Ярость, возможно, она же и станет решением. Такова моя роль. Мы направимся в Эвермит в поисках помощи верховных магов.

Всё развивается слишком быстро, подумал эльф. Всего неделю назад он едва выбрался из леса, а сегодня он сидит на самом дальнем берегу Фаэруна и строит планы о том, чтобы пересечь океан и прибыть в место, которое некоторые из его народа даже считают мифическим.

– Почему тебя? – поинтересовался воин. – Почему не отправить другого дракона?

– Они решили, что я идеально подхожу из-за моей близости с эльфами, – объяснил Тринкуло. – Они знают про Ярость, и, несомненно, атакуют любого приблизившегося к ним дракона. Но, возможно, они не станут стрелять в ртутного, особенно с эльфом-наездником. Хорошо, что я взял тебя. Есть и ещё кое-что. Разыскать Эвермит трудно даже с воздуха, он скрыт довольно сложными иллюзиями. Но я превосходно знаю дорогу. Ведь вообще-то я там родился.

– На Эвермите? – поразился Хальт. – Почему ты никогда не упоминал об этом?

– Ты никогда не спрашивал, – улыбнулся вирм.

Вдруг как будто оглушительный гром раздался снаружи, и ночь наполнилась криками. Двое мужчин подбежали к окну. Ночь была ясной, со множеством звёзд, но без луны. Своими зоркими глазами как эльф, так и дракон чётко увидели лоснящуюся, ржаво-золотую фигуру дракона, кружащую над крышами Берегоста. Пролетая над зданиями, она била медными крыльями и хлестала толстым хвостом, разламывая дерево и камень.

В одной из лап дракон держал человека в униформе – городского стражника, всё ещё дёргающегося и барахтающегося. Когти всё плотнее сжимали его, пока, наконец, несчастный не затих, и тогда зверь выбросил неподвижного солдата на улицу вниз.

– Это Чалинташ! – вскричал Тринкуло. – Он вернулся... И он поддался! Хальт, он поддался Ярости!

Эльф бросился за драконьей упряжью, затолканной под перину.

– На это нет времени, – остановил его Тринкуло. – Я должен увести его от города. Встретимся в руинах.

С этими словами вирм разбежался и выпрыгнул из окна, послав дождь осколков на улицу вниз. Вытянув руки, он сбросил маскировку и развернул крылья; его одежда исчезла, а вместо неё выросли серебристые чешуйки. Хальт собрал лук, колчан и другое снаряжение, затем с быстротой молнии покинул комнату. Слетел по ступенькам, промчался через пустой зал и вылетел из таверны. Над его головой Тринкуло издал высокочастотный визг, обрушившийся на уши жителей всего Берегоста, и давший Чалинташу знать о присутствии соперника.

Подлетев к ртутному дракону, медный вместо одного увидел четырёх светящихся существ, налетающих на него с разных сторон. Гладкая чешуя ловила каждую крупицу света с ночного неба и отражала её точно зеркало, рассыпая осколки света по спящим улицам города. Раздражённо фыркнув, медный зверь плюнул плотной струёй кислоты в ближайший фантом. При столкновении бесплотный дракон рассыпался туманом, а кислота улетела за город, осыпавшись на пустое поле к западу.

Три оставшихся дракона, которых Чалинташ внимательно изучал, пытаюсь определить настоящего, все двигались и извивались одинаково. Медный дракон приземлился на возвышавшийся над зданиями города храм Латандера, схватившись задними лапами за высокий шпиль, и выставил когти и зубы, готовясь драться. С неожиданной скоростью все светящиеся вирмы бросились на него. Он кромсал и кусал нападающих, но клыки и когти встречали лишь пустой воздух, когда иллюзии растворялись в нём. Вдобавок, чужие когти впились в него самого, когда Тринкуло схватил его за задние лапы. Мощным рывком ртутный дракон оторвал медного от крыши и перевернул вверх тормашками, поднявшись в ночное небо.

Чалинташ был больше Тринкуло, поэтому долго сдерживать его было невозможно. Извиваясь всей своей огромной тушей, медный дракон бил хвостом, погружая острые когти в тело Тринкуло, и задира л назад длинную шею, пытаюсь вцепиться не менее острыми зубами.

– Прости, что мне приходится это делать, – сказал ртутный, невольно задумавшись, может ли враг его вообще понять. Поменяв траекторию полёта на нисходящую, Тринкуло держался ещё некоторое время, морщась, когда когти обезумевшего дракона погружались всё глубже, а затем отпустил.

Медный зверь камнем упал вниз. Приближаясь к земле, Чалинташ перевернулся и широко расправил крылья, пытаюсь с их помощью замедлить или даже остановить падение. Висевший над ним Тринкуло выдохнул. Луч ослепительного золотого света вырвался из его пасти и попал точно в соперника, маяком осветив Берегост и все окружающие земли. Чалинташ съёжился от сильного жара, но крылья не сложил.

Замерев, Хальт следил за тем, как Чалинташ кувыркался в воздухе, но уже понял, что уловка Тринкуло не сработала. Вместе они так делали, когда сражались с вивернами в Лесу Амтар, однако медный дракон больше и сильнее любой виверны. К тому времени, как поток дыхания прекратился, враг оправился и уверенно парил, уже не боясь удариться оземь. Но всё же частично план сработал, теперь курс битвы зависел от скорости и хитрости ртутного вирма.

Эльф бежал мимо строений, разрушенных Чалинташем. Мужчины и женщины разбирали обломки, отчаянно пытаюсь найти выживших. Прямо на выходе из города Хальт обнаружил цепочку стражников под предводительством жреца Латандера в жёлтой мантии. Они вытянулись в длинную линию, вооружившись большими луками и подготовив горящие стрелы.

Хальт подбежал к священнику, напугав его криком:

– Не стреляйте!
– Ты ещё кто такой? – вихрем развернулся к нему командир.
– Не делайте ничего, что могло бы разозлить медного, – посоветовал ему воин.
– Он уже выглядит достаточно злым, – возразил клирик. – Мы должны защитить наш храм и наш город.
– Сейчас он отвлётся, – ответил Хальт. – Начните стрелять – и вы рискуете снова обратить его внимание на себя. Позвольте мне и моему другу разобраться с ним, – он на мгновение задумался, затем добавил: – Но если мы не справимся – забудьте о жалости.

С этими словами он бросился в тёмное поле, перепрыгивая изгороди и пробегая мимо перепуганного скота, и направился к руинам. Изредка эльф оборачивался назад посмотреть, как драконьи фигуры – просто два пятнышка в ночном небе – гоняются друг за другом.

Совсем скоро Хальт добрался до руин к юго-востоку от Берегоста. Когда-то они были Магической школой Улькастера, но она была уничтожена конкурентами-калишитами за века до этого, и теперь представляла собой не больше, чем пару каменных стен и разваливающиеся башни. Земля была скользкой от овечьего помёта, а из темноты на него смотрели удивлённые светящиеся глаза. Всё было спокойно и тихо, и казалось бесконечно далёким от смертельного спектакля, разыгрывающегося высоко над головой.

Среди развалин стояли две относительно высокие колонны, высотой около шести метров. Воин подбежал к ним и тщательно осмотрел, ощупывая одну из них, пока не нашёл глубокую выемку. Видимо, изначально она была частью орнамента, окружавшего панель с размытым изображением бородатого волшебника – но Хальт придумал для неё более подходящее случаю применение.

Он открыл свою полную инструментов сумку и взялся за работу.

Безоблачное ночное небо расстилалось перед Тринкуло, а каждая звезда казалась маленькой свечкой на крыше исполинского собора. Крутясь и кувыряясь во тьме ночи, он совсем утратил ощущение верха и низа, так что небо могло быть и основанием мира, и его вершиной. Как же он это любил! Лететь сквозь ночь, когда свет звёзд отражается от глянцевых чешуек – о, эта свобода! Но не сегодня.

Тринкуло делал такие повороты, такие непредсказуемые рывки, на которые только способно было его изящное тело, чтобы не подпускать преследователя к себе. Он довёл себя до пределов своей выносливости, лишь бы не думать о судьбе, постигшей его друга. Периодически он краем глаза замечал медного дракона у себя на хвосте, но боялся оборачиваться. Бирюзовый блеск его глаз сменился тусклым красноватым сиянием.

Жизнерадостность и чистая душа Чалинташа уступили место холодным инстинктам мозга рептилии. Когда вся чуткость и теплота были вырваны из него, в медном драконе осталась лишь злоба – это придавало ему сил, но в то же время делало безрассудным и бездумным. В этом и заключалось преимущество Тринкуло. Время от

времени он замедлялся, почти давая себя поймать, затем резко менял направление, слушая недовольный рёв Чалинташа.

Тринкуло заметил белую вспышку далеко внизу и устремился к ней. Однако при этом он пролетел рядом с Чалинташем, как раз использовавшим своё дыхание – не кислотную струю, а белый газ, исторгшийся из глотки и заслонивший всё небо ядовитым облаком. Ртутный дракон промчался насквозь, но, вдохнув его, понял, что газ повлиял на его подвижность. Он летел к земле так же быстро, как и раньше, но уже не в контролируемом полёте, а серией почти случайных, опасных рывков – а враг не отставал. Земля приближалась и приближалась, но дракон не осмеливался оглянуться, чтобы понять, насколько преследователь уже близко... Он почти ощущал, как в его мечущийся хвост вцепляются когти или вонзаются зубы.

Словно серебряная комета, его яркий, отражающий свет силуэт нёсся к земле. Тринкуло приближался к тёмным развалинам Школы Улькастера, раздражённый мучительной медлительностью, сковавшей крылья и конечности. Если он вовремя не среагирует, то точно свалится. Хотя он не видел Хальта среди камней, он знал, что эльф был где-то здесь, а ещё знал, что тот задумал. Они вместе довели эту технику до совершенства во время охоты на виверн в Лесу Амтар. Дракон подметил две центральные колонны, выглядевшие достаточно высокими и крепкими, чтобы сойти за толстые деревья.

– Авачел, благослови шутов! – вскричал он, готовясь врезаться в землю.

Сжав зубы, ртутный дракон пытался заставить тяжёлое тело двигаться, поднимая себя выше и толкая вперёд. Кости слушались медленно, оказывая непереносимое сопротивление его усилиям. Чешуйчатое брюхо скребнуло по земле, когда Тринкуло, наконец, прервал своё падение, распугав овец. Непослушное тело провалилось между колоннами, и когда он всё-таки позволил себе обернуться, то увидел, что Чалинташ, как он и надеялся, там же пролетел за ним.

Сверху в медного дракона прилетела стрела, пробив чешую и застряв в точке, где крылья соединялись с туловищем, и откуда он не смог бы достать её зубами. Дракон оглянулся, пытаясь увидеть стрелка, но вместо этого обнаружил лишь поблёскивающую белую верёвку, привязанную к стреле и ведущую к одной из колонн, мимо которых он только что пролетел. Привязь натянулась, и стрела прочертила борозду в драконьей плоти.

Чалинташ взвизгнул, когда острая боль сотрясла всё его тело. Древяно принадлежало эльфийской стреле притяжения, устроенной так, что снаряд мог поразить цель и оставаться в ней несмотря ни на что, а верёвка с чарами крепости была обвязана вокруг сломанной колонны. Медный дракон прервал погоню за своей жертвой и развернулся, пытаясь найти того, кто в него стрелял. И увидел на вершине колонны эльфа, подготовившего вторую стрелу.

Хальт выстрелил; стрела полетела прямо в морду дракона. Тот едва успел увернуться и зацепил державшую его верёвку когтем. Дёрнул изо всех сил – но колонна стояла надёжно и почти не шевельнулась. Эльф ловко спрыгнул с каменного столба и скрылся где-то в руинах.

Чалинташ попытался раскусить привязь, но не смог. Тогда, подлетев ближе к колонне, он внимательно изучил её. Верёвка уходила в трещину на боку колонны.

Дракон поцарапал её когтем, но не смог подцепить. На его морде что-то отразилось – будто он пытался выкопать из трясины своего разума наилучшее решение.

– Я здесь! – вдруг раздался голос. – Неужели ты так быстро забыл меня?

Тринкуло взгромоздился на камень дальше вглубь руин. Чалинташ развернулся к нему, но, даже находясь под действием Ярости, был всё ещё слишком умён, чтобы просто рвануться вперёд и снова натянуть верёвку. Вместо этого он схватил большой обломок, поднял над головой так высоко, как смог, и метнул в ртутного.

Удивлённый Тринкуло попытался отползти в безопасное место, но после залпа драконьего дыхания оставался слишком медлительным. Валун попал вирму по морде, разрушившись при ударе. Тринкуло широко распахнул окровавленную пасть с переломанными зубами, и снова использовал своё оружие на медном драконе. Снова луч света осветил красновато-коричневую шкуру Чалинташа, купая его в обжигающем пламени. Безумец не пытался укрыться, лишь смотрел на своего врага, сжигаемый заживо.

Притаившийся в темноте под обрушенной стеной Хальт поражённо наблюдал, как Чалинташ парит над землёй, медленно хлопая крыльями, пока дыхание Тринкуло пожирает его.

Должно быть, это из-за ярости, посчитал эльф. Он совсем не чувствует боли, или просто не отвечает на неё?

Но вскоре поток жара иссяк, а всё, что медный дракон сделал после этого – встряхнулся, испуская дым из-под чешуек.

Затем Чалинташ развернулся, оказавшись мордой перед колонной, к которой он был привязан. Дракон явно ослаб, тяжело дышал, а его крылья опускались после каждого мощного взмаха, но он, опустив голову, со всей скоростью устремился вперёд. Через секунду он протаранил каменную структуру своим крепким лбом. Звук, с которым кость соприкоснулась с камнем был оглушающим и жутким. Колонна сотряслась, но выстояла; Чалинташ отошёл и ударил вновь, и вновь, с каждым разом всё сильнее.

Хальт достал из колчана стрелу и отправил её в полёт. Пленённый дракон повернулся на движение, но воин стрелял не в него, в между вирмами. Когда она взорвалась яркой, ярче полуденного солнца, белой вспышкой, Тринкуло развернул зеркальные крылья, собирая свет, усиливая его и отражая прямо в Чалинташа. Ослепительное сияние обожгло глаза медного дракона и ошеломило его.

Хальт вновь потянулся к колчану, пуская в обезумевшего змея стрелы одну за другой, каждая из которых утопала в медной чешуе.

Воющий дракон, обожжённый, ослеплённый и страдающий от колючих укусов по всему телу, определил положение стрелка, и бросился к нему, призывая остатки сил. Хальт был далеко за пределами досягаемости, но когда верёвка натянулась, Чалинташ продолжал тянуть, напрягая плечи так, что под чешуёй проступили кости – пока, наконец, колонна не поддалась. С громким треском она обрушилась, освобождая медного дракона. Эльф побежал, когда Чалинташ рванулся к нему.

Но прежде чем безумный вирм добрался до воина, Тринкуло набросился сбоку, прижав к полуразвалившейся стене, от удара рассыпавшейся окончательно. Эффект от дыхания Чалинташа развеялся только сейчас, и ртутный дракон осыпал врага укусами челюстей и ударами когтей. Тринкуло прижал медного змея к земле, удерживая его извивающееся тело. Коготь у шеи держал щёлкающие, истекающие слюной челюсти на безопасном расстоянии. Движения Чалинташа постепенно замедлялись.

– Эльфы... – прохрипел медный дракон сквозь стиснутые зубы. Хальт стоял рядом с другом, держа наготове направленную в морду безумцу стрелу.

– Что «эльфы»? – потребовал Тринкуло, зарывая когти глубже в чешую поверженного врага. – Что насчёт них?

Вместо ответа Чалинташ резко дёрнул головой, освобождаясь от хватки ртутного вирма. Громадные распахнутые челюсти устремились прямо к эльфу – который выпустил стрелу. Снаряд попал точно в глаз, а Тринкуло сомкнул зубы на доступном горле Чалинташа. Когда он оторвал кусок плоти, медный дракон свалился на землю, дёргаясь посреди развалин Школы Улькастера.

Выплюнув драконье мясо, Тринкуло повернулся спиной к огромному трупу и медленно направился к колонне, когда-то удерживавшей Чалинташа. Хальт брёл рядом.

– Животное! – выкрикнул ртутный дракон. – Обычный зверь – вот всё, во что превратила его Ярость. Он мог обратить эту колонну в пыль, Хальт! Она вообще не должна была его задержать. Но он не осознавал собственной силы.

– Что, конечно, хорошо, – отозвался эльф, но сразу же пожалел о своих словах, когда серебристое тело Тринкуло едва заметно дёрнулось.

Дракон ещё глубже вонзил когти в землю, и он напрягся.

– Нужно отправляться, – сказал дракон. – У нас мало времени.

– Куда?

– А как ты думаешь? В Эвермит.

К тому моменту, как взошло солнце, Хальт и Тринкуло уже летели над серединой Моря Мечей. А к тому времени, как оно снова начало садиться – миновали Острова Муншае, держась как можно более высоко и двигаясь как можно более быстро, чтобы не привлекать внимания разозлённых людей или, что хуже, драконов. Когда закат раскрасил всё небо над Бесследным морем в красные и оранжевые тона, Хальт, надёжно закреплённый на спине несущегося дракона, спросил Тринкуло об их цели.

– Они зовут меня назад, – поделился ртутный дракон, чьи чешуйки светились красным. – Кристально-чистые озера и гибкие деревья Эвермита... и гармония. Да, Хальт. Всё, что ты слышал – правда. Если бы твой народ принял участие в Отходе, им не пришлось бы иметь дело с Дамбратом, бандитами и гноллами. Вы могли бы жить в мире.

С тех пор, как они покинули Берегост, Тринкуло почти не разговаривал, поэтому эльф был рад слышать, как тепло дракон отзывается о своей родине.

– Никаких испытаний? А где тогда веселье?

– Как ты думаешь, почему я ушёл? – спросил вирм. – Когда я принял клятву Авачела, это дало мне повод покинуть остров и путешествовать по Фаэруну, помогая вам. Но какая-то часть меня всегда оставалась на Эвермите. Даже мне иногда нужен мир и покой.

– Мы приземлимся в Льютилспаре, – продолжал дракон, – и запросим аудиенцию во дворце Лунного Камня. Однажды ночью я повстречал королеву на берегу Озера Грёз. Единственный раз в жизни я не знал, что сказать. Она поможет нам, я знаю.

Глубоко внутри Тринкуло прозвучал голос: «Или нет?»

– Что произойдёт, когда мы долетим? – заинтересовался эльф.

– Тебя будут называть по-особому, – ответил дракон. – Ты – наездник ветра. Все воины, летающие на драконах, орлах или Пегасах, зовутся наездниками ветра.

– Мне нравится, как это звучит, – протянул Хальт, наслаждаясь ветром в волосах.

– Там самые красивые города и самые приятные леса в мире, – голос дракон стал более далёким. – Эвермит – это рай. Если подумать, эльфы создали его этим проклятьем.

– Сколько тысячелетий тому назад? – спросил Хальт. – Наверно нет в живых ни одного эльфа, который бы помнил это.

– И всё же, – настаивал вирм, – это многое говорит о мышлении эльфов, придумавших такое. Возвыситься за счёт всех остальных.

– И этому нет оправдания, – согласился наездник. Его сердце забило чаще. Ему нужно было успокоить Тринкуло, и быстро. – Хотелось бы мне, чтобы у меня была какая-то возможность искупить грехи предков.

– Надеюсь, это сделает королева, – промолвил дракон. Хальт надеялся, что всё закончилось, но ртутный начал заново: – Просто я думаю, это смешно. Я – дракон, и моя жизнь связана клятвой с эльфами. Авачел – дракон и компаньон эльфийского бога, ну, или был им. Знает ли он об этом? О правде, стоящей за Яростью? Или Авачел тоже пребывает в неведении?

Эльф огляделся, точно зная, что увидит. Земли нигде не было.

– Тринкуло, ты меня пугаешь, – предупредил он, сжав рукоять кинжала. Воин посмотрел на колчан с луком – оружие было приторочено к боку дракона чуть дальше, как раз куда он не дотягивался.

– Мне правда жаль, Хальт, правда, – прошипел ртутный дракон. – Но я посмотрел бы, каким бы ты был безмятежным, совсем недавно выдрал кусок из горла своего друга.

– Тебе пришлось это сделать. Он убил бы нас обоих, и уничтожил Берегост.

– Ты, наверно, с наслаждением всадил ту стрелу ему в глаз, – сказал Тринкуло, – и привязывал к камню, как тупую виверну.

– Я ненавижу это, – покачал головой Хальт. – Я ненавижу то, что мне пришлось делать.

Вирм засмеялся, но это был не тот беззаботный смех, звенящий среди деревьев Амтара, который эльф так часто слышал. Не циничный и безрадостный, к которому привык за последние дни. Нет, это был ужасающий, пустой звук, вырывающийся из самых тёмных уголков рушащегося сознания Тринкуло.

– Не делай этого, – слёзы покатались по щекам воина, омывая татуировку Авачела. – Ты хочешь стать Чалинташем? Оставайся со мной... прошу, Тринкуло. Не покидай меня.

И он вытащил кинжал из ножен так тихо, как только мог.

– Собираешь ударить меня, Хальт? – проскрежетал дракон сквозь стиснутые зубы.
– Всадишь нож в основание шеи? Или может, если порежешь крылья, то изранишь меня так сильно, что я не смогу долететь до земли? Ты на это надеешься, дорогой мой друг?

С полными слёз глазами Хальт полоснул кинжалом, разрезав удерживавшие его крепления. Отбросив оружие, он прыгнул назад, за луком, хватаясь за рукоять. Эльф вытащил стрелу притяжения из колчана и быстро развернулся, готовый запустить её в голову дракона. Но Тринкуло резко нырнул вниз, почти перпендикулярно бескрайней, залитой красным поверхности моря.

Хальт так и не выстрелил. К тому времени, как великий змей выровнялся и снова полетел вперёд, эльф остался далеко позади. Упряжь и остатки припасов тоже соскользнули со спины дракона. Тринкуло не оборачивался, не смотрел, даже не слышал всплеска. Но спустя минуту он почувствовал острую боль, как будто стрела всё-таки вонзилась в мозг. Его чувства прояснились, снова наступила ясность. Его злость покинула его, сменившись чем-то ещё.

Сменившись стыдом.

– Хальт? – сглотнул он.

Он развернулся и осмотрел поверхность воды, ища друга, в отчаянии высматривая хоть какой-то знак. Но волны были бурными и стремительными; дракон не нашёл ни следа дикого эльфа.

– Авачел! – заревел он. – Авачел, помоги мне!

Но бог молчал.

– Я подвёл его! – зарыдал Тринкуло. – Нарушил клятву. Я опозорил Авачела.

Вирм плотно закрыл глаза, пытаясь отгородиться, но Ярость – это сила, идущая не извне, но снаружи, из самой сердцевины душ драконьего рода. Она процветала среди слабости, гнева, паранойи и стыда. Всё, что делало его Тринкуло, растворилось, потерялось как капля в море.

Ртутный дракон летел на запад. Он так и не обернулся до самого Эвермита.

